

а з б о к а - т н е б е с т

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

КОГДА ПАДАЮТ ГОРЫ
- [вечная невеста]

Annotation

Основное действие романа Чингиза Айтматова "Когда падают горы (Вечная невеста)" происходит высоко в тьянь-шаньских горах, где пересекаются трагические пути двух страдающих существ — человека и барса. Оба они жертвы времени, жертвы обстоятельств, заложники собственной судьбы.

Желание мести приводит Арсена Саманчина, известного журналиста, в родное селенье, где для саудовских нефтяных магнатов организована охота на снежных барсов... Арсен приезжает в горы, еще не зная, что встретит здесь свою последнюю любовь, а возможно, и смерть. Все драматическое повествование пронизывает легенда о Вечной невесте, которая чудесным видением появляется на заснеженном горном перевале...

-
- [I](#)
  - [II](#)
  - [III](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)
  - [VI](#)
  - [VII](#)
  - [VIII](#)
  - [IX](#)
  - [Вместо эпилога](#)
  - [Примечания](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Существует одна непреложная данность, одинаковая для всех и всегда, — никто не волен знать наперед, что есть судьба, что написано ему на роду, — только жизнь сама покажет, что кому суждено, а иначе зачем судьбе быть судьбою... Так было всегда от сотворения мира, еще от Адама и Евы, изгнанных из рая, — тоже ведь судьба — и с тех пор тайна судьбы остается вечной загадкой для всех и для каждого, из века в век, изо дня в день, всякий час и всякую минуту...

Вот и в этот раз так же обернулось. Да, и в этот раз то же самое — кто бы мог вообразить себе то событие, которое оказалось за пределами человеческого разума и если на то пошло, то, пожалуй, и за пределами божественного промысла.

Единственное, что можно было бы предположить, пытаюсь все же постичь непостижимое, — разве что некую астрологическую взаимосвязь двух существ, о которых предстоит поведать, их космическое родство, в том смысле, что могли они родиться волею тех же судеб под одним знаком зодиака, — не более того. А что, могло быть и так...

Разумеется, они не подозревали и не могли подозревать о существовании друг друга на земле. Ибо один из них жил в городе, в многолюднейшем современном мегаполисе, распираемом от перенаселенности, от уличных торжищ и кабаков с шашлычными дымами, другой же обитал высоко в горах, в диких скалистых ущельях, поросших густыми арчевниками и покрытых по склонам залёживающимися по полгода тeneвыми снегами. Потому и прозывался он снежным барсом. А в науке — существует такая наука о высокогорьях — именовался тянь-шанским снежным барсом из рода леопардовых, из семейства кошачьих, к коему относятся и тигры. В народе же, в местах его обитания, такого зверя называют “жаабарс” (барс-стрела), что более всего соответствует его натуре — в момент прыжка он и впрямь быстр, как стрела. А еще называют его “кар кечкен ильбирс”, что означает — “по грудь идущий в снегу”... И это тоже соответствует истине... Другие твари ищут ходы, только бы не

оказаться заложниками сугробов в горах, а он — мощный! — пашет напрямую...

Час барсовой охоты по большей части приходился на середину дня. К тому времени в горах наступает пора водопоя травоядных — дикие козули-эчки и бараны-архары направляются с разных сторон к проточным ручьям и речкам, чтобы утолить жажду, бывает, что на целые сутки, до следующего дня. На водопой они следуют организованно. Легко и упруго, прискакивая, ступая по тропам, словно бы почти не касаясь земли, они идут небольшими группами в цепочку, зорко вглядываясь на ходу и чутко вслушиваясь, чтобы в любое мгновение взлететь пружиной над землей и ускакать прочь от опасности.

Жаабарс, однако, великолепно знает свое хищное дело. Он поджидает добычу, умело притаившись за укрытием, чтобы вмиг совершить неожиданный прыжок сверху, из-за скалы (это самый удачный вариант), или неожиданно кинуться сбоку, из-за куста, сбить жертву с ног и тут же перекусить ей горло, которое обAGRится клокочущей горячей кровью, а дальше — известное дело...

А вот настигать добычу в погоне лучше всего после того, как стадо вдосталь напьется. И для этого надо уметь залечь в засаде вблизи — не дай бог шевельнуться! — терпеливо ждать, хотя живая плоть — вот она, на расстоянии одного прыжка. Надо зорко высматривать и ждать, сдерживая себя изо всех сил, пока эчки, вскидывая свои тонкошеие головы, прядая ушами и поблескивая настороженно сияющими очами, пьют и пьют неслышными плотками, стоя передними ногами по щиколотку в воде. Чем больше поплотят они журчащей влаги, тем большая удача ждет барса. Если погоня предстоит по прямой, то не всегда стоит и увязываться — очень уж эти эчки-архары быстроноги. Они бегут стремительнее звука — в этом их спасение, — не орут и не визжат, не обгаживаются от страха на бегу, как некоторые иные твари вроде диких свиней, порой забредающих в здешнее мелколесье в засуху. А вот когда эчки-архары хорошо напьются, резвость у них становится не та, и тут надо действовать не медля, как только они шевельнутся на отход от водопоя...

И в этот раз ближе к полудню Жаабарса потянуло поохотиться где-нибудь у источника. Он шел сквозь заросли, не торопясь, вдоль

привычно шумной речки, посматривая по сторонам и оглядываясь, — позади мог объявиться кто-нибудь из пятнистых собратьев, снежных барсов. Такое бывает, и это нежелательно, особенно если на охоту выходит семейная стая. К чему лишние неприятности да грозное рычание друг на друга! Лучше охотиться в одиночку. И он шел...

День стоял предосенний, а это что ни на есть лучшая пора в Тянь-Шанском высокогорье — снежные вьюги нагрянут еще не скоро, перевалы пока открыты для прохода, всякая дичь в самом своем смаке, во вкусном теле, нагулянном за лето, птицы — и те пока еще галдят, свистят и резвятся как хотят — птенцы-то уже хорошо окрепли. А к зиме птичьего отродья здесь не останется, исчезнут все крылатые до следующего лета. Зиму им тут не выдюжить...

Высматривая, не появятся ли где косули, бредущие на водопой, Жаабарс прилаживался на ходу к местности, шел так, чтобы пятнистая шкура его не была заметна среди кустарников и скал. Высокий и неограниченно подвижный в крутой холке, с мощной округлой шеей, с крупной увесистой головой, с кошачьими ушами и пристальными, лазерно светящимися во тьме глазами, Жаабарс и телом был упруг, длинен и силен, наделен четко пятнистой шелковисто-плотношерстной шкурой, какие, как поют в песнях, носили на себе шаманы и ханы. Знал бы он, невозмутимо ступающий по земле, что с африканским собратом леопардом очень схож, даже хвосты одинаково длинны и внушительны. Правда, собрату-леопарду приходится по деревьям карабкаться, как кошке какой, чтобы было сподручней на добычу набрасываться, а снежным барсам лазить суждено посolidнее — по скалам, по обрывам, да и деревьев таких мощных, как в Африке, на четырех-пятитысячной высоте нет; лес в здешних местах растет внизу, в долинах, а там разве что рысье племя живет на ветвях да сучьях... Бывает, что забредают барсы в те места лесные, и рыси на них фырчат и шипят, вроде как не признают троюродных сородичей. Для снежных барсов существует иной, высотный мир — обителью им служат только горы поднебесные, и великая охота ждет в схватках и состязаниях в беге с недосыгаемыми эчками-архарами...

Жаабарс вскоре определился, выбрал позицию, залег среди валунов в кустах на берегу небольшой речушки. Притаился, настраиваясь и наостряя когти. Сюда должны были прийти эчки-

косули пить воду, было их штук семь, следующих цепочкой краем склона, горделиво и вместе с тем пугливо вскинув головы. Он высмотрел их давеча издали через расщелину в скалах. И теперь замер в ожидании.

Солнце стояло высоко, светило ясно, редкие светлые облака походя слегка касались ледяных пиков Тянь-Шанского хребта. Все, по предчувствию бывалого зверя, складывалось как должно. Приближался решительный момент охоты. Единственное, что несколько настораживало внутренне Жаабарса, это то, что, затаившись между валунами в наблюдательной позе, слышал он явственно собственное дыхание — точно никак не мог отдышаться. Такое случается, конечно, во время быстрого бега и резких прыжков или в злобных драках за самку, когда рыки и хрипы исторгаются с шумным яростным дыханием, когда клочья летят, когда готов передуть всех вокруг. Но в неподвижной позе выжидания, требующего сосредоточенности и полной слитности с местом засады, когда все внимание обращено вовне, такой одышки быть не должно. Между тем он слышал каждый собственный вдох и выдох. Подобное случалось с ним впервые. И сердце билось сегодня заметнее, чем прежде, — в ушах отдавалось. Вообще много что изменилось в жизни Жаабарса в последний период. Ведь с прошлой зимы он — свирепый барс-одиночка, живущий изгоем в отторжении от стаи. Такое случается, когда исподволь наступает старение. К этому шло давно. Никому не стало прежней нужды в нем после того, как прибился к его барсихе новый барс, из молодых. Схватка была страшная, но одолеть соперника не удалось. Потом еще сошлись, грызлись насмерть, и опять отогнать чужака не получилось. Тот кривоухий (одно ухо у него было изодрано, видимо, в прежних драках) оказался на редкость злобным, неутомимым, настырным зверем, пристал к барсихе, все лез к ней, притирался, заигрывал, угрожал. И все это на виду у Жаабарса. Наконец и сама matka-барсиха, с которой Жаабарс после первой самки, погибшей при землетрясении в горах, долго жил вместе и дважды плодил потомство, ушла с новым самцом, с кривоухим. Уходила демонстративно, то повиливая хвостом налево-направо, то поджимая его, то вскидывая вверх, то выкручивая дугой, потиралась боками и плечами о нового напарника. Ушла и глазом не моргнула...

Жаабарс тогда кинулся было вслед. Догнал, догнать было не трудно — они уходили по ложине трусой, — но толку не вышло никакого, все обернулось по-прежнему. Снова началась дикая схватка. Однако в этот раз и сама барсиха кинулась на Жаабарса, трепала, кусала его, и это оказалось последним ударом, окончательным поражением Жаабарса в попытке сохранить былое место в стае, продлить свою первоприродную роль самца-производителя в барсовом роду. Но даже и тогда, придя немного в себя, Жаабарс попытался перехватить в соседней стае, куда забрел сгоряча, одну из молоденьких новосозревших маток. И здесь схватка была беспощадная, ибо сшиблись сразу три самца, — и тоже ничего не получилось. Стая с маткой и молодыми претендентами умчалась в ближайшее ущелье выяснять отношения и разрешать свои проблемы, а он остался один, покинутый, отторгнутый от главного своего предназначения, — в борьбе за продление рода природа всегда на стороне свежих прибывающих сил.

Прежде чем окончательно удалиться, Жаабарс покружил еще какое-то время по окрестностям — то застывал на ходу, то бесцельно бежал, то ложился, то вставал и оглашал горы отчаянным рыком. Ему хотелось выть по-волчьи, если бы было ему это дано природой. Ошеломленный, растерянный, он не знал, куда себя деть, даже охотничья страсть стала покидать его, не до добычи было — стада козорогих спокойно трусили мимо, будто зная, что ему, матерому Жаабарсу — а ведь еще далеко не старому, еще крепкому, беспрюгрышному охотнику, — сейчас не до них...

Так оно по сути и было. И вот тогда, в непонятное ему, потерявшее привычную сущность время, он увидел вдруг то, что явилось высшей точкой его страданий. Стоя на гребне скалистой возвышенности, припав к стволу корявой арчи, он бесцельно озирался вокруг и увидел неожиданно, как внизу вдоль ложины стремится в брачном беге пара снежных барсов — молодые, впервые обретшие друг друга самец и самка, переполненные силой и страстью, приплясывающие на бегу, игриво покусывающие друг друга, чтобы разгорячить кровь перед тем, как, вырвавшись из земной своей оболочки, воспарить над миром... Даже на таком расстоянии было видно, как зазывно пылали их глаза.

И невольно рухнул, и пополз на брюхе Жаабарс, и застонал, словно хотел уйти от себя самого, но куда было деться? Когда-то такое торжество плоти выпадало и ему, так же играл он со своей барсихой, в ту пору гибкой, как змея, попавшая под ногу, и сладко повизгивавшей. Такое же происходило у него и с той юной девой-самкой, которую он отбил для себя в соседней стае. Тогда и они пустились вдвоем в такой же брачный бег подальше от взоров своих соплеменников-барсов, чтобы не маячить перед ними по-собачьи склещившимися, ибо таинство это предназначено природой лишь самой паре — ему и ей, в полном уединении... Вот так же мчались тогда они в испепеляющей жажде соития, так же возгоралась плоть в ожидании магии, и возгоралось небо над их головами, и качались во вспышках взоров горные вершины впереди. О, весь мир вокруг звенел и сиял, а они — новая пара — вот так же шли в беге бок о бок, заряжаясь друг от друга пьянящей энергией, в такой же предосенний день, чтобы к следующей весне появился в горах новый приплод, продолжение рода снежных барсов...

Так летели они, почти вплотную прижимаясь друг к другу, удлинившись туловищами в беге, словно стремительно плывущие рыбины, вытянув по ветру летящие хвосты. Она — чуть впереди, опережая его на полголовы, как полагается, — в том приоритет самки. Он — на полголовы, не более и не менее, — отставая и пьянея от запаха ее тела, насыщаясь ее горячим дыханием, слыша, как гулко билось на бегу ее сердце. И нечто неведомое до той поры обуревало его. В те мгновения он слышал какие-то новые звуки — протяжные, гудящие и свистящие, разносящиеся эхом по ветру. Они возникали в лучах света где-то над головой, крепили, витали в упругом движении воздуха, в сиянии быстро садящегося солнца, в колыхании гор и лесов вокруг. О, если бы было дано снежному барсу постичь, что то была вселенская музыка жизни, великая увертюра их совокупления... Но, как часто бывает, то оказался лишь сладостный мираж, обернувшийся впоследствии жестокой реальностью. Утекали дни, времена года сменялись и возвращались, мираж растаял...

Прихоти судьбы непредсказуемы — так было, так будет вечно, и нет тому суда.

В тот день, когда Жаабарса постигла участь изгоя, когда его барсиха у всех на виду умчалась с кривоухим победителем, чтоб

предаваться тому, ради чего весь день шла битва самцов, Жаабарс ушел скитаться по окрестностям. Слонялся, пытаясь унять в себе неумную злобу, слонялся бесцельно, даже пропустил охоту. И вот тогда — надо же случиться такому коварству — в одной из глухих горных лощин он набрел на них, барсиху и кривоухого баловня-соперника, наткнулся почти вплотную на склеившуюся уже пару. То была кульминация: зад к заду, как склеенные между собой, они стояли не двигаясь и тихо поскуливали, оглядываясь друг на друга. Увидев Жаабарса, они застыли, словно разбитые внезапно параличом. Все произошло в считанные секунды. Наливаясь яростью, глухо рыча, Жаабарс угрожающе приближался, низко опустив голову, готовясь кинуться, растерзать, перекусить, разодрать глотки им, повязанным, будто сиамские близнецы, и отомстить обоим сразу. Оставалось сделать еще всего лишь шаг. Но в последнюю долю секунды он вдруг остановился и замер неподвижно, не отрывая налитого кровью страшного взора от ненавистно слипшейся пары, — некая сила, некий голос, некая воля удержали его. Точно кто-то подсказал, велел изнутри — не трогать, не причинять вреда сошедшимся для плодоношения. Он повернулся и, спотыкаясь, пошел прочь и, уходя, стонал и сгорал в рыдающем рыке...

Все больше отлучаясь от родовых барсовых стай, Жаабарс обратился в полного одиночку, в беспощадного и свирепого зверя-отшельника, готового биться до крови по любому поводу. Жил он по пещерам, забредал в высокогорные снега в погоне за спасающимися животными и нередко заваливал дневной добычи больше, чем требовалось, будто бы для того, чтобы сбегались отовсюду на доедание все эти мелкие паразиты — шакалы, лисицы, барсучье, чтобы слетались базарно скандальные стервятники, хрипло и недовольно орущие и бьющие крыльями и когтями. На всю эту свалку глядел Жаабарс молча и презрительно со стороны, а иногда кидался их разгонять, ревел и рычал, словно бы они в чем-то были повинны. Так срывал он свою злость, боль и тоску по былому...

Шли дни, горы стояли на своих местах, как всегда, сияя вершинами, навечно закованными в снега и льды, менялась погода, миновали зимы и лета, и все так же пребывал в своем одиночестве, внешне ничем не меняясь, тигроподобный пятнистый царь высокогорья Жаабарс. Но незаметно наступили дни, когда он стал

ощущать одышку... Она проявлялась поначалу от случая к случаю и главным образом во время резких и напряженных движений, но чтобы дыхание распирало грудь тупой болью в спокойном состоянии, такого еще не бывало.

Поджидая косуль близ водооя, Жаабарс в этот раз впервые почувствовал, что дыхание сбивается еще до начала охоты.

Действовать предстояло как всегда — дожидаться в засаде, когда эчки-архары напьются вдоволь, и, не упуская момента, броситься в атаку. Но пока то было только намерение. Необходимо было, чтобы все сложилось как нужно, ведь бывали случаи, когда эчки-архары каким-то образом учуивали засаду, в мгновение ока сворачивали в другую сторону и стремительно исчезали из виду. Тогда приходилось заново выслеживать, кидаться в погоню, а там — как получится...

В этот раз Жаабарсу не приходилось сетовать на судьбу. Архары, а это были именно они — дикие рогатые бараны, бегуны и скалолазы, выедающие самые недоступные травы и ягоды высокогорья, — не отклоняясь, шли к извилистому повороту течения, где и поджидал их в засаде сам Жаабарс. Они его не приметили издали, не учуяли вблизи и спокойно начали пить, выстроившись рядом вдоль берега.

Не шелохнувшись, Жаабарс следил за ними из укрытия. Все шло своим чередом — животные наслаждались водопоем, пили и отдыхали, предстояло только выждать. Единственное, что не укладывалось в обычную ситуацию, — это одышка самого Жаабарса. Слышались глухие хрипы из груди, и хотя они ничем пока не мешали, затрудненность дыхания настораживала.

Однако настал момент, когда барс должен был в два молниеносных прыжка достичь и страшным ударом лапы по хребту свалить большого рогатого архары, стоявшего с краю, вожака стада, — но одышка дала о себе знать, дело сорвалось. Уже на взлете, в прыжке, он увидел, как стадо вздрогнуло разом, резко вскидывая головы, ему оставалось нанести сокрушительный удар лапой с выпущенными когтями, вот он уже почти долетел до цели, но рухнул на землю рядом с архаром, отскочившим в сторону. Не хватило воздуха. В дикой ярости Жаабарс тут же рванулся с места и снова бросился на архары, но тот вывернулся, и вслед за ним все стадо ударилось в бег от страшного хищника.

Еще можно было настичь архаров, еще можно было завалить первого попавшегося, и Жаабарс ринулся изо всех сил вдогонку, но опять неудача — не догнал, не свалил, не восторжествовал в победном рыке, а стадо уходило все дальше... Задыхаясь в мучительной одышке, пересиливая себя, попытался еще раз, но было поздно... Такая неудача впервые обрушилась на голову Жаабарса. Но самым досадным и унижительным оказалось то, что вожак убегающего стада, круторогий архар-самец, на которого нацеливался хищник, вдруг обернулся на бегу, угрожающе, с вызовом покачал рогами и, взрывая копытами землю, помчался прочь. Это был знак того, что Жаабарсу отныне не следует рассчитывать на безусловный успех и придется ему теперь побираться, обладывать остатки чужой добычи.

Да, конечно, и прежде случались мелкие промахи на охоте, но таких поражений Жаабарс еще не знал...

Он никак не мог прийти в себя, ошеломленно оглядывался, пытаясь усмирить одышку, и медленно брел куда глаза глядят...

Мир опустел. И хотелось Жаабарсу услышать напоследок волшебные звуки гор, водопадов и лесов, ту самую вселенскую музыку, как тогда, в его брачном марафоне, хотелось взреветь призывно, но мир молчал...

Одиноким, задыхающийся бывший царь высокогорья Жаабарс уходил по горам, сам не понимая куда. Предстояло отыскать убежище, пещеру, чтобы коротать там в одиночестве последние дни своего медленного необратимого угасания в ожидании исхода жизни. И никак не мог предвидеть хищный зверь, что напоследок судьбу его разделит с ним человек. Об этом существе он знал лишь понаслышке, точнее, по эху редких ружейных залпов в горах, от которых он невольно вздрагивал, замирал на месте и уходил подальше, но чтобы видеть вблизи самого человека — такого еще не бывало.

Однако такая встреча была написана ему на роду. Опять же — судьба...

II

Трудно объяснить, но бывают такие стечения — и по месту действия, и по времени, и, главное, по поступкам субъектов, которые словно бы вынуждают судьбу на неожиданные повороты. Нечто подобное случилось и на сей раз. Хотя он не предполагал такого хода событий. Думалось, верилось, что в конце концов истина восторжествует. Ведь она не может умереть. А значит, живи и всякий раз доказывай истину — для того и существуем, так велено свыше. Только вот что есть истина?..

Как всегда с пятницы на субботу, ночная жизнь начиналась заметно раньше, чем в будние дни. С приближением вечера Арсен Саманчин уже был на месте. Сидел за столом в ресторане, сделав заказ, и воздерживался от курения. Боролся. Бросал. А курить тянуло, как обычно бывает, когда под ложечкой сосет от ожидания. Вскоре за окнами засветились в сумерках уличные фонари, замелькали габаритные огни и фары проезжающих мимо по проспекту автомашин.

Ресторан пока еще наполовину был пуст, но через некоторое время здесь, как говорится, яблоку негде будет упасть. Ничего удивительного: та публика, которая могла себе позволить шикарное времяпрепровождение, устремлялась именно сюда, на окраину Дубового парка, в самый престижный, элитный, как принято теперь говорить, и, разумеется, самый дорогой ресторан, детище 90-х годов, бывший Дом офицеров, отделанный под евростиль и названный с геополитическим подтекстом весьма громко и модно — “Евразия”.

Вот в этой “Евразии” и дожидался он своего часа. Кто-нибудь со стороны мог бы подивиться — чего это он сюда зачастил и все в одиночку? Был бы он разорившимся бизнесменом, неудачно сыгравшим ва-банк, тогда понятно: горе заливает. Однако он был не из них, и причины, побудившие его посидивать за бутылкой вина в “Евразии” вроде бы в ожидании друзей, были не совсем ясны даже ему самому. Делая вид, что не теряет времени даром, он доставал из кейса своего неразлучного какие-то бумаги, просматривал, вчитывался, попивая вино и прислушиваясь к дежурной музыке, и

понимал, томясь изнутри, что по сути дела идет на риск, но иного выхода не видел, хотя предчувствовал, учитывая наметившуюся тенденцию, что лимит его надежд и ожиданий почти исчерпан и, пожалуй, в этот раз ему предстоит последний заход. Да, следовало действовать, подойти к ней так, чтобы успеть завязать разговор. Как она отреагирует? Иные именуют ее уже примадонной, но он-то знает и она знает... Главное — не упустить момент. Еще одна попытка во спасение истины. Опять он со своей истиной, сколько можно! Но что станется на деле, какова окажется ответная реакция, сказать трудно. Насколько его переживания и убеждения, в благородстве которых он не сомневался и от которых не отсекся бы, даже доведись ему погибать за них в безводной пустыне, найдут теперь у нее понимание, угадать было трудно. Вот ведь как все обернулось. Романтика, мечты, отвергнутые реальностью! А он судорожно держится за них и оказался вместе с ними в капкане, но не отказывается. И получается, будто все мчатся мимо по автобану современности, а он, чудак, голосует на обочине, но никому до него нет дела. И вот еще одна попытка. Потому и поторопился он прибыть пораньше и выбрать место так, чтобы ничто не загораживало ему эстрады. Такая позиция была необходима...

Тем временем на сцене появились оркестранты и стали деловито рассаживаться. Предстоял что называется “прямой эфир”, ибо в ресторанах подобного ранга, как известно, предпочитают живую рок-музыку с выступлениями приезжих и местных звезд.

Кое-кого из музыкантов, игравших прежде в оркестре оперного театра, он знал в лицо, с некоторыми был и лично знаком. Правда, давно не общались. Столько воды утекло. Нужен ли он им так же, как прежде? Да разве дело в этом? Вот зазвучит музыка, и для каждого раздвинется незримый занавес в иной, желанный мир, вхождение в который дано человеку испытать только через музыку, и все суетное отступит, останется лишь поющий дух. Что касалось музыки, она была его врожденной страстью, непостижимой, неумемной стихией. Не увлечением, а чем-то гораздо большим, необъяснимым. На этой почве произошел с ним однажды случай, который он нередко вспоминал, в душе посмеиваясь над собой, даже издеваясь, называя себя чокнутым меломаном. Оказавшись в Лондоне в ранние перестроечные годы по своим журналистским делам, он был потрясен и крайне возмущен

тем, что в одном из фешенебельных лондонских отелей, где проходила их конференция, в туалете, пусть прекрасно оснащенном всеми необходимыми атрибутами, в тиши над писсуарами откуда-то с потолка лилась волшебная музыка. Прибывающие по нужде совершали свои дела, входили и выходили из кабин, где они, естественно, подтирали зады, мочились, плевались, харкали и в заключение запускали грохочущие смывочные потоки в бурляще захлебывающихся унитазах, а тем временем в их честь звучали то Вагнер, то Шопен, то кто-нибудь еще из гениев. О, какая музыка низвергалась с неведомых высот прямо в канализацию. Не понимал он никак столь своеобразного сервиса урбанистической цивилизации. Ведь музыка — это хождение к Богу, галактика духа. А тут, глянь, что учинили! Эх, сожалел он по-совковому, была бы в отеле “Книга жалоб и предложений” — уж он выдал бы им, этим администраторам пятизвездным! Поднявшись из полуподвала в холл, он тем не менее заикнулся было и тут же — как потом потешался над собой сам, “как заикнулся, так и заткнулся!” — на своем вполне сносном английском, освоенном в московские годы учебы на высших комсомольских курсах для ведения борьбы с империалистическим Западом, попытался высказаться по поводу клозетного унижения музыки, но получил ответ: если вам не нравится этот туалет, идите в другой...

Помешанный на музыке, он не стеснялся иной раз даже сказать — полушутя, конечно, — что, будь он с детства отдан музыкальной учебе, а не гонял бы айльных лошадей в горах, быть бы ему непременно композитором, ибо в душе он интуитивно сочиняет музыку, но, получается, только для самого себя.

Так что оставалось лишь выступать в печати музыкальным чайтелем и театральным критиком — это он любил. Однако и тут, случалось, попадался на удочку...

Может, оттого, что выпил вина (вино в “Евразии” было отменное, французское, так что и сегодняшнее посещение ресторана, не в первый раз, влетит ему в копеечку) и разгорячился малость, вспомнил некстати, с раздражением и с досадой, как один расхожий писака, местный популист и, сказывали даже, шоумен, каких развелось ныне — как грибов после дождя, загнал, что называется, ему в ворота гол, сославшись на его высказывания в каком-то интервью по поводу музыки и музыкальной культуры: “Вот так и курлыкает в небе

заблудший журавль перестройки — наш меломан Арсен Саманчин. Когда-то Саманчин летал в одной стае с Горбачевым. И всех звал в своей исчезнувшей ныне, не потянувшей рыночной лямки газете «Руханият» духовностью обновить социализм. И вот нет уже ни Горбачева, ни стаи, а он, заблудившийся журавль, продолжает курлыкать о свободе духа, о музыке: музыка-де высшая свобода и красота Вселенной, а нам только этого и надо — браво! Коли музыка высшее проявление свободы духа и большей свободы на свете быть не может, стало быть, каждый волен обращаться с ней как вздумается — хочет скачет верхом, хочет хлещет кнутом, пусть гроыхает гром, всех под крышу заберем и айда, айда, айда, и танцуем, и поем, и ликуем, и сексуем в гипертрансе мировом... Вот что нам надо от музыки! Синтез, компот божественного и секс-базарного! Теперь мы будем распоряжаться музыкой, размножать, распространять альбомы, диски, деньгу-то крутим мы — так называемые либеральные нувориши, да, лучше быть нуворишем, чем жалким гуманитарийшой. И нас ничем не остановить. Массовость шоу-эстрады превыше всяких там сакральных ценностей, классики-млассики, фольклора-мольклора. Сюсюкайте сами! А нам на руку бизнес-электронный шаманизм! Сотни тысяч рук, воздетых в экстазе, глаза, полыхающие безумием, гремящая, вулканическая музыка и небо, качающееся, как лес под бурей, — вот что такое свобода в действии. Даешь электронную всемирную музреволюцию! Если надо, мы и климат изменим!” Вот ведь гад!

К чему было припоминать всю эту циничную трепотню? С досады выпил плоток и хотел еще подлить себе вина, но в это время к столу подошел кто-то из ресторанных служащих. Не официант — с виду весьма солидный, при серой бабочке на толстой шее, как полагалось при евросервисе, в больших очках. Оказалось — сам директор.

— Извините, вы — Арсен Саманчин? — Он положил перед Саманчиным свою визитную карточку с эмблемой “Евразии”.

— Да! — по привычке живо откликнулся Арсен. — Я Арсен Саманчин, вы не ошиблись. А вы, значит, шеф-директор “Евразии”? — И, привстав, протягивая руку для рукопожатия, добавил шутливо: — Стало быть, шеф целого Евразийского континента?

— Ошондой! — покривился тот в ответ, что по-киргизски означало точное подтверждение сказанного, “именно так”. Арсен Саманчин тут же дал ему про себя кличку “г-н Ошондой!”

А Ошондой вслед за рукопожатием уверенно отодвинул стул и сел, желал, видимо, о чем-то серьезно поговорить, ибо начал протирать очки в тяжелой оправе.

Несколько удивленный неожиданным визитом самого шеф-директора Ошондоя, Арсен Саманчин тем не менее продолжал в приветственном тоне:

— Уважаемый шеф-директор, позвольте, уберу кейс, чтобы не мешал вам. У вас тут в “Евразии” превосходно, замечательно, сию и люблю, я иногда бываю здесь, редко, но...

— Знаю, знаю, — бросил тот, но не успел перехватить разговор.

— Вот сию и люблю, — оживленно оглядываясь вокруг, повторил Арсен Саманчин. — Смотрите, сколько посетителей, а какие красивые женщины! — У него чуть заплетался язык, все-таки малость выпил, сказывалось. — А без женщин, сами понимаете, ресторан не гестоган, — на французский манер в нос произнес Саманчин, но собеседник не уловил иронии. — Да, ресторан — не ресторан, театр — не театр, базар — не базар. Вон еще прибывают. И тоже красавицы! На балконе еще есть места для желающих посидеть повыше. Вот и оркестр начал настраиваться! Наконец-то. Жду, жду музыку! Для того и прибыл. А люстры какие! Сказывают, итальянские?

Ошондой кивнул головой.

— Да, ошондой, итальянские, — и решительно приподнял руку в предупредительном жесте, призванном дать понять: повремените, мне тоже кое-что сказать надо. — Я подошел к вам не случайно, чтобы это самое... — и запнулся на полужае.

— Ну, это замечательно! — разошелся Арсен Саманчин, приободренный тем, что еще не совсем забыт, что его еще узнают в публичных местах, даже такие вот крупные менеджеры. — Так давайте выпьем, — искренне предложил он, дружелюбно глядя в тяжеловесное лицо собеседника. — Надо сказать, отменное вино у вас, отличное! Давайте я вам налью и еще закажу.

— Нет, нет! — Ошондой перехватил его руку с бутылкой. — Я не для этого. Я по службе. Да, вас многие знают, вы известный человек, но об этом как-нибудь в другой раз. Я к вам по другому делу.

Ситуация, знаете ли... Сегодня у нас очень большое мероприятие: ужин для зарубежных спонсоров, канадское СП по аксуйскому золоту, международное дело, и местные партнеры по золоту тоже — они приглашающие. Большие люди, с охраной, понятно, с женами. Концерт... Не в этом, однако, дело. Не буду кривить душой, вот только что позвонили, поступило указание, чтобы Арсен Саманчин сегодня не присутствовал в зале. Так и сказано: “Так требуется!”

— Стоп! Стоп! Кто же это так заботится обо мне? — вспыхнул Арсен Саманчин. — Кому так требуется и какое право...

— Я говорю то, что мне велено! — не вдаваясь в подробности, перебил его Ошондой, багровея лицом. — А кто о чем заботится — не мое дело. Сказано свыше! — вздернул он голову к потолку с сияющими люстрами. — А я выполняю. Стало быть, надо покинуть ресторан по-хорошему и без лишних разговоров. И чем быстрее, тем лучше. Давайте прямо сейчас поднимайтесь — и дело с концом. Так требуется.

— То есть как требуется? Как это понять? — только и успел промолвить Саманчин и запнулся, жестко поджав побледневшие губы. Конечно, он мог устроить дикий скандал, чтобы у этого мордатого Ошондоя глаза полезли на лоб, опрокинуть стол к чертовой матери, двинуть в рыло, поднять хай, заявить протест против оскорбления своей чести и достоинства, сделать многое другое, чтобы дать отпор этому унижительному давлению на его права, но сейчас ему было не до этого. Осененный молниеносной догадкой, он подавил в себе взрыв эмоций, но не от избытка самообладания, а от ощущения, будто его послали в нокаут, будто пред ним разом рухнуло подрубленное дерево и почва под ногами с грохотом сотряслась, ибо то, что он чувствовал интуитивно, что подспудно жило в подсознании как романтический поток звучащего внутри него музыкального мышления, то, о чем он любил порой помечтать, все это обрушилось вмиг, как то самое дерево, лишилось всякой надобности, своего самостоятельного существования. И эту сокрушительную катастрофу в нем произвела всего лишь одна мысль: “Неужели это она? Неужели она пошла на такое?” Не веря собственной догадке, он глянул на сцену — ее на подиуме еще не было, но оркестр в ожидании ее выхода наигрывал попури из каких-то мотыльковых мелодий. Он выхватил из кармана мобильный телефон и начал набирать ее номер. Пальцы дрожали.

Боялся, что и голос будет дрожать. Не хотелось, чтобы Ошондой это видел, но деваться было некуда. Ее телефон оказался заблокирован, о чем после нескольких гудков отстраненным голосом сообщила она сама: “Я — Айдана Самарова. Телефон временно отключен и недоступен для связи”, — и опять пустые гудки.

— Не отвечает? — иронично приподняв бровь, поинтересовался Ошондой.

Саманчин промолчал. Что конкретно имел в виду Ошондой? Кто не отвечает? Предполагает? Догадывается? Или точно знает? Допытываться не стал. Не хотелось унижаться. И вообще дело-то в другом: предстояло решать, как быть дальше. Встать и удалиться, на том поставив точку, или потребовать объяснений — от кого поступило указание и почему он, шеф-директор ресторана, так усердствует, что превратился по сути дела в вышибалу?

— Ну, так что? — выжидающе подал голос Ошондой. — Встаем? Могу проводить до выхода...

— Нет-нет, этого как раз не надо, — отказался Арсен Саманчин. — Дорогу я сам знаю. — Он раздраженно захлопнул кейс.

— Ну что ж! Разумно. Кстати, расплачиваться за ужин не надо. Это мы берем на себя, — добавил мордатый Ошондой.

И тут Арсен Саманчин взорвался, точно только этого и ждал, чтобы выместить всю свою боль.

— Да ты что?! — негодуя бросил он в лицо Ошондой, подчеркнуто перейдя с “вы” на “ты”. — Ты за кого меня принимаешь? Я что, пришел к тебе с улицы подаяния просить? Да пошел ты знаешь куда! Плевать мне на твой ресторан и на тебя самого. Зови давай официанта, до копейки рассчитаюсь прежде, чем выйду отсюда. И отвали! Всё!

— Ну, смотри! Дело твое. Официант сейчас явится. А там, значит, того, чтобы только — как сказано! — предупредил Ошондой, медленно встал и пошел, не оглядываясь, с побагровевшей бычьей шеей...

И тут Арсен Саманчин допустил nepозволительную ошибку, глупость, смелочился, чем только усугубил скандал.

— Эй, ты! — окликнул он Ошондой и, когда тот обернулся, злобно бросил ему в лицо: — Ты не думай, что погнал меня в шею —

и все! Я этого так не оставлю! У меня тоже есть свои ресурсы. Я журналист, независимый журналист! Запомни!

Это словно подстегнуло Ошондоя:

— Что тут запоминать? Подумаешь, нашелся. Да плевать мне, кто ты! От тебя уже женщины шарахаются, метут на сторону.

— А тебе какое дело?

— А такое, что знай свою мусорку. Журналисты теперь — что свиньи в стойле: как накормишь, так и хрюкают, что в газетах, что на телевидении. Нашелся тоже мне! Если ты через пять минут не провалишь отсюда, пеняй, гад, на себя... У нас есть силы. Все! Больше ни слова!

С этим Ошондой решительно сдернул очки с искаженного злобой лица и удалился, уже не оборачиваясь на оклики “независимого журналиста”.

Знал бы Арсен Саманчин, каким окажется для него продолжение этой истории.

Явился официант:

— Извините, прошу, вот ваш счет!

Но все еще вне себя от ярости Арсен Саманчин отодвинул в сторону тарелочку со счетом:

— Сначала принеси мне водки!

— Водки?

— Да, водки! Если не понимаешь по-русски — арак!

— Сейчас принесу. Сколько?

— Сколько дотащишь! Быстро!

— Есть!

Официант резво зашагал в сторону буфета. Разгоряченный Арсен Саманчин огляделся вокруг. Никому до него не было никакого дела. Ресторан жил своей вечерней жизнью: народу уже было полно, набралось и на балконе. Сплошной говор, смех, звяканье бокалов, гул многолюдья. И музыка, созвучная настроению зала, сопровождаемая бегущими по стенам световыми лучами, бодрила и расшевеливала души. И только он один в этом сборище оказался изгоем. Голова кружилась, и сердце щемило в груди от напряжения, от понимания того, что теперь не дано сбыться тому, на что он сегодня рассчитывал. Если бы доподлинно знать, откуда такая напасть — от нее самой, от Айданы, или от ее новых покровителей? И если от нее, то как могла

она предать его, выдать врагам, позволить им вмешаться в их личное дело, кто же она после этого? Какая тварь! И зачем? Что такогостряслось, чтобы гнать его в шею? Да, была как-то тут ситуация. Случилось это недавно, когда наступила одна из становившихся все более затяжными в последнее время пауз в их отношениях, когда она стала уклоняться от встреч с ним. И тогда он вот так же пришел сюда и стоял вплотную возле эстрады, не выпуская кейса из рук, — весь вечер простоял, упорно глядя на нее. Ему хотелось крикнуть ей: эй, богиня в фольге, опомнись, неужто ты схоронила Вечную невесту еще до того, как она родилась на сцене в твоём лице? Неужто ты продала ее за пляски в таборе? Или ты взбесилась? И еще что-то убийственно-саркастическое зрело в нем, но он не проронил ни слова... Просто стоял и смотрел, а в кейсе заложником немоты лежало великое, в чем он был убежден, творение — рукопись, ждущая своего часа. Но когда предстояло пробить тому часу? И кому какое дело до того? Только ей... А музыка тем временем, как и полагалось, гремела на эстраде, раскошегаривалась под дробь барабана, и солистка изливалась в пении, исходила в эротических телодвижениях так, что публика безумствовала в буре коллективного эротического возбуждения и не отпускала ее, пожирала ненасытно глазами, аплодируя и вопя в экстазе, а он, стоя возле сцены, страдал, глядя, как она трудилась голосом и телом, работала поденщицей на эту ломовую музыку. Несколько раз их взгляды встретились, словно молнии в той буре безумия. Она-то понимала что к чему.

И вот новый виток. Начиналось то же самое, только в этот раз его, все с тем же кейсом, все с тем же великим творением, в нем лежащим, гнали вон из зала... И он должен был подчиниться.

Вернулся официант с бутылкой водки на подносе.

— Пожалуйста. Вам налить? В бокал, в стакан?

— В стакан.

— Сколько?

— Полный.

И точно в горящую пропасть, он опрокинул в себя полный стакан водки. И ошалел, задыхаясь. Он хотел сжечь себя.

— Сколько с меня? — строго спросил он, просматривая счет, так же строго (копейка в копейку) рассчитался, удивив официанта, и молча пошел прочь, стараясь не показать, чего ему стоило после

стакана водки держаться ровно, расправив жесткие плечи и вытянув жилистую шею.

В гардеробе он взял шляпу и с тем же строгим видом надел ее на голову. Он любил ходить в шляпе зимой и летом. Айдана не зря прозвала его Шляпником. Уже на выходе он услышал донесшийся с эстрады ее голос, голос Айданы Самаровой. Весь ресторан дружно зааплодировал — свершилось долгожданное: дива явилась! Раздались первые восторженные возгласы: “Ай-да-на! Ай-да-на!” Но Арсен Саманчин не опянул, лишь замедлил шаг и сумел еще, с трудом одолевая вал опьянения, подумать: вот, мол, любуйся, наглядное пособие — апогей рекламы и моды. Ради этого эффекта работает вся инфраструктура, идет гонка на выживание. Слава, популярность, все это в конечном счете для того, чтобы деньги сыпались листопадом. Он даже насмешливо промурлыкал: “А без денег жизнь плохая, не годится никуда. Ой, ля-ля!” И захотелось ему негодуяще топнуть ногой, захохотать во все горло, пуститься в пляс... Но удержался. И тут же ему захотелось плакать. Возопить так, чтобы небо услышало и задохнулось. Предстоял исход, нужно было куда-то скрыться, чтобы не совершить чего-нибудь страшного. Удалиться немедленно, пока не поздно, исчезнуть навсегда.

“Любить и убить! Да как же можно такое? Да это ты по пьянке! Нет, не по пьянке, — ответил он себе сам, холодея от мысли самой... — Любить и убить...”

Он уходил, а в голове вертелось: и в могиле не забуду, не прощу!..

III

Кому что суждено на свете. Вот именно — кому что. И это всегда так. И никому не уклониться... В ожидании судьбы дни насущные придут и уйдут. А ожидание останется до последнего дня, до последнего часа... И так будет всегда.

Но вот снова подул ветер откуда-то — это судьба, спохватившись в дозоре своем, поспешала в тот час узреть повсюду все, что полагалось узреть в мире сущем и в душах, и в мыслях, и в поступках людских. И опять хваталась судьба за дела свои неотложные, и, как всегда, нацеливаясь с дальним умыслом, подспудно готовила неожиданные стечения обстоятельств, которые так же неожиданно предопределяли участь и хождения по миру тех, кому предназначалось познать на себе веление оной судьбы неумолимой и пережить грядущие дни свои, невольно обращаясь всякий раз к небу все с теми же вопросами: что будет? Почему? И как быть?..

Но небо не слышит ни шепота, ни криков...

Даже дикий зверь в горах — и тот взывал, с хриплым рыком обращаясь к небу, луну донимал, и пряталась луна от него то за тучами, то за снежными вершинами, потому как и он не был обойден судьбой вездесущей и ему, горному барсу, она предуготовила нечто...

Потерпевший поражение в самцовой схватке, лишенный права участвовать в продолжении рода, изгой Жаабарс влачил в ту пору тяжкое существование, усугублявшееся сверх всего и тем, что инстинктивно он еще сопротивлялся, еще не смирился окончательно, еще жаждал возврата былой энергии и, вопреки всему, подчас горячился. Так и хотелось, как в былые времена, пристать к какой-нибудь барсихе, однако все они уже были “в разборе”, и его побуждения не находили никакого отклика. Бывало, он кидался на соперника, чтобы задушить его или хотя бы просто заявить о себе, но схватка обычно заканчивалась вничью. Напрасны были все иллюзии, по сути, в племени его уже не замечали, будто он и не существовал вовсе. И приходилось держаться в стороне, по обочинам барсовых сходок, сбегавшихся при крупной добыче. А сдержанность давалась нелегко, требовала немислимого терпения, надо было сохранять

напряженное, до судорог, спокойствие, дожидаясь остатков пожираемой другими дичи. Такова оказалась теперь его печальная доля, хотя внешне он выглядел по-прежнему внушительным — крупноголовый, с приуставшими, мерцающими исподлобья глазами, с бугристой мосластой холкой и чаще всего спокойным, мягко изогнутым хвостом, что свидетельствовало о том, что Жаабарс еще способен владеть собой когда надо.

Вот только племени до этого не было никакого дела. Лишь сезонные пары хищников с приплодом свирепо поглядывали на него и сторонились, будто он был в чем-то повинен, а бывшая его барсиха, та и вовсе не признавала его — с вызывающей наглостью, призадрав хвост, бок о бок со своим столь же наглым новообретенным ухажером проходила мимо, словно Жаабарс был тенью. И такое унижение приходилось претерпевать тому самому Жаабарсу, который еще совсем недавно был вожаком среди сородичей, обитающих в горах и ущельях притяньшанского вечноснежья. Отлученный от стайной жизни, он худо-бедно перебивался охотой на всякую мелкую тварь вроде барсуков, сусликов, попадались и зайцы. От голода Жаабарс в общем-то не так уж и страдал, хотя, конечно, не насыщался, как бывало, досыта мясом диких парнокопытных, которых прежде валил почти каждый день. Удача — и та отвернулась от него.

Однако не иссякала в нем воля к сопротивлению, не смирился он, ставший фактически неприкасаемым, с участью изгоя, вынужденного жить на коленях. Вопреки всему клочкотал в нем стихийный бунт неприятия реальности, в глубинной сути его звериной нарастал протест, зрела — наперекор всему — сила внутренняя, неодолимая, повелевающая как можно скорей покинуть здешние места, эти горы и ущелья, ставшие для него злополучными, исчезнуть навсегда, безвозвратно, удалиться в иной мир, который находился не где-нибудь, куда можно заскочить походя, а за перевалом, за великим перевалом поднебесного вечноснежного хребта. Ему предстояло отправиться туда, в необжитые пределы, на редко доступное — лишь в летнюю пору и лишь на считанные дни — вершинное плато между Узенгилеш-Стремянными хребтами, недостижимыми даже для пернатых высшего полета. Вот куда влекла Жаабарса сила, настойчиво подталкивавшая изнутри, вот куда тянула тоска неуемная. Когда-то он

забирался туда на летнюю побывку, но в том-то и заключалась ныне его трагедия — в недоступности прежде доступного...

Путь к перевалу, крутой и скалистый, пролегал по высотному, никогда не тающему снегу, уходил под самые облака и тучи, ползущие по перевалу и исчезающие за ним, опускающиеся по склонам, погоняемые ветрами по горам, как пастушьи стада... Все это было рядом... Почти рукой подать...

Все это обозревал Жаабарс, останавливаясь, переминаясь и топчась на месте, прикидывая — сколько еще предстоит пробираться через сугробы. И шел, уминая навалы снега, утопая в снегу по горло, и снова карабкался, цепляясь когтями всех четырех лап, и полз, припадая всем телом к ледяному лону каменных скал. Но дыхания здесь уже не хватало, точно он в бешеной гонке преследовал добычу, оглушительное сердцебиение отдавалось в ушах и — самое страшное — возникал приступ тяжелой одышки, валивший с ног, отшвыривавший назад, в мерцающих видениях рушился окружающий мир. Дальше, выше двигаться не хватало сил — хрипел он, рычал в удушье, а продвинуться не мог ни на шаг... Будь он в силе, как прежде, — через час-другой преодолел бы Узенгилеш-Стремянный перевал и вышел бы наконец к тому, к иному миру. На райскую побывку в небесах... Но если бы и удалось, то в этот раз прибыл бы он безвозвратно, чтобы остаться там навсегда, до последнего дыхания, до последнего мгновения жизни...

Так на подступах к высокогорному плато, окаймленному неприступными хребтами, изводился неприкаянный Жаабарс, в отчаянии мотал головой, скреб когтями мерзлый каменистый грунт, и если бы дано было ему от природы заплакать в голос, то разрыдался бы он так, что горы сотряслись бы вокруг.

Уже несколько раз пытался Жаабарс осилить перевал, однако не удавалось... Однажды совсем рядом с ним, мучимым одышкой, прошли, подпрыгивая на ходу, с десятков рогатых горных архаров — точно хищного барса и не было поблизости. Они его видели, а он делал вид, что не замечает их, предназначенных природой стать главной добычей горных барсов... О, горы, разве бывает на свете такое?! Но горы молчали. О, небо, разве бывает такое на свете?! И небо высокое молчало. И сникал от тоски Жаабарс...

А ведь было время, когда все ладилось, когда перепрыгивал он с разбега через крутой водопад, который — случись что — унес бы в пропасть кого угодно и вдребезги разбил бы о камни. Но он, Жаабарс, был в ту пору настолько силен и ловок, что не было ему преград — ни пропастей, ни круч, и метель обнимала его как родная, и кликала его некая богиня с горы: “Подойди ко мне, Жаабарс, подойди!” Он стремительно кидался на ее зов, а она исчезала, и слышался ее голос уже с другой стороны: “Подойди ко мне, Жаабарс, подойди!” И снова бежал он, летел со скоростью стрелы... Ничего не стоило ему в ту пору, когда весь мир принадлежал ему, поспевать, обгонять, настигать и всегда побеждать! Мир вокруг был его миром.

Теперь, мотаясь, карабкаясь, изводясь и унижаясь перед необоримым перевалом, припоминал он с тоской и болью те минувшие дни.

Был полдень. Полдни наступают изо дня в день, но то был незабываемый летний полдень...

И лето тоже незабываемое...

На таких высотах в безоблачный ясный день солнце не жжет, не печет, не загоняет отлеживаться в тень, как в низинах, а излучается чудным, абсолютным сиянием, окармливая горный мир своим светом и трансформируясь в живую энергию, никнет ко всему, что живет и дышит на земле, — от простой травинки до стаи птиц, кружащих над хребтами и залетевших сюда тоже на побывку. И все сущее наслаждается в такой час под солнцем благами бытия...

Так было и в тот полдень, когда они — он и она — вольно мчались по Узенгилеш-Стремянному плато, побуждаемые солнцем и величием гор, мчались в едином порыве, в беге ради бега, чтобы насытиться друг другом...

А прибыли они сюда еще накануне. Шли весь день, пробиваясь через перевал, не замедляя хода ни на миг, чтобы не оказаться застигнутыми ночью в пути, чтобы не замело их метелью. И удалось-таки Жаабарсу и его подруге барсихе пробиться к заветной цели до заката, засветло. И оно того стоило! Удачу дарила им, пришельцам по зову инстинкта, природа в тот день во всем. Как только звери отдышались с дороги и стали приплядывать место для ночной лежки, увидели они неподалеку табунок горных косуль, с десятков голов, тоже только что перебравшийся через перевал на луга, на травостой, на

воды поднебесные. Но исход тяжкого и для них, парнокопытных, одоления обернулся бедой, а для хищников — удачей. Барсы тут же кинулись в атаку. Догнать добычу было не так уж трудно: после недавнего перехода косули были изнурены. Одну из них барсы завалили с ходу, остальные умчались. Спокойное насыщение свежим мясом на ночь оказалось очень кстати — вкусно, сытно, вольготно. Звезды в небе словно знали это — светили тоже спокойно и благостно над их головами и над горами.

А утром всплыло солнце на ясном небосклоне и ожили, воскресли в незыблемости своей и грандиозности хребты и вершины гор, высветляясь приобретающими все большую резкость гранями.

Жаабарс с напарницей были уже на ногах и не столько высматривали по привычке случайную добычу, сколько гуляли по нетронутым кущам и травостоям, наслаждаясь воздухом высокогорья. А ближе к полудню, когда солнце вошло в зенит, барсы сначала пошли прыжками, потом пустились в долгий бег. Словно сама сила солнца увлекала и вдохновляла горных леопардов, наделяя их небывалой красотой и мощностью, дабы постигли они в тот час сущность своего двуединого бытия. То было торжеством их гармонии.

Они шли в беге, ничем не скованные, бок о бок, и ничего в тот час не существовало для них в мире, кроме солнца и гор. Никакой добычи им не требовалось, если бы даже и встретилась она на пути. Они насыщались солнцем, поедали на бегу его свет и тепло и становились все сильнее, нисколько не утомляясь, пребывая на вершине наслаждения жизнью. Так было...

И катился шар земной в карусели Вселенной, и все сущее на земле пребывало в незримом кружении вечности, и мчались среди светом озаренных горных гряд и долин Жаабарс со спутницей барсикой, а солнце лелеяло их с полуденной высоты, звало к себе, манило к птицам в небе, ибо являли они в тот час бегущую пару ангелов хищно-звериного племени... Подчас и звери могут быть ангелами. Так было...

Тем временем минули благоприятные летние дни, сезон на поднебесной побывке завершился, и наступил резко контрастный оборот тамошнего мира — грянули вдруг с крутых вершин по склонам взбесившиеся в одночасье метели со стужей лютой и вихрями удушающими, и замутнилось небо беспросветно. И тогда

кинулись барсы в обратный путь — едва успели ноги унести. А иные из тварей так и остались там, под снежными лавинами, и птицы, ослепшие в небе, падали с высоты окоченевшими камнями. Так было...

Вот туда, в горное поднебесье, безуспешно пытался пробиться теперь Жаабарс, чтобы предстать там пред магическим солнцем — на сей раз в одиночку — и сгинуть, дождавшись последнего своего дня, исчезнуть навсегда. Только там и только так, и никак иначе тянуло этого зверя-изгоя завершить свой жизненный путь.

А ходу не было. Дорога была наглухо перекрыта на неодолимом для него перевале. Жаабарс хрипел, выл, лез, задыхаясь, по крутизне, срывался вниз и снова вставал на дрожащие лапы...

Ну почему же не даровала судьба этому горному барсу такой малости? Ведь всего-то и добивался он — перебраться через перевал, кануть там, за ним, остаться навечно... Неужто была у нее на то какая-то особая причина? Неужто нужен он был ей зачем-то именно здесь, в предгорьях Узенгилеш-Стремянного хребта? Что было на уме у судьбы?

IV

Еще дня два тому назад готовил он статью, полемизируя с одним читателем, лихо заявившим: “Что там душа? На нее можно списать все что угодно. Воля и сознание — вот что главное в человеке!” — “Так-то оно так, но не следует исключать и значимость того, что происходит подчас в душе, пусть мы и не отдаем себе отчета в этой значимости. Душевные побуждения нередко становятся решающим фактором даже в исторических событиях. Душа есть источник, из которого исходят в своем первоначатии добро и зло. Душа — аккумулятор подсознания!..” Любил он иногда пофилософствовать о том о сем, если случался к тому повод.

Теперь, однако, было не до философствований. К компьютеру Арсен Саманчин в тот вечер даже не прикоснулся и не подозревал, что никогда не удастся ему дописать ту занятную глубокомысленную статью. Не включал он и музыку, которую слушал обычно по вечерам. И опять же не подозревал, что никогда больше не придется слушать ее на досуге.

После того, что случилось с ним в этом проклятом шоу-ресторане “Евразия”, душа его полыхала лесным пожаром. Он испытывал катастрофическое сокрушение духа — не знал, как совладать с собой, шел ко дну и снова вырывался из пучины захлестывавших его переживаний и гнева. Несколько раз уже подходил он к единственному окну холостяцкого жилья своего и стоял там, сам не понимая, к чему и зачем. Странно, что думал он теперь о себе в третьем лице — будто стал сам себе посторонним.

Стоял, вздыхал, головой крутил, теребил галстук, который так и не снял, вернувшись из ресторана, и все вглядывался в темное пространство — в доме напротив, таком же многоквартирном, многоэтажном, таком же сером крупнопанельном здании, все окна уже погасли. А если бы и светились — что толку? Кому из коммунальных соседей какое могло быть дело до того, что происходит с типом, живущим в третьем корпусе на седьмом этаже и торчащим теперь у окна, терзаясь безысходными помыслами?

Какой толк ныть и бурчать впустую? Кого может он упрекать, кого страшать? Ведь точки над *i* уже расставлены. Когда таксист привез его сюда, ко двору унылых семиэтажек, их круто обогнала следовавшая все время позади иномарка, ослепив до боли в глазах бьющими в лицо фарами. И пока Арсен Саманчин, еще не обретя полноты зрения, вылезал из машины, двое одинаково рослых мужчин из иномарки подошли к нему. Судя по их поведению, посланы они были, чтобы запугать и унижить его, а то и избить. Но перво-наперво они отослали прочь таксиста: “Слушай, гони давай отсюда!”

А Арсена Саманчина прижали к стене:

— Ну что, высокоуважаемый, добрался до хаты? В таком завонялом месте тычкуешься, а еще шляпу носишь! — Арсен Саманчин не успел ничего ответить — один из них резким движением дернул его шляпу вниз, надвинув почти на глаза. — Ты смотри, не суйся не в свои дела! А то, что статьи свои гонишь гуртом, тебе это даром не пройдет. На такого, как ты, пулька всегда найдется! Понял, гад? Только попробуй еще что-нибудь не то написать — всю грамоту забудешь! У, сволочь, набрался, как на базаре. Вали отсюда! И помни: прижми хвост, пока не поздно.

Оставив его, они тут же отъехали на большой скорости. Им бы каменюкой вдогонку... Но куда уж там! Дурно было. И пришлось молча идти в тусклых сумерках к подъезду. Единственное, что смог, это поправить шляпу на лбу.

А теперь маялся, будто юнец наивный: как быть, что делать, как жить дальше, куда деваться? Что с ним творится? Ведь столько уже повидал...

И женат был. Свадьбу справляли. Все забылось. А родственники постоянно талдычат: не удалось по первому разу — что тянуть со вторым? Действуй! Да, недолгой оказалась та спайка. Жаль, перевоплотиться в другого человека невозможно. Вот и разминулись, разошлись, освободились друг от друга. Должно быть, правду говорят — любовь заря, горит лишь раз, вечно сияющих зорь не бывает. Только никто не смиряется с этим, требуя себе зари вечной, негасимой... Да Бог с ним. Заря — не заря, разминулись, будто и не знали друг друга. И вот уже третий год живет он, перебравшись в этот микрорайон совковый. Конечно, ужиться нормальной женщине с таким, как он, совсем не просто. И не родила. Не успела. Родственники попрекают. А

кто тут виноват? Одной заботой жила, на банк работала неустанно. Деньги! А, все равно с таким фанатиком, как он, каши не сваришь. Он сумасшедший идееносец, если можно так выразиться. Идея для него превыше всего на свете. Идеалист несчастный. К тому же “кафедральный выходец”. Так прозвала его английская журналистка, прибывшая в Центральную Азию для подготовки аналитического обзора по региону. Много беседовали о том о сем. Он любил при случае поболтать по-английски. Вот тогда-то журналистка лондонская и сказала:

— Господин Саманчин, чем-то вы очень напоминаете наших кафедральных выходцев, твердо верящих в исключительность своих идей. Вот и вы идею свою зорко стережете, держите в ладонях, не упуская.

— Спасибо, приятно слышать, не скрою. Однако я, скорее, “горный выходец”. В горах вырос. А в горах требуется всегда быть собранным и ничего не упускать из виду, чтобы не спотыкаться на краю пропасти.

— Значит, горы — ваша кафедра. Впрочем, — улыбнулась англичанка, — у вас везде горы. Вон какие хребты вдали виднеются!

— Понятное дело, мы ведь горная страна. Только те горы, откуда я родом, самые дальние и самые высокие, потому и называются они Узенгилеш-Стремянные, то есть эти вершины — стремяна в небеса...

— Как красиво. Мне очень нравится этот образ. На английском будет — stirrup. Так что можно именовать ваши горы по-английски — горы Стиррап.

— Прекрасно. По-киргизски это будет Стиррап-тоо! Стремянные горы! Мои земляки будут гордиться. А я не против быть и кафедральным выходцем, не только горным. Ведь кафедры занимаются универсальными, глобальными идеями.

— Значит, я не ошиблась. Спасибо. Очень приятно беседовать с коллегой, понимающим тебя с полуслова.

Теперь, стоя у окна, бессмысленно взирая в дворовую темень, припомнил Арсен Саманчин тот разговор и подумалось ему: вот так, уважаемый “кафедральный выходец”. Сегодня ты получил еще один “сладкий” урок жизни. Вкусил! С медом! Bravo! Дошло наконец! Перед рыночной стихией никакие кафедры не устоят. Вот погнали тебя в шею рыночной плеткой, выперли и пригрозили морду набить. И

даже любовь, как товар, выставили на рыночные ряды. А ты только теперь это постигаешь. Стало быть, непригоден ты для бизнес-эпохи. Еще одна персональная расплата за так называемый соцреализм. Тоже мне “стиррапский выходец”, родственники айльные, видишь ли, гордились тобой, особенно в перестроечные годы. Теперь уймутся. Ну, так куда теперь деваться и как быть дальше? Забудь, забудь об этой самой “Вечной невесте”! Кому она нужна? Уже в замысле ее попса топчет. Попса торжествует. У нас эпоха попсы! А ты или смиришься покорно, или исчезни не прощаясь. И все же, как быть? В Москву уехать, там есть свои люди, надежные, но ведь и там пик попсы! Словом, сплошной туннель и конца не видно... Думалось ли еще два года назад, что все так беспросветно обернется? Напишу прощальные письма, ей и брату...

Долго еще томился он этими мыслями, стоя у окна. Потом — сам не помнит как — уснул, спал в полной тишине. Странно, что в тот вечер не было никаких звонков, ни по мобильному, ни по городскому. Обычно его донимают звонками до полуночи. Журналисту, да еще независимому, так называемому эгемену, Арсену Саманчину так и полагалось — бремя свободы слова. Взаялся за гуж — не говори, что не дюж. Столько жалоб сыпалось! Что-то удавалось решить через прессу, что-то нет, не адвокат же он, а всего лишь пахарь от СМИ. А к каким только ухищрениям дельцы разные не прибегали, чтобы через прессу свои интересы продвигать, чтобы сшибаться на виду у публики, жаждающая победы и громогласной известности, требуя, чтобы он откликнулся на свары их собачьи конкурентные... А сегодня ни звука. Невероятно. Разве что узнали про его унижение?

Разве что учуяли звериным чутьем, что нет смысла обращаться к нему, потерпевшему столь сокрушительную неудачу в попытке всего лишь напомнить “певице-вокалице”, когдатойшней богине оперной сцены, а ныне “эстрадке-плакатке”, красующейся на всех углах, не столько о себе, сколько об идее, совместно вынашивавшейся ими до недавнего времени, — о сообща задуманной опере. Как теперь выясняется — опере-утопии. Ведь она оборвала вдруг все контакты — точно ее кто околдовал, — стала недоступной в окружении своей охраны. Да Бог с ней в конце концов, но как теперь быть с композитором? Давать отбой? Такие композиторы, как этот маэстро, задумавший классическую оперу ради нее, теперь редкость. Как

объяснить композитору Аблаеву, человеку весьма уважаемому в музыкальной среде, охотно воспринявшему идею “Вечной невесты” и уже оформившему контракт со спонсором, которого нелегко было сподвигнуть на такое редкостное меценатство, — как объяснить им это неслыханное происшествие в ресторане? Какой позор! Охранники вывели его в переулок и буквально затолкали в такси, пригрозив кулаком, а таксисту сказали: “Слушай, старик, отвези этого типа, перебрал малость. И нигде не останавливайся. Прямо в Ортосайский микрорайон!” Мало того, сунули таксисту деньги.

Вот так “депортировали” Арсена Саманчина. А хуже всего было, когда на выходе из фойе он вдруг увидел себя в полный рост в сияющем парадном зеркале и чуть не вскрикнул от потрясения. Каким ничтожным, униженным и жалким выглядел он. Да еще эта дурацкая шляпа, якобы классическая, якобы модная. В одночасье он оказался презренным изгоем, которого пинком вышибают из общественного места. А он вместо того, чтобы защитить свою честь, покорно удаляется, запечатлев для себя этот факт в роскошном, сделанном на заказ зеркале. Куда подевались его всегдашняя элегантность, обаяние, интеллигентность? Ведь недаром называли его эгеменом, независимым, он и впрямь, то ли на беду свою, то ли на удачу, был одним из редко встречающихся в азиатских СМИ самодостаточным, независимым журналистом. И она, Айдана, его Айа, как уменьшительно-ласково называл он ее, бывало, шептала: “Эгемен мой! Я тоже хочу быть эгеменной, и будем мы с тобой эгеменной парой!” Куда там! Все вышло наоборот. Он отвергнут, отторгнут бизнес-элитой. А она, пожалев декольтированными плечами, переметнулась в бизнес-рай. Кому же не хочется в рай? Всем там не уместиться, а ей повезло. Были бы у него ключи от рая — отворил бы ей дверь, но у него их нет...

Так куда ж теперь податься со своей навязчивой идеей постановки “Вечной невесты”, изначально задуманной для нее, для ее захватывающего дух меццо-сопрано? В какую пропасть выкинуть проблему деградирующего на глазах современного оперного театра, откуда неотвратимо утекают таланты — ничем не удержать? Традиционный репертуарный театр то ли выживет, то ли нет. Это и национальная, и мировая проблема. Да, спекулянты от массовой культуры ловко расправились с ним, с эдаким энтузиастом

самопальным, сделали так, чтобы он сломался, унизился в собственных глазах, чтобы больше и не помышлял о высоких материях. И это еще не конец, они будут продолжать издеваться, высмеивать эгемена-идеалиста, чтобы окончательно доконать его морально и чтобы он сам убрался с дороги, не путался под ногами. И делать это с цинизмом сладострастным будут те самые подметальщики от шоу-бизнеса, так называемые топ-модельщики от попс-модернизма. Уж в этом они преуспеют. Все им дано для этого, все средства — от интернета до космоса. И подсобные каждодневки в их распоряжении — эстрада, пресса... Ах, бедная, бедная пресса! Боролась, боролась против рабства слова при тоталитаризме — и сама оказалась рабыней рынка. И прямой эфир тому же служит, ведь радио в каждой автомашине... Даже космические спутники теперь играют роль навигаторов шоу-бизнеса в глобальной круговерти. И все это — чтобы потеснить на обочину классические ценности, чтобы выгоду извлекать, ошеломительно, как цунами футбольных стадионов, нарастающую. Все в их руках.

А ты, ты, заблудший энтузиаст-утопщик, то есть утопист, одиночка несчастный, зачем встаешь на их пути, зная, что и как? Неужто уподобишься покорной жертве и себя преподнесешь трясущимися руками в дань шоуменовой орде? И даже любовь свою подашь им на подносе — нате, мол, только не становитесь нам помехой. И это будет принудительным отрешением от того, что ты называешь смыслом и красотой жизни, даром вечности, ниспосланным от самого Бога, ибо любовь и есть дар Вселенной, энергия от потенциала вечности. Вот почему экстаз соития можно объяснить как кульминационный момент взаимодействия вечности и земной жизни, и поэтому же торжество бурных страстей и любовной чувственности таит в себе трагедии и драмы, определяя сложность отношений между небом и землей. Завершает же всякую историю любви неизбежная смерть, но квота вечности, предназначенная любви от Бога, переносится на последующие поколения, и они тоже будут предаваться любви и через любовь включаться в течение вечности. Но всякий раз разрушительные силы будут коварно наступать на мир любви, ибо много их таится в темных пещерах человеческой сущности, и становятся они все изощренней, а потому не убывают в людях внутренние борения.

Вот ты и оплошал и, как говорят в таких случаях, потерпел сокрушительное поражение, унизился и теперьпустишь под откос свою любовь, а ведь и тебе, уже зрелому человеку, и ей она была ниспослана свыше. Опозорился ты, сник перед шоуменом, имя которого не хочется произнести даже про себя, настолько он отвратителен. Но от этого ему ничуть не худо. Он торжествует, он триумфатор. Ведь по сути дела он сумел обаять и у всех на глазах увести обожаемую тобой женщину, а если честно — купить и суперуспешно по-продюсерски торговать ею. Ты же оказался обездолен еще и тем, что в тебе убыла разом соприродная любви музыка души, таившаяся в тебе как незримый океан, — пусть дилетантская, пусть импульсивная, пусть другим не слышная и неведомая, но ведь ты не в силах был расстаться с ней. Вот и сокрушайся теперь, что незримая симфония твоего подсознания уходит втихую, потому как не осталось для нее среды обитания.

И тут же Арсен Саманчин попытался унять, вразумить себя: мол, все это эмоции, переключись, постарайся мыслить здраво. Ведь если бы опера на основе фабулы “Вечной невесты” была сочинена уже и существовала в партитуре, на главную роль можно было бы подыскать достойную исполнительницу в других городах и даже странах. Обошлось бы дороже, но “оргвопросы” удалось бы решить. Логически, казалось бы, так...

Однако вопреки всему душа его все больше ввергалась в пучину захлестывавшей ненависти и жажды мщениия. Невозможно было стерпеть, что топчет тебя ногами воротила из тех, кого величают ныне олигархами. Да пусть наживают себе сколько хотят, но почему все должны пресмыкаться перед ними, служа во всем, в том числе и в злодеяниях, начиная от киллерства и кончая продажей совести? Ему хотелось ответить на удар таким ударом, чтобы звезды посыпались с неба!

И прорывался в душу Арсена Саманчина роковой замысел — совершить убийство и тут же покончить с собой! Ноль — ноль! Ни тебя — ни меня! Точка! А что потом будут измышлять на этот счет в печати и прочих СМИ, что будет на устах, истинных и лживых, — плевать!

С какой иронически-презрительной усмешкой относился он прежде к эпизодам убийств в теле- и кинодетективах, и вот теперь

готов был сам совершить подобное в точности, как в кино, — хладнокровно, не дрогнув: трижды выстрелить в упор, потом контрольный выстрел в голову, а перед расстрелом бросить в лицо врагу свой приговор, чтобы мозги его свихнулись как от электрошокового удара. А потом приставить дуло пистолета к собственному виску и спустить курок. Все, финиш! Встретимся, мол, на том свете... И разберемся...

Единственное, что очень хотелось бы Арсену Саманчину унести с собой туда, так это надежду, а лучше уверенность, что и она, Айа, будет обречена высшими силами на неотвратимые муки совести, что всегда будет жечь ее душу раскаяние за преданную ею любовь, за поруганную “Вечную невесту”.

И чтобы никому, кроме них двоих, не известная хайдельбергская история любви бередила ее память до последней минуты жизни. И чтобы слышал он на том свете ее рыдающий в раскаянии голос. Ведь идея “Вечной невесты” родилась у них в хайдельбергском нагорном замке в те принадлежавшие только им двоим лунные ночи, в том романтическом парке над средневековым немецким городом, где оказались они в совместной поездке: она с концертом по приглашению тамошней мэрии, он — как сопровождавший ее журналист.

Как ни пытался он унять себя — мол, остановись, то, что ты задумал, примитивно, ничтожно, пошло, не говоря уж о том, что преступно, — ничего не получалось, жажда мести не отступала, инстинктивное желание ответить злом на зло не убывало, а, напротив, усиливалось, разжигая кровь. И припомнилось вдруг то, что доводилось слышать в детстве, — присказка вроде или заклинание, которое изрекают киргизы в безвыходной ситуации: “Эх, будь что будет, головой о камень бейся и кнутом себя стегай, а накинута душманы, обуздать себя не дай и врага не промени, намертво с седла свали, пику в грудь ему вонзи. А не то — убей себя, значит, нет тебе пути...”

Когда, к чему, в каком отчаянном порыве были сказаны эти слова, кто знает... Но вот и ему пришлось оказаться перед выбором: убей врага — или убей себя! Другого выхода не было. И тут же он принимался корить себя — какая дикость!

Так маялся несчастный, пока вдруг не осенило его и, резко отступив от окна, не прохрипел он, заикаясь: “Коз-зел! О чем ты думаешь? Из чего стрелять-то будешь? Не из пальца же! — Подойдя к зеркалу на стене, он едва удержался, чтобы не плюнуть себе в лицо. — У тебя же нет даже игрушечного пистолета! Размечтался!”

Много наслышан он был о киллерах, о приемах и технологиях убийств — сколько об этом пишут и показывают по телевидению, но на деле не все так просто. Конечно, можно, наверно, достать, купить, если на то пошло. Но надо же еще уметь стрелять... Вот те раз...

Во сне, уже ближе к утру, приснилось ему, что держит он в руках свой мобильный телефон, но вместо того, чтобы звонить, целится из него куда-то, а выстрела нет... И тут раздался звонок.

Арсен Саманчин подошел к телефону, но не стал снимать трубку. Раздраженно отмахнулся — не до разговоров. Телефон позвонил еще раз — с тем же успехом.

Да, предстояло добыть оружие — пистолет, разумеется, с обоймой патронов. Вот забота-то, никогда не думал... К кому обратиться?..

Светало. Во дворе шумы стали слышны. А он по-прежнему не знал, что делать. То ложился, то вставал. Вот проблема! Где же и как приобрести этот предмет, популярный нынче почти как зубная щетка и столь недоступный реально? Говорят, оружие продается чуть ли не на базарах. Купить за любую цену, потому как впредь денег ему уже не потребуется. Предстоял конец жизни — и никаких забот...

Если удастся достать пистолет, нужно будет постоянно носить его при себе, в кармане, пожалуй, боковом — во всем остальном, что предстояло, Арсен Саманчин не сомневался. Не дрогнет, совершит задуманное в точности, выстрелы последуют один за другим и последний — в собственный висок. А в том, что возможность такая представится, он был уверен, поскольку с тем, кого он обрек, всегда мог встретиться — люди они, можно сказать, одного круга, давно знакомы. В последнее время, правда, видятся редко. Теперь-то тот — вездесущий эстрадный продюсер, владелец элитных заведений, куда там, почти олигарх, босс, шеф, как там еще его именуют, а был-то посредственным актеришкой. Вот, стало быть, где прорубился — в рыночную тайгу прорубился. И пошел, пошел всеохватно по шоу-бизнесу! Все мы поголовно рыщем теперь по рынку, а удачников — по

пальцам перечесть. Суть в том, что от богатства возомнил он себя бульдозером, и если надо погубить идею, затоптать чью-нибудь жизнь, женщину обратить в робота — так тому и быть. Все, хватит! Было бы оружие — остальное свершится, теперь это дело только воли и мужества.

Так убеждал он себя и, к собственному удивлению, все больше наполнялся уверенностью, что дело его правое. Мелькала, правда, подчас мысль: до чего же может довести яростная страсть мщения! Получается, зло во имя добра? Может ли быть такое? Но тут же отмахивался: опять, мол, мудришь, только задумал — и уже раскаиваешься... Не трусишь ли? Думай лучше, как подойдешь к нему — поговорить, дескать, нужно. И тут...

Кстати, виделись они совсем недавно, разговор-то у них был... Правда, интереса особого Эрташ не проявил, после пресс-конференции спешил куда-то, все на часы поглядывал. А в душе, наверно, смеялся над ним, над фанатом идеи, — дурак, мол, в заоблачных сферах витает! Да, конечно, в перестроечные годы моложе были, сам-то Арсен Саманчин и в ту пору разные статьи пописывал, в том числе и на театральные темы. Но тогда Эрташ Курчалов, заурядный артист, ничего не значил. А теперь!.. Но что было, то было! Тогда, в перестройку, театр был в зените. Явилось новое мышление. Эпоха представала на театральных подмостках. Театр тогда возвысился на глазах, дух захватывало в театре, вырывался человек из тенет тоталитаризма. Но только этот Эрташ Курчалов, рядовой артист городского драмтеатра, ничем не выделялся, никто о нем тогда думать не думал. Разве можно было в то время помыслить, что в нем, посредственном актере (правда, ростом он был повыше других и голос басовит, а так — один из многих, по преимуществу занятый в массовках), таился мощный потенциал шоу-бизнесмена, который сделается повелителем всех эстрад и даже стадионов?

Однако возникло в атмосфере тех дней словосочетание “Эрташ Курчал”, обретшее вдруг широкую популярность, особенно среди молодежи, словосочетание, которое стало брендом массовых эстрадных представлений со всеми сопутствующими им сценическими эффектами и рекламой столь быстро окупаемой современной шоу-индустрии. Эффектные “эрташ-курчаловские” клип-концерты побывали с гастрольями во многих местах, включая

Китай и Москву. Короче говоря, Эрташ Курчалов оказался предприимчив и ловок и сделался доминирующей силой в овладении эстрадными пространствами. Вот туда-то, в эту пагубную эрташ-курчаловскую стихию, и засосало Айдану Самарову мощной тягой.

И поздно было уже думать о том, что и как произошло с Айей, с Айданой Самаровой, которая, будучи ведущей солисткой оперного театра, оказалась вдруг поработана эрташевским бизнесом, замелькала по всем телеканалам, превращаясь на глазах во все ярче разгорающуюся эстрадную звезду, переиначив в ореоле нагрывшей попсовой славы и голос, и лик, и сценическую манеру “а-ля Голливуд”, одним словом, перекроив всю свою судьбу. Расхожая фраза “поезд ушел” подходила здесь как нельзя лучше. Действительно, получилось так, как если бы они с Айданой ехали в одном поезде из Хайдельберга, где судьба уединила их на несколько дней в хайдельбергском замке для того, чтобы снизошло на них озарение, именуемое любовью, и где явилась им идея “Вечной невесты”, и вот на очередной остановке она вдруг пересела в поезд, идущий в противоположную сторону, и укатила. А он словно бы долго бежал за скрывшимся составом по шпалам, один в безлюдной степи, и кричал, вопил, как безумный: “Ай-а-а-а! Ай-аа! А как же наша “Вечная невеста”?” Остановись, остановись! Ай-а-а, Ай-а-а!” Но она укатила... А кто ее заманил, кто очаровал банковскими счетами — ясное дело. Машинист локомотива, в прошлом некий, а теперь знаменитый Эрташ Курчалов.

Так зачем же ему, чудаку, бежать вслед за незримым этим поездом и слышать в ответ на свои мольбы хохот с небес: “Сумасшедший! Одержимый! Маньяк!” Не лучше ли просто махнуть рукой на все и забыть?..

Но как бы трезво ни понимал Арсен Саманчин неумолимый, штурмовой рационализм современного шоу-бизнеса, деваться от своих невольных иллюзий ему было некуда. Он был повязан собственной идеей, став ее добровольным заложником и оказавшись вместе с ней в тупике. Все прежние интересы постепенно померкли, отодвинулись куда-то по ту сторону бытия — все, кроме нее и “Вечной невесты”. Между тем массовая культура, к которой он интуитивно всегда относился настороженно, шествовала по миру,

снова и снова накатываясь на него своими коммерческими океанскими волнами, каждый раз со всевозрастающей силой.

И придумался ему неологизм для обозначения массовой культуры, не сходящей с уст глобальных масс-медиа, — оптовая культура, по аналогии с оптовым товаром. (Ну и пожалуйста! Масскультура от этого и глазом не моргнет!) В точности своего термина он недавно убедился на стадионе, во время грандиозного шоу-концерта, приуроченного к городскому празднику. Отмечался юбилей — 250-летие города.

Был поздний вечер, стадион колыхался, переполненный многотысячным людом, весь сиял огнями, красовался разноцветными афишами и невиданной электронной рекламой. Прибывшие на праздник толпы, большей частью молодежь, чувствовали себя превосходно, находились в приподнятом настроении, приободряемые вечерней прохладой, веющей с гор.

И всем хотелось веселья и нескончаемых зрелищ.

Так оно и было. Оглушающая музыка изливалась над стадионом флиртующим зовом, на сцене сменялись танцы всех хореографических стилей — от балета до припляса, под стать им менялись костюмы и декорации, но, конечно, самой главной приманкой во всей этой динамической сценической стихии была она, Айдана Самарова! Весь этот шумный рок-концерт был смонтирован и сконцентрирован вокруг нее, звезды! И поистине ее чистый, глубокий голос, возносимый динамиками на открытом стадионе до небес, ее ладная, высокая, подвижная фигура, ее элегантность без излишней оголенности и то, что рядом, соучаствуя в ее номерах, эротично извивались в ритме музыки девушки и юноши — красотки и красавчики, все это вместе взятое порождало в толпе захватывающее карнавальное возбуждение. Всем хотелось быть на сцене рядом с ней, с Айданой. Весь стадион ликовал, раскачиваясь единым морем вздетых рук. И только он один думал: “Оперная богиня превратилась в шлягерную королеву!” Но никому не было дела до его мыслей. Наоборот, возбуждение толпы достигло своего вулканического апогея, когда Айдана с партнером дуэтом стали исполнять, казалось бы, самую заурядную песню “Лимузин”. То был “соседский” — узбекский шлягер, и песня исполнялась в оригинале, но узбекский язык здесь понятен всем. Восточно-модернистская музыка завораживала толпу

знакомыми мотивами, и в такт электронному звукоизвержению над стадионом порхали клиповые слова: “Сен мени севярсинми? Сен мени севярсинми?” (Ты меня любишь? Ты меня любишь?) “Лимузин берарсинми? Лимузин берарсинми?” (Лимузин подаришь мне? Лимузин подаришь мне?), на что партнер отвечал, лихо приплясывая: “Мен сени севярмин, мен сени севярмин (Я люблю тебя, я люблю тебя), лимузин берармин, лимузин берармин” (я подарю тебе лимузин, я подарю тебе лимузин).

Что тут началось! Вся многотысячная толпа в едином порыве колыхалась и, умножая заветный слоган, скандировала с воздетыми руками: “Ли-му-зин! Ли-му-зин! Ли-му-зин!”

А в это время на огромных панорамных экранах — их было четыре, с четырех сторон стадиона, — синхронно возникали кадры соответствующего клипа: в роскошном лимузине — кабриолете с откидным верхом — мчалась влюбленная пара, Айдана и ее красавец-партнер. Поочередно сменяя друг друга за рулем, проносились они мимо рекламно красивых пейзажей: то мимо снежных хребтов, то вдоль берега синего озера, то через мосты, то по степи, и птицы стаями летели за лимузином. Вот где-то на окраине загородного парка лимузин остановился, они вышли, счастливая парочка, и пошли, обнявшись, в манящий яркой рекламой ресторан, а потом снова помчались на лимузине.

А музыка гремела, и стадион продолжал скандировать: “Ли-му-зин! Ли-му-зин! Ай-да-на! Ай-да-на!”

Арсен Саманчин не знал, куда деваться от стыда. Но кто он был по сравнению с ликующей толпой? И он даже поймал себя на том, что тоже бубнит: “Ли-му-зин! Ли-му-зин! Ай-да-на! Ай-да-на!” Как все...

А в заключение последовал совершенно неожиданный и грандиозный праздничный эффект — ночь озарилась взлетевшими в небо фейерверками, заполнившими сверкающей россыпью разноцветных искр все видимое пространство до самого горизонта. (Какой масштаб! Ну, молодец мэр города! Ведь такое по силам только ему! А с чьей подачи? Опять же — Эрташ!) Что самое интересное, залпы праздничных фейерверков выстреливались не где-то рядом, поблизости от места торжества, как обычно, а далеко, за городом. Мощные ракеты стартовали с вершины пригородного нагорья, и вспышка за вспышкой возносились на головокружительную высоту.

Эффект был необычный, захватывающий воображение. И опять же подумалось ему: кто мог затеять такое грандиозное зрелище? Конечно, он — Эрташ Курчал. И хотя все устраивалось в честь городского юбилея, по сути получалось — во славу звездной певицы Айданы! Потому что музыка продолжала греметь, и роскошный лимузин с радостной парой все так же мчался по панорамным телеэкранам, в то время как фейерверки взлетали все выше и выше, ослепительно озаряя ночное небо. Казалось, что весь мир поднебесный воссиял звездным духом...

И случилось в тот час нечто, о чем не знал никто, ни один человек на свете...

Всполохи искрящихся огней поднимались так высоко и освещали землю так ярко и далеко, достигая горных хребтов, что загалдели разбуженные птицы в горах и, вздрогнув, проснулся Жаабарс, томившийся все там же, под перевалом. Он встал и поглядел наверх, на дальние огни, словно бы изрыгаемые горами. Нет, это были не звезды, летящие по небу, а нечто иное, непривычное. Зверь пытался укрыться — не получилось. Как не получалось и то, ради чего Жаабарс появлялся здесь изо дня в день, — так и не удавалось ему преодолеть перевал и исчезнуть в ином, высокогорном мире. Судьба упрямо держала его здесь, не желая подействовать. Ведь судьба может все, а нет, зачем-то изгой Жаабарс нужен был ей здесь. Откуда было знать? Судьба всегда молчалива... Но то, что далекий отсвет огней праздничного фейерверка достиг той ночью взора Жаабарса, быть может, было знаком свыше...

А стадион все бурлил и скандировал хором в ритме рок-концерта: “Ли-му-зин! Ли-му-зин! Ай-да-на! Ай-да-на!”

“Вот и укатила она на лимузине оптовой культуры! — с горечью подумалось Арсену Саманчину. И опять: — А как же теперь “Вечная невеста”?” И когда он шел затем квартала два к машине, оставленной на стоянке, к “Ниве” своей, припаркованной на вечер среди всевозможных иномарок, думалось ему еще: какой контраст устраивает нынешняя жизнь, упивающаяся оптовой культурой! Сколько бедности в стране, какая безработица! Молодые люди сидят вдоль уличных обочин на целые километры с плакатами “Дайте работу!”, большинство из них прибыли из обезлюдивших селений. Это вызов сообществу человеческому, значит, не способно оно обеспечить

востребованность новых поколений, современный мир словно бы говорит им: обществу ты не нужен, исчезни с глаз долой. А мы, те, что при деле, покатаем вперед на своих лимузинах.

Так, размышляя, ехал он по ночным улицам на своей “просоветской” “Ниве”, а лучшей машины он и не желал — привык, да и не по карману другая! Не всем же лимузины. А то, что она, Айа, “залимузинилась” — что поделаешь. Теперь она суперзвезда, недоступна, окружена охраной, на звонки не отвечает... С бывшим мужем своим вряд ли сойдется, вот уже много лет, как тот, говорят, спился окончательно.

Не стоит судить. Всякое бывает в жизни. У каждого свои проблемы... Однако если свериться с реальным положением вещей, что называется, по большому счету, если попытаться вникнуть, осмыслить крутую рокировку Айданы Самаровой, солистки оперной с первоклассными вокальными данными, — ей бы на миланскую сцену, там ее место, — то трудно смириться с тем, что она так быстро кинулась каруселиться в сногшибательной звездной популярности, в облаках поп-культуры! А деньги какие валят через все это!

Стоп! Это ее дело, ее право! А ты выбит из седла, потому и страдаешь, кипятишься, злословишь... Признайся честно, упрекал себя Арсен Саманчин, конкуренты оказались куда сильнее! Кто ты, журналист, пусть независимый, пусть известный, — а кто он. Такие разные орбиты. Один — в космосе масс-бизнеса, другой — масс-медийный муравей. И потом любовь всегда подвержена испытаниям, иначе не было бы ни ее мучений, ни радостей, ни горестей, ни катастроф... Да, бывает — оползнем срывается лавина с горы, никому не остановить. У каждой любви своя история, своя цена страданий. А ты на глобализацию, на массовую культуру пытаешься списать свою частную беду. Тебе дай волю — до богов дойдешь, за бороды хватать-таскать их станешь... Ишь какой ярый адвокат-самозащитник выискался. Опомнись!

Ты на иной вопрос попробуй ответить и других убедить. Ты вот все масс-культуру поносишь, она, мол, всеми способами противостоит и отвергает “Вечную невесту” твою (во-первых, она не только твоя, но это другой вопрос!). Попробуй, расскажи, при чем тут “Вечная невеста”, как и откуда вдруг явилась она вам, когда вы с Айей пребывали наедине, занятые вроде бы лишь самими собой, когда

волна любви накрыла вас так, будто всю предыдущую жизнь вы существовали в ожидании этого момента и наконец дождались возможности познать истинную природу любви как откровения, дарованного судьбой. Смешно, казалось бы: ведь вы же не юнцы, и до этого у обоих был свой опыт, но судьба избавила вас от комплекса прошлого и для этого уготовила особое место в Европе — старинный парк на взгорье, старинный замок. И луна округлая задумчиво наблюдала за вами сверху меж облаков. Тот день и час судьба заведомо предопределила для премьеры вашей любви, как вы в шутку называли свою встречу, хотя ей было уже за тридцать, а тебе — под сорок. Но не в этом дело, не в вашем романтическом экстазе, а в том, как возникла в тот день перед вами, влюбленными, чуть ли не въяве сама Вечная невеста, как на коленях просила спасти ее, дать ей такой певческий голос, чтобы все на свете услышали ее, чтобы в песнопениях излила она душу свою и поведала о разлуке, что превратила ее в Вечную невесту, и чтобы нашла того, кого ищет. Вот тогда, при встрече той воображаемой, якобы и родилась задумка творческая — идея оперы и всего, что связано с этим замыслом. Да, попробуй убедить других, что встреча с Вечной невестой была настолько реальной, что вы поклялись спасти ее, явить ее миру через оперу, на театральной сцене, через пение в той роли Айи, ведь она сама, Айдана, шептала, слово дала, что будет петь “Вечную невесту”, покуда жива.

Постой, постой, разошелся! Кто же поверит такому невероятному диву, такому чуду? Любой здравомыслящий скажет: абсурд, все это вымысел, миф, легенда, сказка, все это молва, мол, и мистика. Безусловно, никакой иной реакции и быть не может. И однако неземное явление Вечной невесты породило в душе Арсена Саманчина метафорическое восприятие ее образа (кстати, то же восприятие разделяла в тот момент и Айдана, тогда это было их обоюдным сопереживанием, ну а потом, что поделаешь, Айдана сбилась с толку и дала обратный ход — “укутила на лимузине”, вернее, ее сбили с толку, взяли в бизнес-плен, но сейчас не об этом). Образ прижился в его осиротевшей душе как послание свыше, обернувшись истовой верой и нескончаемым состраданием. Ведь никто не видел Бога, но люди верят в него, верят в то, что Бог есть. Вот так и приходит, должно быть, вера — через духовное созерцание желанного образа и любовь к нему.

Нечто подобное произошло и с ними тогда, в Хайдельберге. Прибыли они туда по приглашению Хайдельбергского музыкального общества. Айдане Самаровой предстояло выступить с единственным сольным концертом. Он прошел с большим успехом. Конечно, она знала, что приглашение в Хайдельберг — в значительной мере заслуга и его, Арсена Саманчина. Тому способствовали близкие ему люди — журналисты, музыканты, друзья.

Для тамошних меломанов Айдана, поющая классику, была экзотикой. Как полагается в Европе при проведении таких эксклюзивных гастролей, повсюду были расклеены афиши, о ней сообщали в новостях, транслировали ее пение по телевидению, публиковали рецензии в газетах. А выступала Айдана Самарова в старинной хайдельбергской кирхе. Предоставление молельного помещения для светских меро-приятий считается у немецких протестантов особой почестью. Под высокими сводами кирхи живой вокал усиливался великолепной долгозвучной акустикой, веками предназначенной для небесного слуха. В сопровождении фортепьяно и органа Айдана пела на итальянском, русском и немецком языках. Несколько песен солистка исполнила на родном киргизском. Аплодисменты были долгими, и сияли духовной радостью глаза слушателей, заполнивших и неф, и хоры кирхи.

Эйфория успеха и вдохновения обострила их любовные чувства, сблизила, им хотелось все время быть вместе. Именно в том экстазе и явилась им Вечная невеста. После концерта и небольшого приема, устроенного в их честь в соседнем с кирхой ресторане, они гуляли вдвоем в нагорном парке вокруг старинного хайдельбергского замка, где их поселили на эти дни как почетных гостей, обеспечив желанное уединение. Настроение было приподнятое. Недолго посидев в баре, расположенном в вестибюле замка, и выпив по плотку виски, снова вышли погулять по аллеям, любовались с высоты средневековым городом, сказочно освещенным к полуночи. Сидя на скамейке, разговорились о музыке. И вдруг Айдана спросила его:

— Арсен, а что бы ты хотел, чтобы я спела для тебя?

— Сейчас, что ли?

— Да нет. На каком-нибудь концерте с симфоническим оркестром. Ты будешь в зале, а я со сцены буду петь персонально для тебя. Что бы ты хотел? Что-нибудь итальянское?

— Да много чего, Ая, из твоего репертуара. Итальянское, испанское — это понятно. Но знаешь, что самое желанное? Я же чокнутый, Ая, я давно втайне мечтал — как монах, предающийся грешным грезам о женщине, — услышать в твоём исполнении арии Вечной невесты.

— Арии Вечной невесты? — удивилась она. — Знаешь, легенду-то я слышала краем уха, но ведь для оперы должны быть музыка, либретто, много чего еще... Ты и впрямь как монах-грешник, мечтающий о женщине!

— Да в мечтах-то ничего страшного нет, но вот к мечте поворачивает путь...

Осознавали ли они в тот момент или нет, что то был старт — пусть пока только в размышлениях — будущей постановки “Вечной невесты”? Арсен Саманчин будто только и ждал этой минуты, чтобы впервые сказать ей о давно зревшей в нём идее. Не для того ли и свела их судьба в тот час в том месте?

* * *

А уж коли речь о судьбе, то откуда было знать Арсену Саманчину в тот судьбоносный для него момент, что возникнет вскоре на обочинах этой истории страшный замысел, о котором никогда и не помыслил бы прежде, — замысел убийства. И что будет брести он по краю пропасти и не отступит. И только одна, для иных простейшая, а для него тупиковая забота будет донимать его днем и ночью: как достать оружие, чтобы совершить задуманное?..

* * *

И еще о судьбе. Жаабарс в тот момент все еще находился на Узенгилеш-Стремянном перевале и по-прежнему ждал от судьбы — вдруг поможет она ему преодолеть его и уйти наконец в отшельничество.

Никто — ни человек, ни зверь — не мог знать, что предстояло им впереди. И не было, казалось бы, между их судьбами никаких

связующих мотивов, никаких совпадений, но обстоятельства, в силу которых ничего не ведающие друг о друге существа, человек и зверь, оказались под оком одной и той же судьбы, уже вызревали в ложах их жизненных стихий. Чего не бывает на свете.

Могла ли случиться, допустим, реинкарнация мифологической Вечной невесты, когда бы явилась она той ночью в хайдельбергский парк, где, уединившись, беседовала между собой влюбленная пара, все больше проникаясь взаимной тягой друг к другу и находя все больше взаимопонимания? Могло ли в пылу любовных откровений случиться перевоплощение легендарной личности, для которой трагедия любви обернулась конечной ипостасью бытия? Арсен Саманчин, между прочим, не исключал возможности такой реинкарнации — ведь многое зависит от настроения, от готовности влюбленных душ одарить окружающий мир своим счастьем.

Это-то и вдохновило Арсена, когда он стал рассказывать своей Айе легенду о Вечной невесте.

— Я с самого детства знаю и верю — у нас в горах Узенгилеш-Стремянных по сей день бродит Вечная невеста. Не веришь?

— Верю, верю! — охотно отзывалась Айдана, с легкой усмешкой касаясь ладонью его шеи. — Я так люблю тебя слушать — как будто ты ласкаешь меня. Смотри, Арсен, как чудесно вокруг. Ночь, луна такая ясная, фонари светятся, как в сказке. И мы с тобой, и больше никого. И даже птицы в парке умолкают. Продолжай.

— Хорошо. Пусть птички умолкают, но я-то не умолкну, когда речь идет о Вечной невесте. Можно как угодно думать — миф это или еще что, но для меня это не миф, Айа! Бывает, где-то вдали, в горах, ее можно мимолетно увидеть — и тут же она исчезает. Сказание о ней в наших краях живет давно, и все верят, что она бродит где-то по горам, ищет, ищет пропавшего жениха, а за ней — погоня похитителей. А ее возлюбленный, молодой удачливый охотник, сгинул бесследно. То ли враги упрятали его в пещере, то ли лишили его дара речи — кто знает? Тут, как всегда, история людских страстей — коварства и жажды власти. Так было во все времена.

Знаешь, в горах у нас такой обычай — каждое лето в ночь полнолуния страдальцы по Вечной невесте собираются на высокой горе и разжигают костер, чтобы видно было ей издали. А шаманы бьют в барабаны и пляшут, выкликая имена ее и потерявшегося

жениха, — зовут их явиться к огню. И женщины кличут и плачут у костра. И бывало, сказывают, появлялась она где-то в тени, кланялась и исчезала. Хочешь, еще раз заглянем в бар? Немножко виски?

— Мы уже были там. И ты уже немного того. Не стоит, Арсен. Я так переживаю за нее, за Вечную невесту, будто ради этого мы и приехали сюда.

— Может, так оно и есть. Поэтому я и хочу рассказать тебе эту историю. Костры для Вечной невесты разжигают в горах и на китайской стороне. Граница-то проходит за Узенгилеш-Стремянным перевалом, и на той стороне живут издавна родственные нам киргизские племена, но мы почти не общаемся — путь через перевал дается только летом, если дается. Так вот, год назад побывал я там по журналистским делам. Через Ургенч на самолете, потом на автомобиле. Встречи были разные, интересный материал получился для газеты, но я не об этом, а о том, что очень был удивлен, когда узнал, что и там, на китайской стороне, в горах, местные киргизы знают о Вечной невесте, и обычай у них тот же — разжигают летом в полнолуние костры и вызывают духов в помощь Вечной невесте. Но есть у китайских киргизов одно интересное отличие. По их обычаю, возле костра две красивые девушки держат оседланного коня наготове — если Вечной невесте понадобится!

И тут Айдана пошутила:

— А что если и здесь, на хайдельбергском взгорье, разжечь костер для Вечной невесты? Давай, Арсен!

— Почему бы и нет? — рассмеялся Арсен Саманчин. — Надо было только раньше думать. Дрова нужны. И где взять шаманов? А хочешь, я сам пошаманю?

— Шаман в цивильном платье! — веселилась Айдана. — Прекрасно! Из тебя вышел бы хороший шаман. Только давай в другой раз. А то ведь устроить костер на холме над городскими улицами — скандал международный выйти может.

— Это ты права! Прославиться можно на всю Европу, — покачивал головой и посмеивался Арсен Саманчин, обнимая ее за плечи. — Как хорошо в этом парке! Я тебя не утомил, Айа?

— Да что ты, я отдыхаю и я счастлива, что Вечная невеста с нами!

— Спасибо. Ну, слушай. В горах наших жил молодой охотник, обладавший небывалой силой и резвостью. Он мог угнаться за горной козой. Добывал шкуры волков и барсов. Мог прокормить своей добычей многие семьи в роду. Очень уважали его в народе и предсказывали, что станет он вождем, бием. Как-то отправился он с родственниками в соседнюю долину на пир и увидел там красивую девушку. Полюбили они друг друга, и стал он ездить к ней на коне своем через горы почти каждый день. А вскоре одна ясновидящая открыла девушке, что есть в небе особая звезда — звезда их любви, которая ослепительно возгорится в день их свадьбы и будет ярче всех светиться над горами, не двигаясь с места до самого утра, если не закроют тучи. Когда девушка рассказала об этом охотнику, тот признался, что другая ясновидящая открыла ему тайну его предназначения: “Я родился на свет, чтобы жениться на тебе”. И будущая невеста заверила охотника, что всегда будет с ним.

И вот жених-охотник в сопровождении чуть ли не всего своего рода прибыл к невестиным родственникам на смотрины — свататься. То был невиданный праздник. Гости заполнили сотни юрт на лугу возле горной реки. А какие подарки привезли они невестиным родителям, сватам и родственникам! Много скота разного, табунами и стадами, золотые самородки, а лично от охотника-жениха — шкуры разных зверей, собольи и куньи меха. Но главное — жених нес на каждом плече по роскошной барсовой шкуре. Такие мог добыть только великий охотник. С поклоном он передал этот дар родителям невесты. Ликуя, все сопроводили жениха и невесту к берегу реки, где они и были помолвлены. Река стала отныне свидетелем их любви и согласия. Свадьба была назначена через семь дней, теперь уже в селении жениха, за горами.

Пировали, празднуя помолвку, как полагается, до самого рассвета. Однако и здесь нашлись завистники-недоброжелатели. Злобу и зависть их вызывало не только то, что жених — удачливый и прославленный охотник, но и то, что в народе стали предсказывать: скоро он, умный и волевой джигит, видный собою и энергичный, непременно станет вождем породнившихся племен — бием всей округи. С этим завистники примириться не могли. И задумали свой зловещий заговор.

Нет бы сразиться насмерть открыто, один на один, не за землю, не за богатство, не за власть даже — за душу. Но разве есть предел коварству человеческому?

Смута зреет втайне, на то она и смута. Кому было знать в тот день и час на пиру у реки, что, крадучись за спинами, преля в злобе и ненависти к счастью влюбленных, зарядилась иная судьба — эта самая подспудная смута. Как пели акыны впоследствии: “Знало бы солнце о той смуте — перевернулось бы в небе, пряча лицо от стыда. Знали бы тучи — схлынули бы ливнем, чтобы смыть и унести тот праздничный пир подальше отсюда в чистую степь”.

— Ах, Арсен, как прекрасно!

— И еще пели акыны впоследствии: “Знала бы о той смуте река — ведь реке поклонялись влюбленные в день и час помолвки, клянясь в верности, — и река повернула бы вспять”. Понимаешь, даже бесстрастная природа восстала бы против задуманной подлости. Но кто мог предположить чудовищный умысел тайный, если в мире царила гармония — солнце благодатно светило над горами, дождь прошел стороной, издали обдав свежей прохладой, радушно маня, стелились под ногами луга, дымы над кострами зазывали гостей ароматами еды, птицы носились над головами счастливыми стаями... Обо всем этом сказано в песнях акынов! Праздничный пир сватовства ликовал в долине у реки, голосами, шумами жизнь наполняя. Особенно молодежь резвилась в конных играх, шаманы заряжались духом в неистовых плясах и камланиях, созывая духов со всего света, но самое яркое предбрачное действие отводилось влюбленным — традиционная скачка на конях “догони невесту”.

Жених и невеста восседали на лучших скакунах — им предстояла игровая скачка: жених должен был догнать мчащуюся впереди на положенной дистанции невесту и поцеловать ее на скаку. И если удавалось — значит, счастье на стремени, значит, судьба в галопе...

Любо было смотреть и восхищаться, как ладно красовалась в седле невеста, точно рожденная для этого, — и ростом вышла, и фигурой, и ликом, и осанкой, и одеянием девичьим. И жених был под стать. Их сияющие, возбужденные в предвкушении скачки взгляды, их немного смущенные улыбки наполняли счастьем всех присутствовавших, с нетерпением ожидавших скаковой феерии. Подруги громко подбадривали невесту: “Скачи во всю прыть, не дай

себя догнать! Пусть знают нас мужчины!” Жениха тоже напутствовали: “Смотри! Не догонишь — будешь смешон!” А шаманы буйствовали — плясали и били в барабаны, заводя людей и коней...

И вот старики дали знак. Гонка началась. Невеста мчалась впереди на удалении, жених — следом. Они скакали в сторону реки, на берегу которой были помолвлены. Погоня позволялась только до брода. Если жених не успевал догнать невесту, то под всеобщий хохот невеста сама поворачивала жениху навстречу и целовала его победительницей.

Но обычно женихи всегда догоняют...

На всю жизнь последующую запоминает невеста эту волшебную скачку — “побег” от желанного жениха, с которым мечтает быть навсегда неразлучной. И жених никогда не забудет, как догонял ее под гомон и свисты соплеменников...

Так было и на сей раз: мчалась невеста, убегая от жениха птицей летучей, а он — за ней. И встречный ветер обнимал обоих, целовал на лету, шептал, что нет и не будет в их жизни большего счастья, чем эта погоня.

Ах, как было весело, азартно и отраднo! Впереди завиделся берег, а они все мчались, и кони горячились в разбеге. И ждала, очень ждала невеста, когда же настигнет ее на скаку тот, с кем хотела она связать свою жизнь навсегда, дабы любить и быть любимой! И невольно стала она чуть сдерживать своего коня, подтянула поводья, уперлась сапогами в стремяна жесточе. Пусть догонит жених поскорей, а то ведь река уже видна... И вот все ближе, ближе топот и храп настигающего коня. И вот они уже скачут парой, рядом, стремя в стремя, и открылся перед глазами свет, прежде невидимый. Как жаль, что такое мгновение не длится вечно. Вот он обнял ее на скаку, а она прильнула к нему. Вот поцеловал он ее, потом они поцеловались еще и еще раз. А кони мчались, и седоки знали, чувствовали, что единятся навсегда. “Я люблю тебя! Ты моя!” — крикнул он. “Я буду всегда с тобой”, — ответно крикнула невеста.

А народ ликовал, и все в один голос славили жениха: “Молодец! Настоящий джигит! Дорогу! Дорогу! Посторонись! Он возвращается! Теперь он наш, он с нами, а мы с ним!” Такие возгласы завершали праздник помолвки.

Но и тайный заговор не убыл, не уклонился, еще крепче сжали зубы заговорщики. Смута всегда найдет свои ходы...

Тем временем гости-сваты, попросившись, вернулись в свои края, чтобы готовиться к свадьбе. И приготовления начались незамедлительно. Все шло своим чередом. Все было предусмотрено, как предписывают традиции и обычаи, — начиная от расположения на видном, удаленном от других месте свадебной юрты, где молодоженам предстояло провести первую брачную ночь, а также гостевых юрт для сватов и родственников и кончая приготовлением подарков и угощений. Сказания акынов, песни и пляски молодежи — все было продумано и подготовлено. Так полагалось в те времена — свадьба была общим делом всех соплеменников.

И вот настал день накануне прибытия гостей и начала свадьбы. С утра охотник-жених с двумя братьями отправился на охоту, чтобы добыть для угощения почтенных гостей свежей дичи, а для дарения — звериных шкур. И охота была удачной. Но ближе к полудню вдруг донеслись издали крики — это разыскивали охотника-жениха прискакавшие вдогонку родственники. Их было много, и были они возбуждены. “Беда! Беда! Остановись! Вернись!” — кричали они и, бия себя в грудь, сообщили страшную весть: минувшей ночью его нареченная сбежала с прежним возлюбленным своим, многие думают, что увезли ее в многолюдный базарный город.

Что тут началось! Небо разом померкло, поднялся ураганный ветер, и в летнюю пору, как зимой, заметалась снежная вьюга. “Позор! — кричали родственники и падали в отчаянии на землю, взывая к небу. — За что, за что нам такой позор?! Убить ее, разыскать бесстыжую и убить на месте!” И готовы были в тот же миг ринуться на поиски. Но охотник-жених оставался безмолвным. Потрясенный, он застыл, побледнев, и словно бы онемел.

— Какой ужас! Какой ужас! — шептала Айдана, искренне переживая.

— Вот я и говорю! — подхватил Арсен Саманчин. — Представляешь все это на оперной сцене? Какая может быть музыка, какие страсти, какие голоса, какие мизансцены! А дальше, Аяа, последовали еще более потрясающие события.

Когда родственники, поспешно готовясь к погоне, стали толкать и дергать охотника-жениха, чтобы он пришпорил своего коня, тот

наконец разомкнул уста: “Остановитесь, замолчите! Я никуда не двинусь! Если это проклятие на мою голову, то я проклинаю и ее, подлую! Проклинаю весь род людской! Лучше быть зверем, чем человеком! А теперь убирайтесь вон! Больше я не увижу ни одного человека на свете, и меня отныне не увидит ни один человек. Вы слышали? Убирайтесь с глаз долой! И не ищите меня!” С этими словами он соскочил с коня и пошел пешком через гору. Родственники, потрясенные таким поворотом событий, поначалу застыли на местах, потом кинулись его догонять, но его и след простыл. Больше его никогда не видели.

И тут опять исключительно драматическая сцена для театра: возвращаясь, родственники жениха-охотника услышали крик вдруг объявившейся невесты. Теперь она металась в поисках, звала жениха. Никто еще не знал, что она вовсе не сбегала, то был коварный, убийственный оговор. В действительности ее тайно похитили той ночью — связали руки, усадили на коня и повезли прочь. Но на берегу той самой реки, где они были помолвлены с женихом-охотником, ей развязали руки, чтобы, удерживая с двух сторон, перевести через брод. Это-то и спасло ее. Она вырвалась и бросилась в реку. Похитители — следом, но она уже исчезла в бурном потоке. Река спасла ее, а похитителей потащила вниз по течению и расшибла о камни. Чудом спасаясь невеста обрела дар летать, как птица, и вскоре появилась в тех местах, где родственники только что расстались с ее бесследно исчезнувшим женихом. Теперь они пытались остановить ее и узнать, что с ней произошло, но и она оказалась неуловимой. Она тоже исчезла. С тех пор и существует тайна Вечной невесты, и раздается в горах ее вечный плач, слышимый далеко-далеко. Я спою тебе, Айа, как умею. Послушай, как она кличет:

— Где ты, где ты, я к тебе бегу!
Я была похищена, но удалось бежать.
Я осталась девственницей, я тебе верна.
Где ты, где ты, мой родной жених?
Я осталась девственницей, ты услышь меня,
Меня спасла река наша, где клялись мы в любви.
Где ты, где ты, ты услышь меня!
А за мной погоня, меня хотят схватить...

Ты исчез в горах, охотник мой.
Мы были помолвлены у реки с тобой.
Где ты, где ты, на какой горе?
Где ты, где ты, я бегу к тебе.
Мы были помолвлены у реки с тобой,
Ты исчез в горах, охотник мой...
Я твоя невеста, где же, где же ты?
Разве мы не свидимся больше никогда?
Мы с тобою воду пили из одной реки,
На реке клялись, что будем мы верны.
Разве мы не свидимся больше никогда?
А река течет, но где же, где же ты?
Вспомни, отзовись, охотник мой,
Мы клялись в любви луной, душой...
Куда же ты исчез, охотник мой?
Разве горы не раздвинутся?
Разве тучи не разойдутся?
Разве солнце не осветит ущелья?
Разве горная коза не укажет путь к тебе?
Где ты, где ты, на какой горе?
Где ты, где ты, я бегу к тебе...
Разве не мы мчались на конях наперегонки?
Разве не мы обнимались в седлах на скаку?
Разве не мы целовались в седлах на скаку?
Чтобы видели боги,
Чтобы видели люди...
Где ты, где ты, на какой горе?
Где ты, где ты, я бегу к тебе...
Без тебя луна угаснет для меня,
Без тебя не будет жизни для меня.
Разве небо будет счастливо без нас?
Кто же проклял, кто же проклял нас?
Разве горы будут счастливы без нас?
Кто же проклял, кто же проклял нас?
Разве не из горной дичи ты дар принес богам?
Разве не из барсовых шкур ты дар принес сватам?
Чем же провинился ты перед судьбой,

Ты, удачливый охотник с щедрою рукой?
Неужели не ходить нам в плясе у костра?
Где ты, где ты, на какой горе?
Где ты, где ты, я бегу к тебе...
А за мной погоня, меня хотят схватить,
Чтоб не свиделись мы больше никогда.
Где ты, где ты, я бегу к тебе...

Ох, дай передохну! — прерывисто дыша, сказал Арсен Саманчин. — Отдышаться надо. Этот речитатив на бегу можно продолжать долго, повторяя снова и снова, наращивая, потому как — чувствуешь? — в этом плаче страдания души обращены ко всем временам и всем пространствам. Его суть — в извечной трагичности судеб влюбленных, которых постигла насильная разлука, и до тех пор, пока они не найдут друг друга, их трагедии не будет конца. Ты только представь себе, никто не останется равнодушен, все будут сопереживать им, так слажены души людские. Как потрясающе это можно показать в театре! Даже река будет петь в опере, протекая краем сцены. Такого никогда еще не было в оперном искусстве — река, спасающая помолвленную на ее берегу невесту, поет:

“Я река, текущая с гор в низины,
Я спасу тебя в течении своем.
Я унесу тебя от врагов коварных,
Я выручу тебя, ты моя богиня,
Быстрее кидайся с берега,
Быстрее кидайся в воду,
Я спасу тебя в течении своем...”

Так будет петь хор за кулисами под шум реки, символизируя то, что сама природа жаждет справедливости. И все это насыщено мощной оркестровой музыкой, на фоне которой звучит вокал, голос в полете, твой, только твой голос — и небо слышит Вечную невесту, и луна ей вторит... Ты представляешь, что это будет?!

— Да, я потрясена, первый раз слышу такой вселенский плач, — отвечала Айдана. — И река поет! Чудо! Поющая река! И ты все это помнишь, Арсен, слово в слово?

— Так я же с детства много раз бывал на ночных кострах Вечной невесты и слышал все это в песнях наших акынов. О-о, как они в такие ночи изливаются в импровизациях, сочиняя свой сказ! Каждый акын по-своему страдает за Вечную невесту, душу раскидывает по горам — Вечную невесту зовет! Для них это то же, что для тебя солировать на сцене. Не зря их называют токмо-акынами. Меня как-то спросили, как перевести на русский “токмо-акын”. Изливающийся бард — больше никак! А для них, для акынов, вдохновение в том, чтобы рядом были сопереживающие слушатели, и тогда акын в слове своем то погружается в глубокий колодец мысли, то ветром уносится по степям...

— Понимаю, понимаю, — соглашалась Айдана. — А все же, как в народе толкуют, куда подевался жених-охотник? Хочется знать — жив ли он, почему молчит?

— Это тоже вечный вопрос. Никому не ведомо, где он, что с ним. И однако все ждут. Говорят обычно, что он скрывается где-то в недоступных местах. В обиде на весь мир, в обиде на судьбу свою отверг он и себя, считается, что он стал монахом-отшельником и живет где-то аж в самом Тибете, в монастырских пещерах, в медитациях пребывает там дни и ночи. Так говорят, но кто знает, куда он сгинул сгоряча? С его стороны это вызов самой человеческой сущности — он категорически не приемлет зло, с которым так часто мирятся люди. Необратимое разочарование. Даже императоры — загляни в историю, — лишившиеся империй, не впадают в такую черную меланхолию, не отвергают самую жизнь, но для него, для жениха, любовь была наивысшим смыслом жизни. В общем, сказ именно об этом, в этом его былинная философия. Но главная фигура в этой истории, разумеется, она, Вечная невеста, в ее нескончаемом мученическом подвиге, в поиске истины... Неужто всегда такой будет расплата за любовь? Получается так, что жених навсегда отрекся от мира, самоустранился в знак протеста против людских злодеяний и греховности, а она пребывает в вечном покаянии за род людской, и в этом глубина и сила ее любви и горя. Я больше скажу, она —

мученический стон вселенского страдания. Почему в любви всегда больше испепеляющих трагедий, чем цветущего счастья?

Обрати внимание, в летучем образе Вечной невесты, в этом притчевом эпосе живет извечная боль разлуки и жертвенной расплаты за всегдашнюю агрессивность людского мира. Добро неизбежно расплачивается за зло. Вечная невеста не может примириться со злом, воспаленным ненавистью и завистью, она хочет спасти, вернуть жениха-охотника из его отшельничества в жизнь такая она есть, и в этом спасительном порыве, в стремлении к истине нет предела человеческому духу ни во времени, ни в пространстве. Всегда так было и всегда так будет в людском роду. И оттого Вечная невеста, спасенная рекой, стала символическим образом на все времена. И в этот час она тут, в парке, с нами уже потому, что мы думаем и говорим о ней, и она это чувствует. Улавливаешь в этом фольклорном экскурсе вселенский ностальгический мотив любви?

— Еще бы! Ведь ты прочел мне об этом целую лекцию, и тоже вселенскую, — заметила Айдана с восхищением, но не без иронии. — Удивляюсь неудержимости твоей мысли! — воскликнула она, зябко передернув оголенными плечами. — Помнишь, как одна журналистка назвала тебя “вселенским глобалистом”? Смех да и только: глобалист — и притом вселенский!

— Ладно, пусть я чокнутый, но тебе предстоит задача совсем иная — превратиться в Вечную невесту на оперной сцене и вознестись волшебством твоего дивного голоса прямо в космос!

— Ой, перестань! Вот с этой скамейки — и прямо в космос! Значит, я буду космической солисткой, певицей-космонавткой? С тобой не соскучишься!

— Ну, извини! А я ведь всерьез! Разве ты не почувствовала, что сама Вечная невеста с нами здесь, в парке, вон там, за деревом, что у фонаря? И знаешь, что она говорит?

— Что?

— Вслушайся! Она говорит: сколько же я ждала-выжидала этого дня, чтобы поклониться вам, влюбленным, когда вы вспомните обо мне. Годы минули и века, а я так и остаюсь помолвленной невестой и потому именуюсь в памяти знающих Вечной невестой, и потому зажигают для меня люди в горах ночные костры, чтобы явилась я, блуждающая в тоске и горе, на светящийся огонь, чтобы свиделись мы

у костра и чтобы шаманы вызвали духов и спросили их, сколько же будет Вечная невеста скитаться и звать по горам своего жениха-охотника, сколько будет она причитать и накликать за собой погоню? А духи отвечают всегда одно — слушай-слушай, Айа, это касается и нас с тобой, — духи отвечают, что услышит мир о Вечной невесте через песнопения ее громогласные на виду у множества людей и что в песнях тех поведаст она о судьбе своей горестной и обратится ко всем невестам на земле и скажет им — пойте песню мою женихам своим как дар верной любви и преданности! Пусть же духи услышат и нас с тобой в этот час, Айа! Они ждут песнопений Вечной невесты в твоём исполнении на виду у множества людей, то есть — на публике. И говорят они, духи, что тебе предначертана свыше реинкарнация и станешь ты посланницей Вечной невесты! И вознесут тебе благодарность небесные боги и духи, и люди будут чтить тебя и восхищаться твоим пением, твой голос будет литься из космоса...

— Ой, ой, ой! Куда тебя занесло! — насмешливо перебила Айдана. — Хватит витать в космических сферах, надо мыслить трезво.

— А ты не спеши, — не сдавался Арсен Саманчин. — Трезво мыслить успеется всегда. А сейчас вон, смотри. Ты мне не веришь, так смотри вон туда, под дерево возле фонаря. Видишь тень Вечной невесты? Смотри, как она кланяется с благодарностью и надеждой. Вечно молодая, а какая красивая — в прозрачном шелковом платье, с накидкой, похожей на крылья.

Айдана кивала вроде бы в знак согласия, потом сказала:

— Ну, ты, Арсен, на самом деле оголтелый романтик. Но и мечтать надо реалистически. Чтобы петь Вечную невесту на сцене, нужна музыка, нужны ноты и партитура, оркестр, сценография, костюмы, хор в сотню голосов... Вот ты говоришь, что река будет петь, а где для этого сценическая машинерия? Где в конце концов композитор, режиссер-постановщик и самое главное в наши времена — где взять средства на все это? Оперный театр не только у нас, повсюду зачах. Государству сейчас не до оперы.

Арсен Саманчин как будто и соглашался, но гнул свое:

— Да, я знаю, оперный театр ныне — что опустевший храм. На оперных сценах царят эстрадный балдеж, клоунада и прочие развлекаловки. Знаю, что лучшие солисты и солистки разбежались голосить по рыночным дебрям. Все это так. Почти никто из

современных композиторов не пишет музыку для оперы. И все же высокое искусство не должно погибнуть. Как мы можем на это спокойно смотреть?

— И что ты намерен делать?

— Если ты, Айа, согласишься спеть Вечную невесту, я пойду, как бульдозер, пробивать дорогу. Добьюсь. С композитором Аблаевым договоренность уже есть. Он ждет. Либретто пишу я. Он хотел бы, чтобы мы встретились все вместе. Когда вернемся, я ему позвоню...

— Ну, хорошо. Посмотрим, посмотрим... Вначале напиши либретто, либреттист мой дорогой!

На хайдельбергский старинный парк уже спустилась полночь. Тени на аллеях под фонарями застыли в неподвижности, теперь уже до утра. Арсен Саманчин вел под руку Айдану Самарову в замок, и они продолжали говорить все о том же. Перешептывались о том и в постели. На другой день утром им предстояло вылететь в Москву и далее — в свои края.

Подобной встречи у них больше никогда уже не было. Но идея “Вечной невесты”, словно ниспосланная им свыше, чтобы одухотворить их встречу, завладела им настолько, что казалось подчас — ради того и оказались они на другом конце света, в центре немецкого романтизма, и окунулись в его магию, чтобы воспарить над обыденностью. Возможно, потому в той романтически-возвышенной обстановке все повседневное было начисто забыто и отброшено — вся предыдущая жизнь с ее трудностями, конфликтами, скандалами, тяжбами в судах, ненавистью, злобой... Все это в полной мере касалось и его, и ее жизни — ведь и Айдана уже неудачно побывала замужем, но быстро развелась, как это часто бывает у артистов, — но все было на короткий миг забыто. Здесь, в хайдельбергском парке столетнем, куда привела их судьба, они были чистейшими существами, он — богом, а она — богиней, и им явилась с неизбывным горем своим Вечная невеста...

А потом все обернулось иначе...

Не судьба, стало быть. Хоть и встречались подчас на первых порах, и обсуждали на ходу проблему “Вечной невесты”, пусть оказавшуюся утопической, по телефону созванивались, потом все прервалось — укатила Айдана на “Лимузине”, демонстрируя себя в прямом эфире всем телезрителям страны. А уж сколько денег лежало в

багажнике того “Лимузина”! Но разве стоило упрекать ее за это? Кто не жаждет побольше занять, заработать, да еще и прославиться — в общем, как упустить такую шоу-удачу! А ведь у нее теперь, пожалуй, контракт подписан с ним, с Эрташем Курчалом. Никак контракт века! Имеет право. Да, имеет право. Ну а ты, ты что скажешь, олигархоборец несчастный? Что у тебя есть, кроме писанины твоей? Так теперь и пресса в руках местных олигархов.

Попрекал, ненавидел Арсен Саманчин сам себя за то, что доходил до такой низости, до зависти, дикарем обзывал... И упирался в тупик. И здесь предстояло ставить точку. Ведь сказал кто-то — сила силу гнет и в том пребывает силой. Массовая культура придавила его, идеалиста, так, что больше не встать... А признанным богом могущественным оказался Эрташ Курчал. Сколько у него ресторанов, эстрад, стадионов, сколько рекламных агентств и телеканалов! И все это на виду, всем этим он владеет вполне законно, это он нагнал океанскую волну масскультуры и смыл его, Арсена Саманчина, а заодно и “Вечную невесту” на задворки несбывшихся помыслов...

А позднее прибавилась еще одна нежданная, мучительная тягота — легло на душу страшное бремя задуманного убийства того самого, будь он проклят, Эрташа Курчала. И никуда не деться было теперь от неумолимого жжения мести, надсадно тлеющего в глубине души, — убить и только. На этом замыкались все мысли. Не от комплекса ли неполноценности возбудилась в нем ярость такая? Досада сжимает горло, дышать не дает — одним словом, сам себя загнал в капкан. Судьба? Кто мог предположить, что такая возвышенно-романтическая идея, родившаяся в любовной эйфории, разрешится таким страшным образом — неотступной, бычьей готовностью к убийству. Но даже тогда, в набежавшие дни окаянные, в муках и терзаниях все-таки случалось просветление души и приходила в голову прекраснодушная мысль убедить Айдану Самарову покаяться вместе с ним перед Вечной невестой, съездить для этого в горы, зажечь костер, попросить прощения за несбывшиеся хайдельбергские иллюзии, отрыдаться... Но созвониться с ней так и не удалось. Вероятно, и к лучшему — можно себе представить, как она бы его высмеяла. Сказала бы, спятил мужик окончательно! И все равно мечтал: если бы оказались вдруг в горах, дабы совершить покаяние перед духом Вечной невесты, упал бы на колени и при ней призвал бы само небо в свидетели — у любви

нет, не должно быть никаких причин, чтобы отказаться от дара вечности (опять понесло философствовать, потянуло в космические уголья дурака), ибо любовь — это двуединый путь влюбленных к вечности, и намеренное разрушение чувственного поля любви есть посягательство на вечность. Ведь это любовь есть устремленность к бессмертию, и каждому дано ступать той тропой, предначертанной Богом... (Только кто как ступает — вот вопрос.) Но опять же сколько иронии излилось бы на него! Да кому все это нужно! Разве стоило бы ей, звезде, мечтающей уже о “голливудстве” (этот самый Эрташ Курчал якобы задумал фильм для нее), разве стоило бы ей тратить попусту свое время, безраздельно принадлежащее шоу-бизнесу, где-то в горах в ожидании духов, в ожидании Вечной невесты? Смешно!

Итак, просвета впереди не предвиделось.

И судьба совершенно точно и недвусмысленно дала ему это понять в ресторане “Евразия”. То был финальный кульбит... И тут уж ничего не оставалось предпринять в ответ, кроме как добыть-купить оружие... Но где и как? Идиотская проблема! Ну почему жизнь столь беспардонно заводит в такие безвыходные тупики? А коли так, к чему бесповоротно обрушивать жите-бытие, рубить лес налево и направо? Что толку? Только и осталось, что, погибая, сказать свое последнее слово!

Вот такая выдалась у Арсена Саманчина ночь — исполненная раздумий и самоборения без финала. В полном одиночестве стоя у единственного светящегося окна, выходящего во двор повально спящих пятиэтажек, томился, грустил он, учинял себе самосуд, пытаясь убедить себя не прибегать к убийству и неизбежному самоубийству, не совершать самого злодейского на земле преступления, но подавить в себе буйство мстительности не удавалось. Вот и маялся...

И Жаабарс маялся той ночью в горах под перевалом. Не спалось одинокому зверю. Тоже томился, грустил в полной отверженности своей. Подвывал злобно, глядя на звезды. Их было так много, и они дружно светились. Вот куда бы удалиться, ведь звезды не выживают друг друга, зимой и летом они всегда вместе...

На те же звезды глядел в этот миг и Арсен Саманчин. И ему тоже хотелось оказаться среди звезд и не думать ни о чем...

Однако же не думать не удавалось — откуда-то из глубины выплыла мысль: а не обратиться ли к брату, Ардаку Саманчину? У Ардака гораздо больше знакомых и связей среди торгового люда. Бывший врач-терапевт, ныне он занимался собаководством, разводил среднеазиатских овчарок и торговал ими в Европе, большей частью в Германии. Овчарки эти пользуются большим спросом. Покупателей хоть отбавляй. Документацию на вывоз собак Ардак умеет профессионально и своевременно оформить. В общем, живет за счет этого, у него-то в семье трое детей-школьников — дочь и два сыночка. Жена Гульнара — бывшая медсестра. Сумели они приспособиться к рынку. “Адаптируюсь с помощью собак!” — говорит Ардак, то ли шутя, то ли всерьез. Домик есть у них на окраине города, двор, клетки для собак... “Жигули” есть.

Сам он, Ардак, человек порядочный, работающий, начитанный. Только вот родственники в родном Туюк-Джаре недовольны и его собачий бизнес осуждают. Стыдно, мол, за него. Учился, учился, получил диплом врача, а теперь — куда это годится — торгует собаками по всему свету. Особенно сестру их, Кадичу — она постарше и живет в аиле, — задевает очень, когда речь заходит об ардаковском бизнесе. Кадича аж краснеет лицом, так неприятно ей. В аилах сам факт торговли собаками многих шокирует: слыханное ли дело, вон сколько их бегают, собак, по задворкам, по огородам — лови, бери сколько хочешь. Того и гляди кошками станем торговать, а то и крысами. Но Ардак держится, правда, в аил не наезжает — зачем выслушивать?

Зато при случае как старший брат сам выговаривает Арсену — до каких пор, мол, будешь холостяком бродить по свету? Чего тянешь? Подходящих женщин сколько угодно и в городе, и в аилах. Ну, было дело, женился неудачно, развелся — не оставаться же без жены на всю жизнь. Да, у тебя европейское образование и образ мыслей, языки знаешь, ты известный журналист, независимый — теперь это в моде, — повсюду тебя на конференции зовут... Самодостаточный, словом. Но ничто не компенсирует холостяцкого одиночества, если ты не монах какой.

Нет, вряд ли что получится с Ардаком насчет оружия — станет обязательно допытываться, зачем, почему вдруг острая необходимость возникла пистолет заиметь? Человек он дотошный — врачи ведь все

дотошные, — бывает, правда, выпивает... Нет, не стоит связываться с братом родным в таком деликатном деле. Вдруг догадается — в доску расшибется, не позволит...

Так думал он в тот поздний полночный час, разглядывая через окно звезды в небе. Летом их всегда кажется много. Вот так бы и жить: “светить — и никаких гвоздей”...

Утром его разбудил телефонный звонок. Пока вставал, пока шел к телефону, надеялся, что звонки прекратятся, — не очень-то хотелось откликаться разом со сна. Но кто-то был настойчив. Зато получилась разрядка — после метафизических парений духа и фантазмагорических сновидений приходилось окунаться в реальную, обыденную жизнь, и вот для начала пошли звонки. Это оказался свой человек — Бектур-ага, родной брат покойного отца. Он часто позванивал, как-никак ближайший родственник, но главное — человек по-настоящему деловой (таких бы побольше), не случайно был он председателем колхоза в родном селении Туяк-Джар до самого их повсеместного роспуска. И потом не растерялся. Одним из первых смекнул насчет выгоды охотничьего бизнеса. В Узенгилеш-Стремянных горах стал известным охотничьим предпринимателем — создал фирму “Мерген”. Дело пошло, а в последнее время хлынула зарубежная клиентура, много иностранцев стали прибывать на охоту по линии фирмы “Мерген”. Помогал дяде в оформлении приглашений и других документов для охотников-иностранцев и Арсен Саманчин.

Кто знает, чем обернулись бы для него эти неодолимые, неизбежные терзания воли и сознания, этот душевный “самотеррор”, если бы не раздался с утра тот телефонный звонок. Очень не хотелось Арсену в таком состоянии вступать в какие бы то ни было разговоры, и когда в трубке послышался знакомый голос Бектургана Саманчина, он, зная, о чем пойдет речь на их предстоящей встрече, хотел было поначалу отложить, оттянуть ее на полуденное время. Надо было сначала постараться прийти в себя, приостановить сейсмическое, как он определил для себя, колебание собственной души. Но при первых же приветственных, еще ничего не значащих фразах, привычно предваряющих деловой разговор, Арсена вдруг осенила мысль о том, как можно запросто достать оружие и решить наконец этот проклятый, донимавший его вопрос. Он даже облегчение почувствовал сразу. И потому выразил готовность встретиться для

очередного разговора, далеко не откладывая, и извинился за то, что не позвонил сам: мол, так получилось, дела.

Их разговор, естественно, никоим образом не касался того отчаянного пусть призванного наказать зло, но страшного по своей природе умысла, что вынашивал в себе Арсен. Они по-родственному, обыденно беседовали о том, что уже давно стало постоянным предметом их обсуждения, — о делах охотничьих, на которых держался бизнес Бектургана Саманчина.

— Наконец-то, слушай, до тебя второй день не могу дозвониться, — начал с упрека Бектур-ага — так все почтительно именовали аксакала Бектургана Саманчина. — Где ты пропадаешь, слушай, Арсен? И мобильник у тебя отключен. Ты что, слушай?

— Бектур-ага, а ты в городе?

— Ну а как же, для того и прикатил, чтобы с тобой потолковать. Ты что, забыл про барсовую охоту для арабских принцев? Сам же все устраивал. Им нужен переводчик, только такой, как ты сам, и чтобы на все сто процентов. А ты все тянешь и тянешь, что тебя держит? Не ты ли самый независимый и свободный эгемен? А получается?.. Забыл, выходит.

— Да нет, Бектур-ага! Никак не забыл.

— А что же тогда тянешь? Я ведь на тебя рассчитываю. Времени-то осталось всего ничего — семь дней до прибытия арабских принцев, а ты все молчишь...

— Не беспокойся, Бектур-ага, я тут готовил большую передачу для телевидения. Иностранные журналисты приезжали. Но не волнуйся, я уже все решил, сам буду с арабскими принцами — и переводчиком, и, как принято теперь называть, менеджером. Постоянно буду при них.

— Ну если так, то слава Богу! Так и положено в делах с родным отцовским братом. А как же иначе! Другие охотники приезжают — уезжают, а арабские принцы в наших горах впервые, сам понимаешь, как наместники самого Аллаха придут. А времени всего семь дней осталось. Сколько еще всего приготовить надо по горам, по ущельям! И главное, сейчас как раз самый сезон наступает, как раз барсы возвращаются с летних мест за перевалом в наши Узенгилеши. Пора шевелиться.

— Я понимаю, Бектур-ага. Я уже сказал, я готов.

— Так давай встретимся, Арсен, и все обговорим. Заодно еще и другое дело есть. Мы и за тебя переживаем...

— Встретимся, Бектур-ага. Сейчас девять часов утра. Давай к одиннадцати. Только где?

— Хочешь, у тебя на квартире?

— Давай, я к тому времени чайку приготовлю...

— Хорошо, Арсен. Только чай готовить-то тебе зачем? Что я, важный гость какой со стороны? Был бы ты женат, тогда дело другое. Родные все переживают за тебя, а ты... Ну, ладно. К одиннадцати подкачу.

— Жду, Бектур-ага, жду.

Положив трубку, Арсен Саманчин облегченно вздохнул. Оглянувшись по сторонам. Припомнил, позвонил на мобильный водителю Бектура Саманчина — хороший такой парень, на джипе отменном дядю возит. Итибаем зовут его. Подшучивает Арсен порой: Итибай означает “человек с богатой собакой”. А раз собака богатая, значит, и самому кое-что перепадает! Эх, вечная мечта о богатстве, какие только метафоры люди не придумают... Договорился с Итибаем, чтобы тот позвонил ему перед выездом.

И на том несколько успокоился Арсен Саманчин, снова предался размышлениям. Да, безусловно, надо идти на предложение ближайшего родственника своего Бектура Саманчина, надо помочь ему в приеме таких высоких гостей-охотников. Арабские принцы — один саудовский, Хасан, другой — кувейтский, Мисир. Говорят, они двоюродные братья. Любители скачек, ловчих птиц и экстремальной охоты. Главное же заключалось в том, что вокруг арабских принцев, готовящихся к охоте на снежных барсов, а ведь таких благородных зверей больше нигде в мире нет, тем более на Ближнем Востоке, они в тамошнем зное не могут жить, их родина — поднебесные горы с освежающей летней прохладой и зимними морозами, оттого и мех у них божественной красоты, каждая шерстинка на вес золота... Так вот, вокруг принцев-охотников будет задействовано много людей — obsлуга, охрана, проводники... Все будут вооружены и охотничьим, и прочим оружием. Стало быть, и он, как постоянный переводчик и сопровождающий, тоже будет вооружен — может быть, карабином, а пистолетом уж обязательно. И этот пистолет он оставит потом у себя, предлог найдет. Если в охоте им будет сопутствовать большая удача,

принцы, пожалуй, подарят ему пистолет. И с тем пистолетом, как только охота закончится, он прикатит с гор в этот город многолюдный и применит его так, как задумал.

Звонок дяди оказался очень кстати еще и потому, что заставил его опомниться, вернуться к нормальной жизни после минувшей ночи размышлений, будораживших душу даже во сне. Одумавшись, взяв себя в руки, Арсен Саманчин как бы наложил мораторий на эти размышления, заключил договор о перемирии с самим собой, отложив на время свой злонамеренный план. Надо было делом заниматься. “Хватит, хватит, Арс, уймись! — мысленно сказал он себе. — Не об этом надо думать сейчас, ты же не совсем чокнулся, Арс!” Это Айдана ласково так называла его в минуты нежности — Арс, а он ее — Айа. При воспоминании о тех минутах ему оставалось лишь с горечью вздыхать. И тогда Арсен ощущал себя деревом с густо облетающей на ветру листвой. Оголялась душа...

Да, следовало немедленно заняться делами, сколько можно терзаться и гробить себя заживо? Работы полно. В загоне компьютера томится уйма начатых и не законченных в спешке текстов, срочно ожидаемых в разных редакциях. Сам виноват: хватается за разные темы, от публицистики текущей до гидроэнергетических проблем, вынашивает и другие замыслы. А результат? Никогда такого не бывало, чтобы накапливались у него завалы незаконченных статей. Это скорее всего издержки того, что ходит в шкуре независимого журналиста. Свобода! Никому не подотчетен, никакого контроля над ним. Живу как хочу... Куда это годится?

Так настраивался Арсен Саманчин, подхлестывая себя упреками, чтобы не сжигать понапрасну душу, терзаемую страданиями по убиенной любви и по убиенной идее. Капитализм проклятый творит свое дело! Творит — и ничто не может помешать ему, кишка тонка! А вообще при чем тут капитализм? А притом, что идею можно купить, как товар, идею, оказывается, можно продать, эмбарго устроить идее — за деньги все можно. А ты в этой ситуации чужой — не покупаешься, не продаешься, ты — с либерального кочевья забредший, вот и получай. Сшибайся лоб в лоб, один против всех. Тебе это обойдется ценой головы, а они откупятся от кого угодно. А, все равно, биться так биться, никуда не денешься. Но не сейчас. Во всем должна быть своя, пусть малая, стратегия и своя тактика. Но

пока про все это надо забыть! — так убеждал он себя, полагаясь на то, что прибудет Бектур-ага — и все пойдет по-другому. Совсем иной вопрос встанет на повестку дня, другая ипостась жизни выйдет на передний план. Разговор будет по-настоящему серьезный, потолковать есть о чем, поскольку речь идет о деле, о большом бизнесе...

И в то же время, укрощая себя таким образом, Арсен Саманчин словно бы оправдывался перед Вечной невестой и утешал ее. Он говорил вроде бы не сам, а как собственный двойник, обращаясь к ней мысленно, шептал, как если бы она слышала его, находясь где-то за дверью, только что выйдя из заезженного до дикого скрипа и хрипа лифта его хрущевской семиэтажки. Он шептал ей неслышно, почти извиняясь: подожди, мол, потерпи немного. Бог даст, сможем чего-нибудь добиться. И тогда я вас сведу, тебя, Айдану и музыку великую, классикой налитанную! Айдана будет на сцене, а ты за кулисами, рядом, и все сама услышишь и увидишь. Только потерпи. И потом, подумай, виновата ли Айдана? Пойми, не по своей прихоти отринулась она, ее тоже похитили, как когда-то тебя, но по-своему, по-теперешнему, — сбили с пути, завлекли, совратили, купили. Если в прежние времена красивую женщину умыкали, посадив на коня, то теперь ее вскидывают на мешок с долларами, и на нем она скачет сама, да поскорее, к долларовым табунам устремляется, а табунщики там миллионеры, и каждый свой долларовый табун погоняет-выпасает. Вот так и живем. Другого ходу нет, все на рынке толчемся. И никто не виноват, рыночная экономика всеми правит. Но все же, если подумать, виноваты. Виноваты, что покорно живем так, как нас принуждают, все поголовно. Ой, что-то меня в дебри социологии и политики потянуло. Только ты не принимай это близко к сердцу, тебе эти заботы ни к чему. Да и я завелся оттого, что просто к слову пришлось. Извини и верь мне, жди, Бог даст, свидимся еще. Нет, постой, задержись на минутку. Вот еще что постоянно пложет меня изнутри. Все думается исподволь: а как она там чувствует себя — действительно ли счастлива, как в рекламе подают ее повсюду, как на сцене выплядит, залитая светом, или где-то в душе пещеру имеет свою, куда скрывается, где, быть может, плачет и кается, не зная, как быть? Жаль, нелегко ей, должно быть, если даже избегает меня, но вряд ли удастся ей забыть наш хайдельбергский парк, где мир грезился нам

по-иному. Ты же видела ее сама, Вечная невеста, ты видела нас вместе, и вот мы разминулись...

Так шептал он беззвучно, обращаясь в такое же беззвучное пространство, и тут же пытался вразумить себя: “Опомнись, опомнись, куда заносит опять тебя натура твоя неумемная? Чего ты лезешь? С кем тягаешься? Ты один колготишься, что-то там пописываешь, философствуешь, донимаешь, как можешь, олигархов, а они, доллар-баи современные, тусуются себе на мировом рынке, "тусуются-коррупцуются", как однажды смешно выразился твой брат Ардак, ты даже использовал где-то эту фразу, но они этого и не заметили. Потому как ты для них никто, как и всякий, кто на рынке веса не имеет, — пустой звук, бродяга приبلудный. Да, порой кажется, что им, доллар-баям этим, теперь сам Бог служит, глаз с них не спускает, бережет. А что? Получается, теперь Бог — банкир вселенский. Стой, что-то уж я какую-то ахинею несу. Господи, прости меня грешного! Накажи и прости! Эх, такую белую ворону, такого "выгрыза неконъюнктурного" прямо бы в океане утопить, чтобы следов его не осталось на свете, чтобы гадать потом, то ли был он, то ли нет... Да только вот выгрызы эдакие не переводятся в роду человеческом, бередят мир и себя. Стало быть, отсюда "социологический вывод" напрашивается: несмолкаемый, полусумасшедший, дерганый рэп эпохи хрипит повсюду, потому что сегодня, как и извечно, что-то не складывается, рвется в мироустройстве между небом и землей, дисгармония царит, и никогда не бывает справедливости на земле... О, Боже, опять меня понесло... Тут домашние дела неотложные, а я..."

И он принялся за уборку квартиры. Бектур-ага человек деловой, хозяин строгий, в лицо говорит, если что не так. Потому и колхоз держал в порядке. Рассказывают, что выговаривал любому за халатность и ничто не считал мелочью — почему навоз выкидываешь на край проезжей дороги? Убрать! Что это у тебя стог набок завалился, спяну, что ли, как ты сам? А ты что арык свой на огороде в свинарник вонючий превратил, прочистить не можешь? Требовал от односельчан порядка и прав был.

Памятуя об этом, Арсен Саманчин стал наскоро пылесосить прихожую. Газеты, которые валялись по всей квартире, журналы всякие глянцевого, читанные и недочитанные, складывал стопками.

Потом стер пыль с зеркала и — особо тщательно и бережно — с лакированной поверхности светло-коричневого пианино. Красивая вещь пианино, самая ценная в его жилье, не только потому, что универсальный музыкальный инструмент, но и потому, что на нем играла сама Айдана. Дважды было такое. Играла весь вечер и за полночь.

Сам-то он дилетант, играет на слух, а Айдана прекрасная пианистка. Удовольствие было слушать ее игру — слышалось в ней далекое эхо Европы. Арсен восхищался, считал, что руки у нее музыкальные, от них словно бы сама собой исходит музыка, как и от светящихся плаз. Не утерпел Арсен Саманчин, ностальгия нахлынула, присел и попытался припомнить что-то из тогдашних ее наигрышей. Загрустил опять. Больше она не придет сюда, не сядет к пианино... А от пианино до постели в его крохотной квартирке — три шага, и там своя музыка... Противилась душа его назвать ее предательницей, хотя на деле именно так и получалось, хотелось ему, вопреки всему, думать, что Айдана Самарова — жертва никому не подвластной судьбы.

Раздался телефонный звонок. То был Итибай, водитель дяди Бектура. Он сообщил, что они выехали...

Пора было идти навстречу. И через несколько минут, переодевшись и нацепив галстук, Арсен Саманчин загодя вышел во двор, чтобы встретить как полагается старшего в роду. В прежние времена, когда появлялся подобный гость, его встречали с почтением, придерживая верховую лошадь его за уздечку, а самого под руки спускали с седла, а коня отводили к привязи, облегчали подпруги. А потом овса подносили коню — все равно как если бы теперь заправили автомашину прибывшего гостя горючим...

И вот минут через пять, пока воображаемый конь поедал с лотка свой гостевой овес, сородич дорогой Бектур-ага на автомобиле, да еще на каком — на мощном джипе японском, черного цвета зеркального, с сияющими стеклами фар, с двигателем чуть ли не в шестьсот лошадиных сил, — вкатился с дальнего конца во двор и приближался к подъезду. Во-во, таких бы джипов-вездеходов побольше иметь в горах. Но пока бектуровский, купленный где-то в эмиратах арабских, был единственным на всю туюк-джарскую округу, да и обычные-то тачки — “Жигули” да “Москвичи” — можно было в аилах по пальцам

перечесать, а иначе и быть не могло — народ бедствовал, даже прежнего маломальского колхозного достатка лишился. Крепостной был век, но все же... А теперь, можно сказать, перебивались кто как мог — тяжким трудом или даже воровством, — и впереди никакого просвета. Говорят: бизнесом занимайся, а где он, тот бизнес — копай картошку, убирай сено, что еще? Зато свобода, мол, есть. Но свобода без достатка тоже ой какое нелегкое, пустое дело. Пока что все беды сельские списывали на переходный период: вот, мол, перешагнем в рынок — и пойдем! Жди! Один дурак даже несусветное придумал: надо, дескать, чтобы и дети рождались рыночные! Куда уж дальше! О каких машинах у сельчан могла быть речь, на ишаках зачастили грузы возить, как в средние века. Хорошо еще маршрутки заезжать стали. А молодежь повально в город подалась, и житье там у нее цыганско-безработное...

Но кое-кому перепадает от щедрот бизнес-эпохи. Даже дикий мед стали собирать по горным ущельям и сбывать на продажу, чего прежде не бывало. Мед дарили, ведь мед — услада, домашнее лакомство для старых и малых, а никак не предмет купли-продажи. Но это так, к слову, невелика беда...

Тем временем подъехал на джипе сам дядюшка Бектур. Вот это, что называется, весомая фигура — не кто иной как, Бектур Саманчин, сообразил охотничий бизнес-промысел, устроил так, что почти круглый год шли дела. По сезонам охотились на разных диких тварей — тут и горные архары, которые стали называться “Марко Поло”, и рогатые козы, и медведи, и ловчие птицы, и вот теперь снежные барсы по особой статье вошли в крутой бизнес. Молодец, Бектур-ага, ничего не скажешь, нашел жилу, умный человек...

Машина остановилась, Арсен успел открыть солидную дверцу джипа, и улыбающийся Бектур-ага ступил на землю с бодрым рукопожатием, потом они с племянником обнялись. Да, заметный, солидный человек — и лицом, и фигурой, и особенно мощной бородой. В роду у них все мужчины были приметными на вид, в том числе и Арсен, только Арсен, в отличие от большинства Саманчиных, не стал отращивать усы и бороду.

Еще раз поздоровались они в четыре руки, как и полагается близким родственникам, — каждый протягивает и пожимает обе

ладони другого, поклонились друг другу, тепло улыбаясь при этом. И первое, что промолвил Бектур-ага, приложив мосластую руку к груди:

— Слава Богу, живы-здоровы! Сколько мы не виделись, Арсен, месяца два, наверное, или побольше?

— Да, байке, мне кажется, почти три месяца.

— Вот видишь! — вскинул густые брови Бектур-ага. — Я ведь то и дело наезжал в город, но тебя не всегда удается заполучить. Ну, ладно, теперь побудешь подольше с нами. Сам понимаешь.

— Да, байке, понимаю, конечно. А то, что не удавалось встретиться, так тут дела разные отвлекали, никуда от них не денешься. Ну, поговорим еще. Главное — встретились...

Конечно, он не собирался рассказывать о том, что происходило у него с Айданой, тем более о том, с кем пришлось столкнуться вплотную на этой почве и кто всерьез вознамерился отеснить его, отстранить навсегда от возлюбленной, да и вообще согнать с арены общественной жизни, а еще меньше — о том, что собирался он, Арсен, его сородич, предпринять в ответ. Разумеется, такое исключалось, разговор предполагался совсем иной, сугубо делового характера. Ради него и прибыл Бектур-ага накануне с туюк-джарских гор.

Их радушная, по-родственному теплая встреча вызывала одобрительные взгляды и улыбки проходивших мимо соседей. А тут еще двое шустрых мальчишек, бегавших по двору в драных шортах и майках, один — с собакой на поводке, принялись любоваться бектуровским джипом. Хотя во дворе стояло много всяких машин, этот вездеход им приглянулся особо. Они о чем-то шушукались, подталкивая друг друга в бок, сорванцам, понятно, очень хотелось бы прокатиться по улицам в такой мощной машине, чтобы все восхищались ими.

Все это Арсен заметил, когда невзначай оглянулся на джип, и так хорошо, так трогательно стало оттого на душе его.

Такие приятные чувства охватывают подчас, когда видишь проявления радушия и искренности в окружающей жизни. Так и хочется сказать: вам хорошо — и всем нам хорошо! Даже погода в то летнее утро была какой-то радушной и искренней, еще не раскалившееся солнце заливало своим светом все видимые

пространства, одаряя сиюминутным счастьем бытия всех тварей, живущих на земле, и словно бы соучаствовало в радостях людских.

Вот бы всегда так, в ладу и гармонии, жить на свете. Но, сказывают, откуда-то из облаков всегда взирает на нас некий хмурый глаз. Ну и пусть себе...

А в тот час ощущение благорасположенности и уверенности не покинуло Арсена Саманчина и тогда, когда приступили они к обсуждению деловых вопросов. Бектур-ага рассуждал очень убедительно и разумно, имелась, имелась в его натуре крепкая хозяйственная жилка — с его доводами и мнениями трудно было не согласиться.

Все он продумал, обосновал, спланировал, начиная с лицензирования официальных документов на охотничий промысел, в которых отдельным пунктом были предусмотрительно упомянуты и снежные барсы, оговорено разрешение на их отстрел и даже предстоящий налог с дохода. Арабских принцев давно уже уведомили обо всех условиях. Контракт с ними на английском языке помогал оформить еще минувшей весной сам Арсен Саманчин. Уже и призабыл об этом малость, но вот теперь предстояло вступать в дело на практике. Поскольку с английским языком у Бектура Саманчина была “полная проблема незнания”, — кому бы в здешней округе пришло в голову учить инглиш, — то миссия общения с арабскими охотниками возлагалась на Арсена.

С этической точки зрения, а также по сугубо прагматическим соображениям самого Бектура Саманчина, для такого непростого и деликатного дела, как посредничество между ним и арабскими принцами, бесспорно, подходил только Арсен и никто другой. Ибо персонам монаршего статуса требовался не просто переводчик, а серьезный, образованный и интересный собеседник.

— Так что, дорогой Арсен, тебе благословение от наших предков, ты как раз и есть тот толмач, тот человек авторитетный, сын моего старшего брата покойного — мир ему, — который должен, сам понимаешь, помочь нам в этом деле, — убеждал Бектур-ага. — Побудь с нами пару недель, чего тебе стоит? Ты же ни от кого не зависимый журналист — куда хочу, туда лечу, не так ли? Учти, первые посланцы от принцев придут уже через пять дней, подготовительная группа, по-нашему — даярдаши, трое их будет. А

сами принцы арабские на личном самолете прилетят в Аулиеатинский аэропорт.

— Аэропорт, байке, не аэропорт, — поправил Арсен. Но тот не смутился:

— А я говорю “аэропорт”, у нас так говорят. Так вот, самый ближний к нам аэропорт — Аулиеатинский. Да ты все знаешь, сам же помогал договариваться. Бумаги писали, и ты еще им звонил, помнишь, из банка? Вот теперь время пришло — поработать надо. Арабских принцев в аэропорту вместе будем встречать и вместе повезем в горы. А там у нас все подготовлено, насчет этого не беспокойся. Я выкупил бывшую колхозную контору, и там две гостевые комнаты устроили, ну, не такие, как в городах, но все же... Под самый перевал Узенгилешский повезем на охоту, а надо, так и дальше, за перевал, а там уже — Китай. Все тропы знаем. Туда, конечно, разве что альпинисты забираются, но пусть поглядят и эти молодые ханзада-любители, поохотятся на наших барсов — не бесплатно, конечно. Ты же знаешь, за барсов хорошие деньги будут, Бог даст. И все свою долю получают.

Еще много разных деталей обговорили. У Бектура Саманчина и впрямь все было продумано и проработано тщательно, по-деловому — начиная с переносных палаток и верховых лошадей и заканчивая поименным списком коневодов. Только лично ему известным и проверенным на порядочность людям доверялся уход за лошадьми высоких гостей. А уж что касается оружия, осветительных приборов и приборов оптического наблюдения, тем более все было расписано, как по протоколу. Восхищался в душе Арсен Саманчин, даже гордился своим сородичем и еще раз убеждался: бизнес обладает величайшей организующей силой, учит действовать рационально и целенаправленно. Бизнес как ничто другое требует от человека старания.

Вот так планировался туюк-джарский охотничий бизнес-проект. Знали бы об этом сами снежные барсы в своих снежных горах... Знал бы об этом самый уязвимый среди них, изгой Жаабарс, все еще, как околдованный, метавшийся под Узенгилеш-Стремянным перевалом...

Что касается Арсена Саманчина, то он, будучи участником, естественно, знал, как задумана эта охотничья акция во всех деталях, особенно после встречи с Бектуром Саманчиным, но и он, разумеется,

не мог предвидеть, что ждало его на этом пути. Единственное, что теперь, задним числом, может показаться провидческим, так это то, что незадолго до событий, коим предстояло свершиться, он почему-то сделал в дневнике запись, которую озаглавил “Незримые двери, или Формула обреченности”. И вот что он изложил в этой пророческой записи: “У каждого предстоящего акта судьбы есть незримая дверь, заранее уготованная, заранее приоткрытая, и кому написано на роду переступить порог этой двери, узнает об этом лишь оказавшись заложником по ту сторону ее. Никому, кто сделал роковой шаг, нет обратного хода, как не может родившийся человек вернуться в материнскую утробу. Так вершится приговор судьбы. Такова формула обреченности. Есть только вход, выхода — нет”.

Эта запись могла бы иметь продолжение, могла быть развернута под пером Арсена Саманчина в трагическое эссе, но только лишь в одном случае: если бы все пошло по-другому...

Тем временем утренняя прохлада постепенно сменялась предполуденной жарой. Почувствовалось это и в домах. Прервав на минуту разговор, Арсен Саманчин закрыл приоткрытое с ночи окно и включил небольшой кондиционер, встроенный наверху, над шкафом. В многоэтажных домах жару переносить гораздо труднее, спасение в кондиционерах. Однако Бектур-ага велел оставить окно открытым. Привык в горах к естественному воздуху. Пришлось уважить гостя... То, что окно осталось приоткрытым, имело свои последствия. Но об этом кому было знать...

Сородичи снова вернулись к разговору, который продлился часа два, не меньше. За это время шофер Итибай, добродушный работяга-парень, успел и чаю попить, и — главное — побывать со своим джипом на заправке и на мойке, да еще привез фруктов с базара. А они, повязанные родством, а теперь и бизнесом вездесущим, все обсуждали большой охотничий проект. Кстати о бизнесе. В горах люди не могут взять в толк то, что рассказывают им челноки и челночницы, скитающиеся по миру: оказывается, к великому их удивлению, цветы можно продавать и покупать! Кому такое в голову могло прийти, ведь цветы живут сами по себе, полюбоваться можно, проезжая мимо на коне, сорвать можно для детишек, но чтобы торговать цветами — совсем смешное дело. Дело же, которое

обсуждали Саманчины, касалось особняком живущих горных зверей — снежных барсов, стало быть, и до них дотянулась длань рыночная.

Арсену Саманчину, пока он слушал старшего сородича, набрасывающего планы организации охоты на бумаге, иногда казалось, что все задумано им почти как в театре, только режиссером-постановщиком выступает бывший колхозный председатель, впрочем, и на самом деле башковитый человек. Приемы, которые он предлагал, и впрямь напоминали драматургические сюжеты. Например, Бектур Саманчин придумал хитроумный способ загона зверей в западню, чтобы иностранцы могли снайперски отстреливать на выбор самых ценных особей. Вслушиваясь и вынужденно вникая в замыслы неслыханной горной охоты, поскольку ему предстояло вскоре детально объяснять их арабским принцам, Арсен Саманчин порой невольно начинал сочувствовать барсам, ничего не ведающим сейчас у себя в Тянь-Шанских горах о грядущей трагедии. И тогда чудилось ему: знай эти звери, что сейчас где-то в далеком городе, в кишашем скопищами людей мегаполисе, на седьмом этаже заурядной хрущевки сидят два типа и, как боги, загодя решают их судьбы с точностью до дня и часа, — кинулись бы прочь, пока не поздно, куда-нибудь в Гималаи.

Мысль — вольная птица, залетает то в гнездо, то в космос. Вот опять накатила откуда-то бредовая, но благороднейшая по сути мысль: как бы дать им об этом знать, барсам в горах? Но если бы даже и осенило его на этот счет, такого абсурда и в мыслях допускать нельзя было. А бизнес куда девать в таком случае? Уберегая, пусть даже всего лишь в своих фантазиях, каких-то диких зверей, гробить бизнес? Да если бы такое и впрямь приключилось, разве устоял бы мир на ногах? Все покатило бы в тартарары, самоуничтожением полным завершился бы род людской. И потому нет и нет — только бизнес в приоритете, все остальное потом и “после потом”. Попробуй, ляпни что-нибудь в этом духе — лучше повеситься!.. Так не столько подумалось, сколько возникло в подсознании Арсена Саманчина, возможно, в наказание ему, пока он, слушая становящуюся все более наставительной по тону речь Бектура-аги, аккуратно записывал в блокнот по-английски указания главы бизнес-охотничьей фирмы “Мерген” для предстоящей работы с арабскими принцами.

А сам Бектур Саманчин, разумеется, и не подозревал, что творилось в сокровенном уголке души Арсена в тот час, какие мысли, о которых не проронил ни слова, невесть откуда накатывали на него.

Кому бы пришло в голову, что с человеком, вполне здраво обсуждавшим общие дела, могло в то же время происходить нечто далекое от реальности, чему, казалось, нет и не могло быть никаких объяснений? Если ветер дует за горой, то не всегда качаются ветки на другой стороне.

Очень уверенно, сосредоточенно и по-родственному весьма благорасположенно Бектур Саманчин продолжал развивать свои предложения. Он набрасывал на бумаге планы и схемы, отмечал наиболее вероятные места в горах и ущельях, где будут устраиваться засады на зверей. Чтобы загнать диких хищников в западню, требовалось окружить местность с нескольких сторон, лучше с трех-четырёх одновременно, и синхронно наступать, издавая устрашающие звуки, чтобы заставить животных бежать в нужном направлении. Конечно, может случиться и прокол. Но в любом случае нужно, чтобы как минимум пять-шесть загонщиков на резвых конях успевали преследовать зверей и загонять их в окружение в самый подходящий момент. Удача для приезжих охотников — ещё большая удача для хозяев: деньги, которые будут разделены между всеми по долям. Так что, понятное дело, все будут стараться, чтобы удача сопутствовала...

Бектур Саманчин назвал имена односельчан, которым доверил такую ответственную работу под своим личным контролем. По словам его, они уже готовились, эти верховые загонщики, тренировали коней, готовили оружие и барабаны...

Так сидели они, не спеша попивали чай и не только об охоте вели разговоры, обсуждали и всякие другие дела житейские — много всяких было забот в родных краях. К тому же во время их беседы приключилась забавная и почти невероятная история.

Дело в том, что в летний сезон во дворах и вокруг домов много носится голубей и ласточек, обитающих под карнизами и на чердаках многоэтажных домов. Никто на них не обращал внимания, голуби ещё куда ни шло, привлекали взоры жителей, а ласточки мало кого интересовали, жили себе как умели. Летали стаями и врозь, поднимали из гнезд уже окрепших птенцов, летать учили. И пусть бы себе, ведь ласточки самые благородные, самые изящные, самые

тактичные птицы, не то что нахрапистые воробьи... Так нет же. Именно с ними случилось нечто странное, а возможно, и более того...

Когда дядя и племянник Саманчины спокойно сидели за столом, занятые все теми же разговорами, в приоткрытое окно неожиданно влетели со двора две ласточки, видимо, пара птичья. Если бы залетели они в квартиру случайно, то тут же и упорхнули бы назад через то же окно. Но эти голосистые птички вовсе не собирались улетать, а, наоборот, стали кружить под потолком на распростертых быстрых крыльях, неумолчно, настойчиво щебеча и клича.

— Ой, плянь-ка, откуда тут ласточки такие? — удивился Бектур-ага и даже привстал с места. — И часто так залетают со двора?

— Да нет, первый раз. Никогда не залетали. Их тут полно, туда-сюда носятся мимо окон. У них где-то под крышами гнезда, — стал объяснять Арсен Саманчин.

— Может, испугались чего? Открой окно пошире, пусть вылетят.

Арсен широко распахнул окно, но ласточки продолжали, не смолкая, верещать и кружить над головами, поблескивая крохотными глазками. Явно чем-то были обеспокоены очень. Что-то побуждало их искать близости с людьми, будто они залетели в это жилище, чтобы то ли поведать о чем-то, то ли кого-то вразумить... Так почудилось Арсену, и стало даже смешно. А старший Саманчин схватил полотенце, висевшее на спинке стула, и принялся гнать птичек в окно. Ласточки увернулись и, вылетев, исчезли...

— Ну, позабавили, — покачал головой Бектур-ага. — И чего им здесь понадобилось? Ладно, пусть летят. Нужно еще поработать, времени осталось мало. Давай определим, когда ты прибудешь, когда встретимся с земляками-загонщиками? И потом, надо же нам с тобой контракт заключить!

— А контракт к чему между нами? Совсем не обязательно.

— Нет-нет, по теперешним временам так полагается. Бизнес на контрактах стоит.

Арсен Саманчин хотел было уклониться — к чему, мол, я верю тебе, байке, как отцу, — но не успел и слова вымолвить, как ласточки влетели снова и опять быстро закружили под потолком.

— Ха, — изумленно воскликнул Бектур-ага, — вернулись! Бул эмнеси — что это значит?

Да, они вернулись, как будто хотели что-то досказать или дослушать, или узнать нечто волнующее их, — так подумалось Арсену в ту минуту, и он готов был взирать на этих странно-озабоченных ласточек и слушать их еще и еще, но Бектур-ага попросил выгнать их и закрыть окно. Пришлось махать полотенцем и плотно прикрывать оконные рамы. Заодно включил Арсен и кондиционер на полную мощность. Не хотелось, чтобы Бектур-ага испытывал неудобство от жары.

Но не прошло и минуты, как ласточки снова объявились за окном, они зависли в воздухе почти вплотную к стеклам и продолжали верещать, точно бы упорно старались все же что-то донести до людей или предупредить о чем-то своим невероятным поведением, добивались, чтобы их выслушали.

Бектур-ага даже промолвил, пожав плечами:

— К чему бы это? К добру или к худу? Ну, не будем отвлекаться. Задерни занавески, может, тогда уймутся.

Пришлось плотно закрыть окно занавесками.

Родственники еще посидели, обсудили разные дела, важные и не очень, но Арсена не покидало удивление и сожаление о том, что пришлось отгородиться от этих загадочных ласточек. Никогда прежде не слышал он о таком поведении птиц...

Продолжал он думать об этом и тогда, когда Бектур Саманчин, очень довольный разговором, что располагало его к спокойному и рассудительному высказыванию своего близкородственного мнения, не преминул затронуть тему холостяцкой жизни племянника.

— Все у тебя хорошо, Арсен, — произнес он, глядя ему в глаза, — спасибо. Только вот чай у тебя холостяцкий, не обижайся. Дело, конечно, не в чае, но сколько ты будешь тянуть? Пора, пора, иные вон по пять-шесть раз умудряются жениться, да еще по телевидению этим похваляются, а ты однажды споткнулся и никак встать не можешь. Нет, так не годится, Арсен. Ты человек молодой еще, умный, очень умный, отец покойный тобой очень гордился бы, ну, не богатый ты, так скажем, но и не бедный. Вся родня ждет свадьбы. А я готов, у меня есть табун лошадей, в калым отдам сватам, если хочешь, в город пригоню. Не смейся. Хороших женщин полно и в городе, и в аилах. Выбирай. Время уходит... Да ты же сам все прекрасно понимаешь.

Арсен улыбался, согласно кивал и пытался перевести разговор на другие темы, когда вдруг Бектура Саманчина осенило:

— Слушай, Арсен, а может, эти ласточки не зря тут летали туда-сюда? Они тоже хотят видеть твою жену, а ее нет в квартире! — и расхохотался своей шутке. Но Арсен ответил вполне серьезно:

— Хорошо бы, если б так.

И потом, когда провожал Бектура во дворе, мысленно повторял: “Хорошо бы, если б так”. А Бектуру Саманчину думалось уже о другом, более практическом. Увидев рядом со своим мощным джипом, сияющим после мойки во всем своем великолепии, запыленную арсеновскую “Ниву”, он сказал:

— Слушай, Арсен, если все пройдет успешно, как задумано и как рассчитано, ведь ты мог бы купить себе такой же джип. Хватит кататься на “Ниве” — машина неплохая, в наследство от советских времен досталась, но в нынешние времена такому человеку, как ты, самое подходящее — это джип.

Арсен поблагодарил дядю Бектура:

— Спасибо, байке, спасибо, посмотрим, как получится, на джипе удобней в горах, но посмотрим. — А сам, снова повторив про себя: “Хорошо бы, если б так”, переключил разговор: — Слушай, Итибай, как отдохнул? Молодец, всегда держись так. Дороги в наших горах не каждому по плечу.

— Да, мы-то с Итибаем уже наездили по этим дорогам, как ты думаешь, сколько? Триста тысяч километров!

— Триста сорок уже! — поправил Итибай с гордостью.

Потом они обнялись, попрощались, Арсен помахал вслед джипу, а сам все думал: “Хорошо бы, если б так”.

И была еще одна грустная причина того, что никак не мог Арсен Саманчин успокоиться в душе, вспоминая этих загадочных ласточек. Он не собирался никому о них рассказывать, смешно было бы, только Айдана могла бы правильно воспринять эту историю и истолковать ее романтически, она наверняка посоветовала бы ему сделать из этого какой-нибудь сюжет, может быть, либретто или песню сочинить. Она любит такие неожиданные находки для интимных разговоров. Это еще больше сближает души влюбленных. Сколько было у них таких разговоров! А теперь и по телефону не услышишь ее голоса, укатила прочь на том “Лимузине” пошлом... Жаль, а то бы рассказал ей про

этих загадочных ласточек-вестниц. Интересно, что хотели они возвестить?

Конечно, через несколько дней все это забылось, готовиться в горах туюк-джарских к бизнес-охоте было непросто, забот хватало, но впоследствии, уже там, в селении родном, на пятый день по прибытии и сделал он ту горькую запись в дневнике своем под названием: “Незримые двери, или Формула обреченности”.

Неужто невинные ласточки пытались предупредить именно об этом? Но откуда им было знать? Смешно. Глупо. Высосано из пальца. Так казалось. Пока так оно и было. Пока... Но то, что такая запись появилась под пером Арсена Саманчина, было знамением грядущего. Пока же горизонты были чисты, никаких треволнений, потому как все шло своим чередом в соответствии с бизнес-планом.

А он, не ведая еще ни о чем, что уготовила ему судьба, грустил и как-то инфантильно переживал, что не может увидеть Айдану и рассказать ей про забавных ласточек. Как же, так и прискакала бы она — ой, а где, мол, эти чудесные птички-ласточки?! Да и в уме ли он, жалкий изгой?

Тем временем другой изгой, зверь Жаабарс, будто замороженный, маялся под Узенгилеш-Стремянным перевалом. Чего он ждал? Что ждало его?

VI

Два дня спустя Арсен Саманчин был уже в пути за рулем своей “Нивы”. Оставались считанные дни до прибытия арабских принцев — двоюродных братьев Хасана и Мисира. Разумеется, полные монаршие имена их были куда как сложнее и длиннее, предстояло выучить их наизусть. Но пока достаточно было и так — принц Хасан и принц Мисир... Ради обслуживания их охотничьих пристрастий и направлялся Арсен Саманчин в родные края, в отроги Тянь-Шанских хребтов, в далекие туяк-джарские горы.

Путь предстоял долгий — часов на пять. И хотя дорога была хорошо знакома, ездил он по ней много раз, особенно с тех пор, как освоил вождение, каждый раз поездка превращалась в испытание — дорога была заасфальтирована лишь до половины, далее шла грунтовка по склонам и обрывистым краям нагорий. “Нива” была еще на ходу, но уже являла собой раритет на фоне современных иномарок, заполонивших в последние годы город и окраины.

Сейчас он ехал как раз по восточной окраине. Минуя пригородные закоулки и недостроенные дома, дорога выводила мимо окрестных садов и поселков в поля прежних колхозов и совхозов. А дальше открывалась степь, уходящая к холмистым предгорьям, за которыми проглядывали контуры великих снежных хребтов Тянь-Шанского массива, где и обитали испокон веков в урочищах и ущельях достойные братья тигров и леопардов хищные снежные барсы, вдруг оказавшиеся столь привлекательными объектами для международной охоты.

Вот туда, в сторону поднебесного высокогорья, и держал путь Арсен Саманчин, катил на “Ниве” своей в родные края, где бывал теперь лишь наездами по разным житейским поводам — то на похоронах, то на свадьбах, то на новосельях близких родственников. Сестра родная, у которой он собирался остановиться, — муж у нее местный кузнец, на кузнечном деле теперь много не зарабатывает — давно намекала, что требуется им примостить к дому пристройку, сын Осмон собирается жениться. Если все получится, как задумано, и

охота окажется удачной, то денег дать на пристройку надо, конечно, а как же, обязательно надо.

В этот раз Арсен Саманчин отправлялся на малую родину по особому, получалось, случаю, прежде такого повода не бывало. То, что он откликнулся на призыв сородича — всем известного в здешних местах охотничьего бизнесмена Бектура Саманчина — было воспринято земляками Арсена как само собой разумеющееся: дядюшка дядюшкой, но кто же не хочет поиметь свою долю из кучи свалившихся с неба долларов? Какой дурак откажется? Такой куш обещает привалить от арабских охотников, вернее, от снежных барсов, потому как — тоже небывалое дело — и звери попали теперь в рыночный оборот: не существуй здесь барсов, зачем было бы этим принцам деньги такие выкладывать?

А когда такие деньги на кону, мало кто знает желает, что у кого происходит в душе. У каждого свои заботы, а в чужом огороде, как говорится, хоть трава не расти. И потому никому не было дела до истинных причин, побудивших Арсена Саманчина согласиться пойти в переводчики.

Сидя за рулем, следя за скоростью и за встречными автомобилями — особенно на крутых поворотах, когда огромные, до отказа нагруженные фуры, китайскими их называют, кренились так, что каждый раз, миновав их, он с облегчением вздыхал, — Арсен и в этой дорожной напряженности размышлял все о том же: как жить дальше, как быть? И если бы только это! Набегала попутно все та же настойчивая, неотвязно терзающая мысль, от которой всякий раз становилось не по себе. Вот и ерзал Арсен Саманчин за рулем, донимал его изнутри “синдром финального ответа” — так обозначил он для себя тлеющую в нем, никак не угасающую страсть отщепенца. Сам удивлялся, что оказался столь примитивным, что не может одолеть себя, что не хватает культуры, чтобы найти духовную альтернативу этому своему состоянию. “Альтруистом ведь когда-то назывался, — вспомнилось ему, — а каким оказался ничтожеством. Первобытный инстинкт гложет, и рыночная идеология не для меня, выкидывает прочь... Мало кто понимает, что, избавившись от социалистического произвола, мы влипли в рыночный. А рынок, если кто с ним не в ладу, — убивает. Но раз тебя убивают — и ты убивай. Таков его "финальный ответ"”. На словах упрекал, корил, высмеивал

себя, но в глубине души не склонялся ни к какому раскаянию или прощению. Считал, что имеет полное моральное право на “финальный ответ”.

Так углублялся он в пространство предгорное на “Ниве” своей, все дальше и дальше от урбанистического скопища себе подобных существ, позабытых, кажется, Богом, если он есть, или позабывших Бога, если он у них был, унося с собой сведавшие душу тревогу и смуту, печаль и тоску. Да будет он трижды проклят, этот город, разлучивший его с Айданой, заманивший ее в тюрьму масс-культуры. Надо же, выходит, массовая культура может оказаться тюрьмой с решетками, причем виртуальная эта тюрьма ничем не уступает реальной: там охрана на вышках, видеокамеры, а тут бизнес-охрана круглые сутки рядом — за дверьми, за кулисами, в салонах лимузинов... А за Вечной невестой, брошенной до скончания времен скитаться в горах, и они не уследили бы. Никому дела нет до нее в городах... И нет ей доступа на сцену, в души, в сознание людское...

Самого Арсена Саманчина город, однако, вовсе не отпускал, настигал и осаждал в пути звонками по мобильному телефону, на которые приходилось отвечать либо на ходу, не выпуская из рук руля, либо приостанавливаясь на обочинах, чтобы в аварию не попасть. Звонки в основном были из различных редакций, которые ожидали обещанные статьи и тексты интервью. Их приходилось переносить на более поздние сроки, а иным слишком уж настойчивым редакторам и телеведущим, планирующим очередные передачи, объяснять, что он якобы в отпуске, то есть сам себе устроил отпуск, на что имеет полное право, и предстоящие три недели будет в разъездах, уже и сейчас выехал за пределы города. В общем, эти дежурные проблемы удалось пока отсрочить, согласовать, но в двух случаях вопросы оказались неотложными, дискуссионными, звонящие требовали объяснений и обсуждений по телефону, поскольку в печати и в телекомментариях был необходим его немедленный ответ на критику его же высказываний по актуальным общественным вопросам. Ситуация не была для него нова, ему нередко приходилось вступать в споры и доказывать свою точку зрения по разным вопросам, но одно дело — разбираться на месте, в редакциях, и совсем другое — дискуссия на расстоянии, по телефону. Деваться, однако, было некуда. Вот и теперь он вынужден был остановиться и вступить в разговор. Хорошо, что

телефонным собеседником оказался свой человек, главный редактор газеты “Новый путь” Кумаш Байсалов. Их давно связывали журналистские дела.

— Слушай, Кумаш, — раздраженно сказал Арсен Саманчин, — ну что там такое срочное приключилось? Я в дороге, я же тебе говорил. Вот вернусь, тогда и обсудим...

— Я понимаю, Арсен, но мне хотелось бы, чтобы ты знал — по поводу твоего выступления на конференции, на медиа-форуме, помнишь?..

— Помню, конечно.

— ...Так вот, группа религиозных деятелей наших, местных — и мусульмане, и христиане, и даже баптисты либеральные — написала открытое письмо. Говорил я тебе, ты всегда слишком уж закручиваешь гайки.

— Ну и что же так взволновало этих богословов? Чего это они так побратались? В другое время руки друг другу не подают...

— А то, что ты во всеуслышание, публично покусился на существование Бога, самого Всевышнего поставил, как сказано в письме, в зависимость от своего “Слова”.

— То есть как это? Что это значит? Какой же он Всевышний, если он зависит от моего слова? Чепуху солят в бочке.

— Не прикидывайся, Арсен. Ты знал, на что идешь. А теперь они требуют, чтобы ты покайся и публично признал свою позицию не просто заблуждением, а умышленным искажением истины.

— Стой-стой, какую позицию?

— А ты помнишь свое выступление на медиа-форуме в Алматы?

— Ну, если подумать... Ведь когда это было, еще в мае.

— Верно, с двадцать пятого по двадцать седьмое.

— Так, и что дальше?

— А вот послушай, я тебе сейчас прочитаю суть их претензий.

— Ну, давай.

— А телефон у тебя не сядет?

— Не беспокойся, у меня подзарядка с собой.

— Тогда читаю: “Таким образом, достигнув в результате совместного обсуждения единого мнения, мы, представители региональных центров мировых вероучений, высказываем наше осуждение и возмущение тем богохульством, которое допустил

известный журналист Арсен Саманчин на конференции "Медиа-форум Евразии", сославшись и процитировав варварский, якобы философский текст «Слова» кочевого номадского периода истории, что по сути более опасно, чем даже атеизм". Ты слышишь?

— Да, слышу, слышу.

— Ну вот, а дальше — твой текст. Кстати, ты помнишь, что все выступления на конференции транслировались по телевидению? Я тебе сейчас прочту, потерпи, вот что было сказано тобой, и это приводится в их письме. "Возможно, у меня при этом проявится свой подход, свое понимание поистине глобального значения современных СМИ. Поэтому я позволю себе напомнить не только злободневную повседневную значимость и ответственность формирующихся информационных пространств эпохи, но и прибегнуть к древним метафорам в постижении исконного понимания универсальности слова как такового, понимания, унаследованного от кочевых философов давно минувших времен. В частности, приведу емкое изречение из казахско-киргизской поэзии еще номадской эпохи, высказанное задолго до догматов господствующих мировых религий. В переводе это звучит так: "Слово выпасает Бога на небесах, Слово доит молоко Вселенной и кормит нас тем молоком из рода в род, из века в век. И потому вне Слова, за пределами Слова нет ни Бога, ни Вселенной, и нет в мире силы, превосходящей силу Слова, и нет в мире пламени, превосходящего жаром пламя и мощь Слова". Эта универсальная максима была выработана тогдашними кочевыми философами, тогдашними акынами-импровизаторами, обозревавшими мир из седла".

— Ну и что здесь не устраивает наших мулл и попов?

— А вот что: как, мол, можно выносить такое вызывающее, как они единодушно считают, богоотрицание на публику, вещать о нем по телевидению?! Ты понял?

— Да. Честно говоря, я не ожидал такой реакции с их стороны. Думал, они мыслят шире. Однако это ничуть не поколебало моей убежденности по сути.

— Хорошо, а нам как поступить прикажешь?

— Как сочтете нужным.

— Ясное дело. Так вот учти, Арсен, — почему я тебе и звоню, несмотря на то, что ты в пути, — мы немедленно поддержим наше

духовенство и это письмо дадим на первой полосе. Пойми, мы с тобой еще с перестройки рука об руку, но если мы сейчас этого не сделаем, наша газета окажется без финансовой иглы. Нам уже не то что намекнули, а дали понять это почти в открытую. А кто наш “накольщик”, ты сам знаешь.

— Как не знать. Он “накольщик” не только у вас, скоро вся культура будет сидеть на его финигле. И все будет в его руках — и нажива, и повеление.

— Значит, ты не будешь в обиде на нас?

— Нисколько. Действуй. А я буду отстаивать свою позицию. Для истины найдутся свои поля.

— Ну, о'кей! Только ты пойми, Арсен, я не от хорошей жизни... У тебя ведь и до этого была статья, которая очень не понравилась “накольщикам”.

— Какая статья?

— В российской печати.

— А-а, да.

— Одно название чего стоило — “Патологическое стремление к богатству и власти”! Та еще статейка! От каменного века до наших дней...

— Да, было дело, — скупно отозвался Арсен Саманчин, подумав, что и та статья сыграла свою роль, спровоцировала недовольство, вот и мобилизовали для отповеди богословов, а те и расстарались. И за всем этим стоит все тот же Эрташ Курчал. В этом Арсен не сомневался. — Ладно, Кумаш, — добавил он, прижимая мобильник подбородком, — буду иметь в виду. А сейчас мне надо двигаться. Пока, Кумаш!

— О'кей! Арсен, не мне тебя учить, но смотри, что вокруг тебя закручивается. Письмо мы дадим, другого выхода нет. Богословы от нас не отстанут.

— Да какие они богословы! Лицедеи!

— Ну, это я так, в шутку. В общем, ты же горец, сам должен знать, где подъем, где уклон, а где пропасть. Счастливого пути...

— Спасибо. Я поехал, — ответил Арсен Саманчин, пытаясь сообразить, что означало это напутствие — предостережение в дорогу или нечто более жизненно важное?

Потом последовали еще два звонка из редакций, но беспроблемные...

Задержавшись лишь на заправке, Арсен Саманчин уже приближался к серпантину грунтовой дороги в горах. Петлять по подъемам и спускам по-своему романтично, и виды открываются вокруг красивые, но требуется повышенное внимание за рулем и для автомашины нагрузка. Сосредоточившись на вождении, Арсен Саманчин размышлял не без огорчения о том, как односторонне, предвзято комментируется в прессе его выступление на медиа-форуме: спорных выступлений на разного рода конференциях бывало у него много, но такая организованная травля идет, пожалуй, впервые. И это происходит почти демонстративно — он, Арсен Саманчин, уезжает, откладывая на потом то страшное, что вынашивал в душе и о чем никто на свете знать не знает, а тот, кто давит все и вся вокруг своим немереным богатством, кто спекулирует на чужих трагедиях, преследует его, настигает и наносит, как ему думается, идейный нокаут. А раз так, то и ему нечего воздерживаться, завершив охоту с арабскими принцами, надо выходить на финишную прямую...

Трудно было отделаться от этих фатальных раздумий. Он ехал уже четвертый час, уже представляли перед взором все более знакомые, с детства родные места, оставалось около часа езды до родного Туюк-Джара, самого большого аила и некогда самого крупного колхозного хозяйства во всей округе, а все те же мысли роились в голове у Арсена. И странным образом, как бы он ни удалялся в пространстве, почти детское, сентиментальное желание, которое вроде бы не должно быть свойственно взрослому и отнюдь не слабовольному человеку, неотступно преследовало его: желание свидеться тотчас — если бы это было возможно! — здесь и сейчас, свидеться и поговорить с Айданой. Как прекрасно было бы ехать вместе в родное селение, сидя за рулем, рассказывать ей, куда и почему он направляется... Перед выездом он пытался до нее дозвониться, хотя и знал, что это исключено, но так и не услышал ее “Алло!”, так и не смог сказать ей перед отъездом хотя бы несколько слов — не допустила этого нынешняя ее суперсудьба, а точнее, судьба, подвластная супершоумену... В сумбуре этих раздумий только и оставалось, что возмечтать, будто Айдана здесь и он разговаривает с ней.

И тогда она оказывалась сидящей рядом, прикасаясь плечом. Она была очень внимательна и, конечно, красива, она и должна была быть красивой, ведь для любой женщины быть красивой — первоначное условие бытия, так заведено в роду человеческих существ. И, что уж скромничать, Айа действительно была красива от природы — и ростом, и фигурой, и ликом, и глазами, всегда оживленно поблескивающими из-под черных ресниц, и волосами, подстриженными до плеч, то зачесанными назад, то обрамляющими чистое лицо, будто кулисы — сцену. А голос! Тут уже надо обращаться к Богу и благодарить Его за красоту и силу, данные голосу ее. Не так ли, Айа? Ах, извини, не стоило об этом упоминать. Понимаю, понимаю, удручаюсь, унижаюсь, казнюсь. Ведь ты пошла по рукам ловкачей-шоуменов, почти как диск, который можно включить и выключить в любое время. А меня, обалдуя, пустила по ветру. Но об этом потом...

— Стой! Куда ты? — встрепенулся Арс. Но ее уже не было рядом...

В аиле ждут — столько родственников! — сестра родная, зять-кузнец, племянники, шурины, двоюродные, троюродные и прочие родичи и, главное — сам Бектур-ага, считающий часы и минуты до его прибытия, ведь времени уже в обрез, арабские принцы прилетают через пять дней — семнадцатого июля в семнадцать ноль-ноль, в Аулиеатинский аэропорт, на своем личном самолете. Все вопросы с аэропортовскими службами согласованы по интернету — получилось досье целое по прилету и с пока открытой датой вылета. Все это время самолет с экипажем будет находиться в аэропорту, или, как предпочитает говорить сам Бектур Саманчин, “на аирпорту” (для них, арабов, личный самолет все равно что для тебя — твоя “Нива”), короче говоря, все проработано согласно бизнес-плану. А он едет себе на своей “Ниве” то ли вправду, то ли в воображении... Вдруг она снова оказалась рядом...

— Ты куда едешь, Арс? — спросила она его.

— Ой, извини, Айа, — проговорил Арс, выкручивая руль вильнувшей от неожиданности машины. — Я тебе звонил и не смог дозвониться. А ты сегодня в том же платье, в каком была — помнишь? — в хайдельбергском парке, тебе оно очень идет.

— Так я его берегу, для тебя нарядилась, Арс.

И тут он переменял тон:

— Куда едем, туда едем, но давай поговорим всерьез. Надо что-то делать, Айа.

— Давай поговорим, если хочешь.

— Пусть не будет для тебя дурным сюрпризом, имей в виду: дело может кончиться плохо. Твоей жизни это не коснется, но...

— А что, что такое? Это коснется твоей жизни?

— Не только моей.

— В чем дело, Арс?

— Видишь ли, ты умная, сильная, красивая женщина. Тебе дан божественный голос, чтобы пела ты под божественную музыку. Но оправдываешь ли ты ожидания Бога? У тебя ведь теперь иной бог, бизнес-бог, имя его Эрташ Курчал, Курчал-Мычал — будь он проклят! Он не просто богач жирующий, пусть бы себе, Эрташ Курчал — дьявол в мантии шоумена. Он ненавидит все, что не под его рукой. Раскусил сразу, учуял нюхом...

— Следи за рулем, Арс!

— Не беспокойся, Айа, все будет в порядке.

— Ну да, ты же похвалялся когда-то, что за рулем ты — ас.

— Может быть, и так. Но ты послушай, я доскажу. И вот учуял он, хищник, нюхом своим, кого я имел в виду уже в заголовке статьи “Патологическое стремление к богатству и власти”, а статья опубликована в московской газете.

— Я пока не читала, Арс. Но говорят, никто там персонально не упомянут.

— Я и не собирался кого-либо упоминать. Нет такой необходимости. Понимаешь, речь идет об общей неотвратимой тенденции — стремлении к богатству и власти. Причем, неважно — напрямую владеть властью или иметь возможность купить ее, и то и другое сойдет. Я пытался сказать, что для власти нужно богатство, как для дыхания — воздух, а богатство требует власти, опять же как дыхание — воздуха. Так устроено в жизни. Власть и богатство друг без друга не могут обходиться, а опасность хронической тяги через богатство к властолюбию и наоборот в том как раз и состоит, что цель здесь достигается любым способом и во что бы то ни стало. И тут уж что кому на роду написано: кто-то усладу найдет, кто-то с проклятием

в могилу уйдет. А этот тип живо учуял, что в статье изобличается его супостатская сущность...

— Ой, Арс, ну тебе бы только лекции читать. Ты лучше следи за дорогой да руль покрепче держи!

— Не беспокойся. Думается мне, очень скоро ты убедишься, что богатство и власть это сиамские близнецы, сросшиеся еще в утробе.

— Ты что, опять за социализм? Не побывали разве мы там?

— Не об этом речь.

— А о чем?

— О том, что мы с тобой оказались жертвами, принесенными рыночным богам. Что ты об этом думаешь?

— Ты сам знаешь! Не заставляй меня, Арсен...

— Что замолчала? Переживаешь?

— Слушай, останови машину! Или я выскочу на ходу. Хватит! Ты думаешь, я просто так решилась? Да прекрасно ты все понимаешь лучше меня. Вопрос стоит так: или я в стремях звезды скачу по просторам поп-шоу-бизнеса, или плачусь по романтизму и хожу с протянутой рукой! Не рви мне душу, ты же знаешь — родители-старички даже пенсии не получают, и дочурка моя у них. Чужим поручать ее не хочу, а самой времени не хватает, я теперь нарасхват. Я знаю, ты думаешь обо мне, сочувствуешь, я знаю, ты все страдаешь по Вечной невесте. Но если ты можешь себе позволить быть идеалистом одиноким, то мне-то что делать? Нет, нет у нас с тобой, нет...

— Чего нет? О чем ты?

— О том, что мы больше не свидимся.

— Почему?

— Слушай, пусть я покажусь тебе циничной, но напоследок скажу. Слова — одно, а на деле — другое. Ты вот в одиночку горюешь, что мир не так устроен, таких, как ты, плакальщиков немало. А у него — бизнес-гарем, в котором немало таких, как я. И за деньги все с радостью бегут к нему и ждут, когда еще потребуются. Да, не по душе тебе владелец эстрад и лимузинов, ты его на дух не переносишь, и что с того? Он был никем, а стал всем! Благодаря своему бизнесу. Сила на его стороне. Вот и все!

— Да, Айдана, все! Ты права. Тут ничего не добавишь. Все так. Но капитуляции моей он не дождетя. И ты скоро кое-что увидишь, ради этого и путь держу. Что с тобой? Не переживай. Не ты виновата,

а рыночная эпоха, тебя оприходовавшая. У нее бог — деньга. И этот бог вездесущ. Не переживай. Подожди, куда ты? Подожди! Где ты? Где ты?

Но она исчезла. Он даже притормозил и оглянулся в недоумении, будто бы Айдана Самарова на самом деле только что была рядом, сидела бок о бок с ним и точно бы на самом деле могла на ходу выскочить из машины и исчезнуть в одно мгновение. И лишь опомнившись, крепко шлепнув себя ладонью по лбу, Арсен поехал дальше, усмехаясь и покачивая головой, упрекая себя, как всегда, в фантазерстве, веря и не веря тому, что происходило в его буйном воображении. Однако оправданием того раздвоения, которое произошло у него в сознании и позволило как наяву вести этот диалог, были неизбывная, пьянящая любовь и удушающая горькая тоска. А единственное утешение состояло в том, что, как бы нелепо и смешно ни выглядело то, что происходило в его фантазмагорическом клиповом сознании, ни единая душа на свете не знала о том, что задумано им в реальности. Никто... А вот когда узнают... Но это уже неважно, как говорится, это другой вопрос. На том свете даже враги, говорят, пожимают руки друг другу и обнимаются...

Тем временем Арсен Саманчин уже приближался к родному селению в горах, ехал по круто поднимающейся вверх окраине Туяук-Джара, радуясь, волнуясь, вглядываясь на ходу в знакомые дома под шиферными крышами, в дворы и заборы айльные, забыв о тех кульбитах, которые выдělывало только что его воображение, ведь почти полгода не приезжал он сюда и вот теперь приближался, живой и здоровый, к своему айлу, какому ни есть бедняцкому, но родному, а перед этим не преминул в соседнем айле, что у развязки дорог, заправиться горючим, что тоже было очень важно в здешних местах — приехать с полным баком.

Конечно, его ждали. Когда он въехал во двор, сестра Кадича и джезде^[1] Ормон выскочили из дома и долго обнимали его (от кузнеца пахло каленым железом), а сестра даже прослезилась и стала расспрашивать, как поживает семья Ардака, позабыв на время о возмущавшей ее торговле собаками. Очень радушная была встреча. Родственники уже знали, что он прибыл как переводчик арабских принцев. Сам Бектур-ага появился минут через пять, тоже, стало быть, ждал с нетерпением, оно и понятно — без Арсена Бектур Саманчин

был бы как без рук. Бектур-ага сидел верхом на коне, в накидке, сапогах и белой остроконечной шапке, готовый для верховой езды. И первое, что он сказал гортанным голосом:

— Ждал, Арсен, тебя, очень волновался, хорошо, что прибыл вовремя. Дела идут по плану, все готовы. Я привез тебе факсы от долгоожидаемых наших гостей-охотников. Прочтешь, переведешь, но это завтра. А сегодня спокойно отдыхай, приходи в себя. Работы будет невпроворот...

Поговорили еще немного, чаю попили, сестра-то все наготове держала, а тем временем заглядывали соседи, чтобы повидаться. Ребята забегали с улицы, вертелись возле “Нивы”. Вышел и сюрприз — неожиданно удалось пообщаться с одноклассником Таштанафганом. Его настоящее имя было Таштанбек, но после афганской войны, на которой ему пришлось отмотать почти три года — хорошо еще отделался легкими ранениями и с орденом на груди вернулся, — в аиле стали его называть Таштанафган, а в семье и того короче — Ташафган. В переводе на русский это прозвище означало “твердокаменный афганец”: “таш” — камень, “таштан” — сделанное, созданное из камня. Например, “таштан эстелик” — каменный памятник. Так же образованы и самые популярные у горных киргизов имена: Темирбек — Железный бек, Темирхан — Железный хан, Темиркул — Железный раб... Вот и получилось — кто мог предположить! — что имя, данное ему родителями в соответствии со знаками небесной символики, дабы вырос он мощным и крепким (кстати, такой он и был, в юные годы даже выходил на поясные борения с аильными силачами), односельчане переименовали на “Таштанафган” в знак уважения к воину, чья молодость оказалась крепко кована и перекована на наковальне военных событий в диких горах Афганистана. С Арсеном Саманчиным они были одноклассниками, соплеменниками и друзьями с детских лет. Потом их пути разминулись. Арсен все студенческие годы провел в Москве и Ленинграде, стал горожанином. Таштанафган заканчивал агрономическое отделение областного сельскохозяйственного техникума, когда его призвали в армию и направили в составе пехотного подразделения в Афганистан. Вернувшись, слава Богу, на родину после горбачевского вывода войск, он остался в своем колхозе, а тем временем с перестройкой нагрянули демократические реформы,

в сельских районах пошла приватизация земель. Таштанафган держался, как и все здесь, на малом сельхозбизнесе, а точнее, как и все, кое-как перебивался, едва выживал, всюду так было, тем более, в столь удаленных горах.

Все это припомнилось Арсену Саманчину, когда по приезде брата сестра стала рассказывать, как ждут его односельчане:

— Все близкие тебя ждут, Таштанафган уже три раза приходил, тебя спрашивал.

Арсен едва успевал поздороваться и поговорить со всеми. Кроме соседей, кроме шефа Бектура — оказывается, айльчане стали именовать его не традиционным “байке”, а чисто современным “шеф” — пришел повидаться и Таштанафган. Тоже крепко обнялись, поздоровались. Оба были рады друг другу. Вспомнили, что не виделись почти два года. По этому поводу Таштанафган высказался так:

— Это у вас там, в городе, у каждого свой телефон, разговариваю с кем хочу, когда хочу. А у нас нет телефонов и вряд ли будут когда. Сам знаешь, Арсен, хорошо еще электричество есть в аиле, при Советах еще провели. А мобильный телефон — только у самого шефа и двух его помощников — у Борбия и Жанарбека, ты их помнишь, вместе в школу ходили.

— Да, знаю, конечно, — улыбнулся Арсен и попытался к слову обнадежить старого друга: — А насчет мобильных думаю вот что: проведем охоту на барсов с арабскими ханзадами — ты наверняка что-то заработаешь. Шеф Бектур-ага, когда в город приезжал, сказал, что ты у него главный среди загонщиков барсов. А это не шутки — лазать по скалам, прыгать через пропасти, да еще орать во всю плотку. Бектур-ага тебя очень ценит, к тому же афганский опыт у тебя. Надеюсь, оплата будет неплохая. Купишь мобильник и еще кое-что. Главное, чтобы барсы попались в западню.

Таштанафган неопределенно пожал плечами:

— Посмотрим, как получится. Поговорим еще. Ты не смейся, Арсен, но снежные барсы очень редкие звери у нас в горах, сколько сказок рассказывали нам о них в детстве, а мобильников в городах — как картошки в мешках. Кому что.

— Так-то оно так, — согласился Арсен Саманчин, — но поезд идет своим ходом. Теперь это не сказка, как видишь, сам будешь выгонять барсов на арабских охотников. Теперь это большой бизнес.

— Да, конечно, бизнес большой. Ничего не скажешь.

— Шеф Бектур-ага сказал, что вас, загонщиков, пять человек, ты вроде как бригадир, все на своих конях, и за коня — отдельная плата.

— Это верно, — подтвердил Таштанафган. — Нас пятеро. И кони у нас крепкие. Только скакать-то придется по нехоженным горам и снегам, надо бы и за стремя платить — бизнес так бизнес. Ну, до завтра. О'кей?

— О'кей!

Но дойдя до выхода со двора, Таштанафган приостановился задумчиво, вроде бы что-то недосказал. Так оно и оказалось. Он вернулся:

— Постой, Арсен, задержу еще на минуту.

— Да, что-то хочешь сказать? Слушаю.

— Отойдем-ка в сторону. Понимаешь, ты для нас человек свой, мы ведь все здешние, туюкцы. Арабам что — поохотятся в наших горах и смотаются, а нам как быть — мы сами должны думать. Вот наша пятерка загонщиков и хотела бы с тобой посидеть-потолковать по душам. Когда еще такой случай выпадет? Кстати, мы и тебе коня приготовили по заданию шефа, тебе ведь тоже придется скакать с арабскими принцами этими. Конь у тебя что надо, отличный, вот увидишь, седло и сбрую — все подобрали. А как же, шеф сказал — значит, все! Вот и коня тебе покажем, сядешь, проедешься, а заодно чайку попьем, поговорим...

— Хорошо, Ташафган, давай посидим, поговорим. Вот только когда? Время надо выбрать, бизнес-план у нас плотный. С шефом согласовать требуется.

— Вот-вот, живем теперь только по бизнес-плану. Завтра у тебя как? Арабы прибывают семнадцатого, сегодня уже двенадцатое, конец дня. Завтра надо нам повидаться, не то уже не успеем. На разведку в горы подадимся. Дел будет невпроворот. Эх, всего два араба прибывают, а мы всем народом, всем аилом готовимся... Ладно, пятерка наша ждет, очень хотят пастухи-джигиты повидаться с тобой.

— Хорошо, я согласую с шефом.

— Поговори, но того, скажи, что просто с одноклассником встречаешься. И учти, есть и пить даже слегка не получится — это в другой раз. Так пятерка наша решила, сейчас есть дело поважнее.

— Не беспокойся, Ташафган, я тоже не очень насчет выпивки (хотел было похвалиться, как недавно в ресторане “Евразия” хватанул целый стакан водки, но, припомнив, кто стоит за всем этим, запнулся от гнева). Конечно, нам следует посидеть, потолковать, мы ведь не просто замандаши^[2] — в одной школе учились.

— Это верно, Арсен, а один из пятерки нашей — бывший учитель, ты его знаешь, тоже вместе учились — Саксан. Помнишь, мы еще дразнили его Саксагаем, лохматым. Он потом, после педучилища, физкультуру преподавал.

— Да, помню, конечно.

— Так вот, Саксан-Саксагай теперь в табунщики подался, на учительские копейки не проживешь.

Арсен промолчал, сказать было нечего. А Ташафган разговорился:

— Саксан очень хороший человек, но помотала его судьба. В челночниках года два промыкался. Страдает, конечно. Давай присядем на скамейку, два слова о Саксане. Потерпи, послушай.

— Я готов. Давай присядем.

— У Саксана есть байка — не байка, трудно сказать... Но говорит он об этом так, как будто на суде под присягой выступает.

— И что же это за байка?

Немного помолчав, Ташафган ответил:

— Видишь ли, челноков жизнь куда только не забрасывает, ну и понаслушался, должно быть, Саксан всякой молвы и рассуждает теперь на свой лад. С чего-то он очень придирчив к арабским странам, к нефтедобывающим, ненавидит все эти эмираты, как в раю живущие. По нему получается, паразитируют они на нефтедобыче и от этих бешеных цен на нефть чумеют. Как он говорит, кровь земную сосут и богатеют задарма.

— Ну, так это ситуация всем известная, общемировая, — заметил Арсен Саманчин. — Нефтедоллары торжествуют.

— Так-то оно так. А вот то, что они, арабские богатеи, позволяют себе, таким, как мы, даже во сне не привидится. Знаешь, они, оказывается, устраивают автогонки на самых дорогих джипах — и где ты думаешь? В песках Сахары.

— Сахары?! — подивился Арсен. — Да, черт возьми, такого не слыхал! Ну да, ведь есть же любители экстремальных гонок по горам,

а по пескам, наверное, еще круче.

— Если бы только это! Вот представь себе, Арсен, нам об этом Саксагай рассказывал со слов очевидцев, и по телевидению показывали — мы обалдели! Аж глаза на лоб лезли. Эти гонщики на джипах, да на каких — у нас пока таких и в помине нет, даже у шефа нашего, ему-то тоже джип оттуда, сказывают, пригнали, то ли из эмиратов, то ли из кувейтов... — ну, так вот, гонщики эти не просто катаются. Они на своих супер-джипах носятся сломя голову наперегонки по барханам — они называются у них, как у нас, чоку, — то в крутые низины прыгают, то снова вылетают наверх — все равно как на доске по океанским волнам. Как называется эта доска балдежная?

— Кажется, серфинговая, это с английского. Не важно. И что?

— Так вот, джип, который прибывает к финишу последним, считается неудачником, которого надо “наказать”, что они и делают. И они, подумай только, тут же для забавы с хохотом обливают бензином и поджигают машину-неудачницу, а сами танцуют, веселятся, и проигравший гонщик веселится вместе с ними, шампанским обливаются и никакого дела им нет, что поступают они как последние сволочи. Им плевать, завтра же купят себе новенький джип как ни в чем не бывало, для них это — раз плюнуть, зато позабавились. И доказали себе, что они совсем не те бедуины, которые когда-то трусили по тамошним пескам на жалких верблюдах и Бога молили, чтобы не оступился верблюд, чтобы не сгинуть в песках. А все потому, Арсен, что счету нет их бьющим из нефтескважин миллионам и миллиардам. Почему такое происходит на свете? И никто не хочет за это отвечать — одни сжигают джипы для потехи, а другие, мы, например, не можем детям обувь купить, чтобы было им в чем в школу ходить.

— Я понимаю, — тихо ответил Арсен Саманчин.

Последняя фраза Ташафгана разбредила душу, ему стало не по себе. Такого разговора он не ожидал. Думал, просто поболтают о том о сем. И чтобы как-то смягчить распалившегося Ташафгана, сказал:

— Успокойся, дружок, не горячись. Я понимаю, но не стоит так... Когда-нибудь поплатятся они, у жизни много уроков припасено.

— Да я-то что! Я себя держу в руках. А вот видел бы ты, как Саксагай, когда говорит об этом, кулаками небо молотит. Так

ненавидит он эту несправедливость земную. С трудом унимаем его, ну и, что тут скрывать, сто граммов даем плотнуть.

— Да, конечно. Но давай не будем сгущать краски. — Арсен похлопал его по плечу. — Думаю, в этих странах люди в основном нормальные, какими бы богатыми они ни были, а эти офонаревшие от богатства поджигатели стабунились, наверно, случайно. Бог им судья. Но ведь, смотри, и нам кое-что перепадет от них: заладится охота на барсов — каждый из нас что-то получит.

— Да, если так будет, то потому, что шеф у нас такой деловой человек, устроил всем нам бизнес-артель. Посмотрим. Охотничье счастье, как ветер, — не уследишь.

Чтобы поддержать его мысль, Арсен Саманчин решил в шутку добавить:

— И еще кого надо нам поблагодарить и кому кланяться низко, так это нашим снежным барсам. Не будь их в горах — не было бы и охоты. Не было бы и контрактов бектур-агаевских!

— Это верно, — вполне серьезно отозвался Ташафган. — Барсов мы продаем, выходит, а что делать? С ними контракт не заключишь.

— Ну, ты даешь! — рассмеялся Арсен Саманчин. — Такого еще не слышал — контракт со снежными барсами. Здорово! Ну, спасибо тебе. Отдыхать будем. О'кей?

— О'кей! Задержал я тебя малость. День-то уже к вечеру клонится. Отдыхай, только не забудь, очень крепко прошу тебя, завтра увидимся. Мы тебе твоего коня приведем.

— Хорошо, Ташафган. В городе говорят в таких случаях: презентацию коня устроим.

— Во-во, презентацию... Шефу так и доложим: презентация, мол, будет. — И, уже расставаясь, спросил: — А сапоги у тебя есть для верховой езды? Нет — так подберем.

— Не беспокойся. Я же знал, зачем еду, захватил давнишние сапоги. Годами лежали без дела.

* * *

В завершение того дня, перед тем как Арсен расположился с дневной усталости на ночлег, на приготовленную родственниками

постель в углу комнаты, позвонил ему по мобильному сам шеф Бектур-ага. Он сообщил, что находится в предгорной ложине Дасторкан, где будет первая ночевка арабских принцев. Само собой понятно, устроить полевую стоянку не так просто, тем более для королевских особ. Договорились назавтра после обеда встретиться и уже начать текущую работу. Предстояло обсудить встречу гостей-охотников в Аулиетинском аэропорту через три дня. С момента их прибытия Арсен обязан был постоянно и круглосуточно находиться при них. Тоже непростая задача. Охота само собой, а как узнать, что они за люди, какие у них характеры, увлечения?

Впрочем, Арсен Саманчин готов был исполнять свои обязанности самым добросовестным образом, с тем и засыпал после телефонного разговора, мельком припомнив давешний разговор с Ташафганом. С чего он так раскипятился? Странно даже...

А в глубине гор в ту летнюю пору, в тот час, в ущелья между снегоносными вершинами и продольными хребтами спустилась уже полная тьма, и стало холодно почти как зимой. Все твари, обитавшие в тамошних местах, смиряли свои страсти до утра. Успокоение требовалось. И все было слажено в здешней природе к тому успокоению — яркие, крупные звезды засияли в небе, близко нависая над горами, облака перестали кучеваться, растянулись вдоль хребтов безо всякого намека на дождь, гремячие реки приутихли. А у подножия Узенгилеш-Стремянного перевала еще поддувал низовой ветер, и изгой Жаабарс прохаживался здесь для умиротворения души, переступая через завалы камней, выбирал удобное место на ночь. Так и не удалось бедолаге преодолеть перевал, лето уже перекинулось во вторую половину, а он все появлялся тут набегами, околачивался, исчезал и снова возвращался. Вот и в этот раз оставался на ночь. Не нравилось ему, что птицы в чащах в эту ночь не смолкали, перекликались между собой. Ночная сова, тункукук, ворчала, гулко ухала на них, а им хоть бы что... Но еще больше вызывали подспудную тревогу зверя далекие, голосистые звуки человеческие. Откуда они? Знал бы Жаабарс, что это объявилась в окрестностях скитающаяся по горам Вечная невеста, та самая. “Где ты? Где ты? Отзовись! Это я — Вечная невеста, это я зову тебя, я бегу к тебе, где ты, где ты?” И плакала Вечная невеста в этот раз, стонала, вопила:

“Ой, ой, что будет теперь? Что будет? Что будет? Ой, ой, что теперь будет? Что будет?” Чего она так испугалась? Будто что знала.

Не выдержал Жаабарс тоски и страха Вечной невесты, встал и ушел по тропе в другую сторону... Ему-то какое дело? Одному Богу ведомо...

VII

Оказывается, ведомо было не только Богу, но и еще кое-кому, пусть не напрямую, окольным путем. Были люди, которые, находясь на другом конце света, на другом континенте, замыслили нечто в местах обитания Вечной невесты, а именно — охоту на снежных барсов в туюк-джарских горах.

В тот утренний час Арсен Саманчин уже был на ногах. Побрился, умыл лицо, руки, шею под гремящим наливным рукомойником столетней давности. И в тот момент, когда он, весьма довольный, обтирался чистым полотенцем и собирался выйти во двор позагорать — погода была прекрасная, и давеча, глянув в окно, он изумился, как грандиозны в строгом своем великолепии горные хребты, будто бы нарисованные рукой художника, — так вот в этот момент раздался звонок в его мобильном телефоне. Он решил, что звонок от шефа Бектура, должно быть, в продолжение вечернего разговора, но в трубке совершенно неожиданно раздался голос, говоривший на чистейшем английском языке. Это изумило Арсена: здесь, в глубине гор, такого практически не могло быть.

Голос звучал живо, бодро и располагал к разговору:

— Доброе утро! Ведь у вас сейчас утро? Извините, вы мистер Арсен Саманчин?

— Да, да, он самый! С кем имею честь?

— Я в некотором роде ваш коллега — я пресс-секретарь службы международных связей принца Хасана, мое имя Роберт, или проще — Боб Лукас, я канадец. Будем знакомы. Поскольку вы владеете английским, и, как я вижу, превосходно, будьте нашим посредником в общении с местным населением, ведь мы готовимся к вылету в ваши края на охоту. Вы меня слышите?

— Отлично слышу. Да, конечно, я постараюсь быть посредником между вами. Откуда вы сейчас звоните, уважаемый Боб?

— Как откуда, Арсен дорогой! Отсюда, из эмиратов, вы же знаете — принцы придут с большой группой сопровождающих, вплоть до врачей и поваров. Вот и готовимся.

— Это хорошо. Мы тоже готовимся. Но то, что вы звоните к нам в горы по телефону, для нас сюрприз. А отсюда тоже сможете звонить? Как вам это удастся, извините, Боб?

— А очень просто, уважаемый Арсен! Спутниковая связь. Мы можем звонить в любую точку мира, из любого места. У их высочеств есть собственный спутник связи на космической орбите. В любое время куда угодно и откуда угодно. Вот я сейчас с вами говорю, вы в далеких азиатских горах отвечаете, а ваши снежные барсы и не подозревают, что спутниковая связь служит и им, диким зверям, чтобы свидеться нам в процессе охоты. Ну, это я так — шутка. Извините.

— Да ничего, уважаемый Боб, посмеяться не вредно. Только вот встреча с барсами по-всякому может обернуться.

— Разумеется! Главное на охоте — побольше добычи. А барсы, как и тигры, — штучный товар. Чем больше штук, тем больше прибыли. Сами-то их высочества не думают об этом, для них охота — спорт, а все мы и все вы, понятное дело, очень даже заинтересованы в удаче. Побольше барсовых шкур! И нам хорошо, и вашей охотничьей фирме “Мерген”. Престиж у нее сразу вырастет.

— Да, Боб, конечно.

А самому подумалось при этом: смотри-ка, информационные технологии теперь даже до диких зверей добрались, отслеживают их логова из космоса. Знали бы дикие звери в горах, что спутниковая связь им служит, только вот не во благо.

Очень словоохотливым оказался пресс-секретарь Роберт Лукас, симпатичный даже на расстоянии. Но и деловой разговор тоже имел место. Обсудили разные вопросы обслуживания и прибытия охотников со снаряжением. Самолет принцев соответствовал их высокому положению — “Боинг 737”, и экипаж первоклассный.

Некоторые сведения, почерпнутые из этого разговора, Арсен Саманчин записал в блокнот для передачи шефу Бектуру. Их встреча планировалась в тот же день по возвращении шефа со стоянки Дасторкан. Он обещал дать знать, как только приедет.

А пока можно было повидаться с ташафганской пятеркой загонщиков, обещавших показать ему ездового коня и устроить небольшой междусобойчик. Для Арсена Саманчина эта встреча важна была не только потому, что все они были однокашниками: трое — он сам, Ташафган и лохмач Саксагай — учились в одном классе,

остальные были моложе на два-три года. Но главное — все они свои, сидели когда-то за партами под одной школьной крышей. Кстати, школьная крыша шиферная порядком поужхла и осела, на что обратил он внимание, проезжая накануне мимо, но это уже другое дело, как бы то ни было, родная школа — всегда родная...

Так размышлял он в то утро, когда Ташафган и Саксан-лохмач пришли за ним, как оказалось, не только из чувства школьного братства, но и с другим замыслом, о коем Арсен Саманчин, разумеется, знать не знал. По дороге Ташафган вроде бы полуслушя сказал:

— Арсен, дружок, учти, мы все, твои однокашники, сейчас холостяки.

Арсен искренне подивился:

— То есть как, что значит — холостяки? Что случилось?

— Не останавливайся, идем. Ничего страшного, сейчас расскажу.

А Саксагай-лохмач понимающе ухмыльнулся при этом и покачал головой:

— О том, что мы сейчас холостяки, весь аил знает, не то мы бы тебя домой в гости позвали, а не в школу.

— Да бросьте вы шутить!

— Что ты, Арсен. Ты большой человек для нас, какие могут быть шуточки? — продолжал Ташафган. — В школе сейчас никого, все на каникулах, сторожа мы попросили не мешать нам сегодня, дали ему на водку. Он и пошел к себе домой. А мы воспользовались этим и решили, что лучше будет нам собраться в школе. Кони наши уже там, во дворе. А то, что мы холостяки, так дело в том, что семьи наши — жены, дети — сейчас в горах, откочевали мы высоко на летовку, может, помнишь такие места по берегам реки Аксай, вот там и летуем. В прежние времена ведь на все лето народ откочевывал туда жить и скот пасти на джайлоо. А теперь мы по старинке решили полетовать и с семьями, с юртами расположились там.

— А почему бы и нет? — подхватил Саксагай-лохмач. — Свобода! Куда хочу — туда иду. Не в колхозе же мы.

— И очень жаль. Ну ладно, об этом потом, — сказал Ташафган. — А сюда нас вызвал шеф Бектур-ага, для охоты, стало быть. Загонщиками будем, собаки есть у нас. Сам понимаешь, Арсен, барсов надо загонять в такие места, чтобы отстреливать из укрытий,

без этого их не достать — в ущельях залягут, а если что, так и наброситься на человека могут, чтобы знал, куда сунулся. А в загонщиках, если повезет, и мы что-то заработаем. Вот мы и прискакали.

— И объявили себя временно холостяками! — посмеялся Арсен Саманчин, поняв в чем дело.

— Вот перестанем снова быть холостяками, — буркнул Саксагай-лохмач, — вернемся на летовку скот пасти, а толку никакого. Потому как никакого спроса нигде на скотину нет. Только еще беднее становишься, а то бы...

Арсен не успел ничего сказать, как Ташафган перебил:

— Ну, ладно, Саксан, об этом потом поговорим. И по-настоящему. А сейчас думай о другом... — и замолчал на полуслове. Молчал и Саксан-лохмач.

И тогда Арсен стал им рассказывать, как сегодня утром позвонил ему из эмиратов пресс-секретарь его высочества принца Хасана — Роберт Лукас, как и о чем они разговаривали. Не ожидал он, что так заинтересует товарищей эта тема, до школы оставалось шагов десять, а они, остановившись, начали подробно расспрашивать про спутниковую связь. Для них это было открытием.

— Вот здорово! — говорил Ташафган. — Выходит, они могут звонить через свой спутник куда угодно и когда угодно? Находясь в наших горах, там, в ущельях или пещерах, под снежными лавинами, где никто никого не услышит, они могут звонить и в эмираты, и в Европу, и в Америку? Вот это да!

И еще почему-то очень занимало их то, что самолет арабских принцев останется дежурить в аэропорту на все время, пока принцы будут охотиться в горах, будто это имело к ним какое-то отношение. Завидовали скорее всего.

— Ты смотри! — говорил Саксан-лохмач, действительно обросший черными клубящимися волосами до плеч. — Ты смотри! Целый “Боинг” со всеми летчиками будет спокойно ждать своих хозяев. Когда я был челночником, нельзя было опоздать ни на минуту, рейсовый самолет улетал и плевал на опоздавших с неба. А тут такое удобство. Когда хочу — тогда улечу. Вот она, сила богатства!

Ташафган уточнил:

— А то, что самолет на приколе, значит, что принцы могут улететь в любое время? У меня только конь так — вон он во дворе: хочу — привяжу, хочу — отпущу, хочу — поскачу.

— Стало быть, — пытался объяснить Арсен Саманчин, — у них так заведено. Когда сочтут нужным, тогда и взойдут на борт. Самолет готов. Экипаж на месте.

Беседа таким образом, они подошли к школе, где когда-то учились, а теперь вот волею судеб явились, повязанные одним предстоящим событием, — охотой на снежных барсов. И прибывающие из далеких стран гости тоже вовлекались невольно в общий круг здешних событий. Хотя вряд ли они что-либо такое предполагали.

Давным-давно не бывал Арсен Саманчин в своей школе. Школа находилась на окраине, чуть в стороне от аила, мимо проезжал, поглядывал мельком, но чтобы прийти, так сказать, с экскурсией в свое прошлое, такого не бывало.

Теплое чувство накатило на душу — вот она, школа, все та же, пусть приосевшая от времени, с пожухлой шиферной крышей, как и все крыши вокруг, с покосившимися дверьми и разохшимися рамами оконными, но школа все та же. Вот двор, где когда-то бегали наперегонки, вот коридор, вот классы... Если поначалу и неловко немного почувствовал себя Арсен, когда Ташафган предложил собраться в школе с разрешения директора, куда-то убывшего, — обычно ведь как-никак чай пьют дома, — то потом убедил его Ташафган: семьи их на летовках, а школа пустая. Арсен Саманчин успокоился, даже доволен был. И день выдался ясный, и горный пейзаж вокруг все тот же, со снежными хребтами вдали, где обитают снежные барсы, из-за которых и возникли дела такие. И птицы всякие порхали вокруг, много их было, никто им здесь не мешал, вот и носились в свое удовольствие...

Трое загонщиков из пятерки Ташафгана, те, что помоложе, встретили Арсена Саманчина приветливо. Чувствовалось, что у них дисциплина: Ташафган командовал почти как в армии — иди туда, иди сюда, стой здесь, принеси, унеси, закрой, открой, и все это они охотно выполняли. Это тоже понравилось Арсену, ведь обычно, собираясь вот так, аильные парни прилично выпивают, а эти были абсолютно трезвы. Все это создавало атмосферу уверенности и

дружелюбия, и на коне своем проехался Арсен Саманчин вокруг школы с удовольствием. Конь был крепкий, сивой масти и оседлан прочно. Ташафган сам почтительно подвел коня:

— Дорогой Арсен, вот мы тебе, как ты вчера сказал, “презентуем” твоего коня ездового, хорошо, что ты не забыл надеть сапоги. Держи поводья, садись, будешь на нем с арабами скакать, а мы выгоним на вас барсов сколько потребуется.

Все засмеялись.

— Спасибо, — поблагодарил Арсен земляков. — Раз такое дело, я тоже буду стараться, чтобы арабы были довольны. Это нужно для нас самих.

— А теперь пойдем посмотрим наш класс. Какие времена были, какие учителя! А теперь? Учителя разбрелись. А мы Бога молим, чтобы барсы попали под прицел... Иные вон на самолетах катаются на охоту, а мы рады стараться.

Все покивали головами. Арсен оглянулся вокруг — во дворе тишина, школа была пуста, оседланные лошади стояли на привязи, птицы сновали над головами, а в душах людских, судя по всему, не было покоя. И не мудрено: о том, о чем походя говорил вчера Ташафган, многие люди высказываются еще более критично и с еще большим недовольством, и ведь они правы — так оно и есть на самом деле... Куда ни ступи — куча проблем.

Когда проходили по коридору, заглядывая в классы, которые оказались открытыми, Арсен обратил внимание, что ремонта давно не было, подзапустили помещения, единственное, что обновилось, это парты: вместо старых неуклюжих парт из досок с откидными крышками теперь стояли столики и стулья со спинками. Классные доски тоже были новыми — так показалось...

Ташафган глянул на часы:

— Ну что, братья, одиннадцать часов уже. Время идет. Арсен, давай присядем в бывшем нашем классе, поговорим.

— Зачем? Пойдем лучше к моей сестре, там посидим спокойно, места хватит.

— Нет-нет, Арсен, давай сейчас зайдем вот сюда, в наш бывший класс, и я кое-что объясню.

— Ну, как скажешь, я — ваш гость.

— Заходи. Так, сядем за двумя столиками напротив друг друга.

Они расселись у открытого окна с видом на горы, помолчали. Арсен Саманчин пока не мог понять, чего, собственно, хотят его односельчане, таким странным образом пригласив его в пустующую школу. И тогда, окинув всех сосредоточенным, пристальным взглядом, вздохнув глубоко и откашлявшись, Ташафган начал, должно быть, заранее обдуманную речь:

— Арсен, вот что мы хотели тебе сказать. Слушай.

— Да я слушаю. А что так строго? Мы же свои люди, соплеменники. Что-нибудь случилось? Кто-то умер из близких? Вроде все на месте, насколько я знаю. И потом, мы же все учились в этой школе...

— Да нет, Арсен! Если бы это касалось только того, где учились, где жили... Нет, совсем не так. Ты наш брат, ты наш гость, но сегодня ты в наших руках, и мы тебе скажем то, зачем привели тебя сюда. Скажем, что будет дальше...

— Постой-постой, что значит “я в ваших руках”? Коня ездового привели — спасибо, так я уеду в город, а лошадь останется. Я-то уеду на своей машине.

— Кто его знает, уедешь ты или не уедешь.

— Как так? Говори открыто...

— Затем мы и здесь. Разговор будет острый — как ножом по горлу.

— Еще чего! Да пошли вы все, вы меня за дурака принимаете или ты сам, Ташафган, свихнулся?

— Не горячись, я виноват, что разговор так пошел. — С багровеющим лицом Ташафган привстал с места, и его товарищи тоже зашевелились, зашептались. И в этот момент за окном вдруг залаяла собака, обитавшая в школьном дворе, дворняжка, обычно никак ни на что не реагирующая, а сейчас почему-то завелась.

— А ну, пойді посмотри! — приказал Ташафган сидящему с краю загонщику. — Никого не подпускай, чтобы близко не было ни души. И отгони собаку подальше. Слышишь? Чтобы никого близко не было.

Совершенно сбитый с толку Арсен Саманчин хотел встать и уйти, однако Ташафган упредил: положил руку на плечо и что-то хотел сказать. Арсен дернулся, попытался решительно сбросить его руку и все-таки уйти, но именно в этот момент со двора под

неумолкающий собачий лай в открытое окно стремительно влетели две ласточки, защебетали тревожно, закружились под потолком, точно так же, как несколько дней тому назад в квартире Арсена, — словно бы хотели сообщить что-то или предупредить. Арсен был потрясен. И когда осенила вдруг молниеносная догадка — неужто это некое предупреждение судьбы, неужто это те самые ласточки-вестницы вновь пытаются что-то сказать своим появлением? — ему стало не по себе.

Несмолкаемый щебет птиц, их стремительное кружение над головами не давали людям нормально поговорить. Разумеется, поначалу их просто выгнали, но ласточки, как и тогда, вернулись. Их снова прогнали, затем закрыли окно, но ласточки, всем на удивление, продолжали биться в стекла, возбужденно вереща, и в дополнение ко всему собака почему-то продолжала громко лаять, неизменно возвращаясь во двор, как ее ни отгоняли. И тогда Саксан-лохмач предложил:

— Давайте перейдем на ту сторону, там класс поменьше, зато будет потише. А то эти одуревшие ласточки все равно покоя не дадут. Они гнездятся где-то тут, на этой стороне, вот и взбудоражились. Пошли.

Так и поступили. Но Арсен Саманчин был уже другим человеком. Напряженно спокойным, замкнувшись в себе. Он не собирался противоречить этим загонщикам и самому Ташафгану. Если по правде — не до них уже было. Душу захлестнуло предчувствие: что-то должно произойти в его жизни, что-то отнюдь не обыденное, а судьбоносное, быть может, даже катастрофическое. Но что? Разве дано кому бы то ни было разгадать такое предощущение?

Когда они переместились в другой класс и избавились от шумных ласточек, Ташафган, видимо, решил побеседовать с Арсеном наедине. Он сказал своим загонщикам приказным тоном:

— Слушайте, давайте так: мы с Арсеном продолжим тут наш разговор, а вы — как договаривались: всем быть на своих местах и чтобы никто не мешал нам, никого ни с какой стороны не подпускать сюда. А ты, Култай, тем временем своди по очереди коней на водопой, тут недалеко арык, сам знаешь, у Большого камня.

Его указания немедленно были приняты к исполнению, как в армии. Афганский комплекс явно давал о себе знать.

— А теперь, Арсен, — нас здесь никто не слышит, потому мы тебя сюда и привели, — я расскажу тебе, почему и зачем мы пошли на такое дело. — Он помолчал, ожидая, что Арсен что-нибудь спросит, но тот лишь молча кивнул головой. И тогда Ташафган продолжил: — Не мне объяснять тебе, что такое глобализация и как плясать под эту дудочку каждому из нас, чтобы выжить.

— Не слишком ли ты широко берешь? — заметил Арсен Саманчин. — Глобализация — общемировой процесс. Давай поближе к делу.

— Я как умею, так и понимаю. То, что в мире есть богатеи — их теперь, как ты без меня знаешь, олигархами называют, — не секрет. Как с неба свалились. Ну, Бог с ними, только как понимать, если Он стал богом бизнеса, а вокруг многие миллионы вместе взятые не имеют и крохи того, чем владеет один? Как с этим смириться? Кровь вскипает.

— Предполагается, что выход в конкуренции, — ответил Арсен Саманчин.

— Конкуренция бывает разная. Если кто-то сильнее и несравнимо богаче, так что нам, сидеть сложа руки? Почему эти арабские охотники, которые к нам прибывают, могут, если захотят, купить всех нас на корню за мелкую монету, а мы рады стараться подгонять им снежных барсов?

— Ты не туда идешь, Таштанбек, конкуренция с производства начинается. Тут важны и технология, и рабочая сила. Смогут ли они обеспечить развитие, чтобы не отставать...

Но Ташафган перебил его:

— Что значит — не туда идешь? Я туда иду, и ты пойдешь с нами. Все! С этого дня ты будешь с нами, если хочешь жить, а мы решили бесповоротно — этих самых арабских принцев мы берем в заложники. Что уставился? Думаешь, просто так? Ничего подобного! Заплатят они за свои шкуры столько, сколько...

— Постой-постой, ты в своем уме?! Какую ахинею...

— А ты думаешь, что только ты умный? Умы тоже разные бывают. Мы все продумали, просчитали точно. И ты, Арсен, заруби себе на носу — на всю жизнь, сколько ее отмерено, ты останешься с нами, другого выхода у тебя уже нет. Будешь ведущим, как на

телевидении, посредником между нами и заложниками, будешь направлять наши действия.

— Чего-чего? Нет, ты точно сбрендил. Ты зачем мне эту лапшу на уши вешаешь? Для этого, что ли, затащил меня сюда?

— Не беспокойся, нас никто не слышит. Повторяю — будешь ведущим, посредником. А мы будем гордиться тобой всю жизнь.

— Ну, ты даешь! Послать бы тебя к эдакой матери. Что ты мне бред какой-то втюхиваешь? Если в Афганистане научился так языком чесать — то только не со мной. Заткнись, пока не поздно, и забудьте про эту ахинею. И как только такое в голову пришло? Международный скандал хотите учинить? Мало вам того, что в городах наших уличные демонстрации пошли в защиту свободы и демократии? К тому же о других подумайте — вы что, хотите фирму “Мерген” в пропасть столкнуть? Да и не в наших традициях заложников хватать. Соображать же надо!

— Правильно, надо соображать — международный скандал учинить нельзя, фирму “Мерген” завалить нельзя, приставить нож к горлу мировых миллиардеров нельзя, а в нищету нас втапывать можно? Без образования оставлять наших детей можно? Без лечения бросать нас можно? Вот так и получается в жизни: у богатых богатство в океан не вмещается, а у бедных бедность в океан не влезает. А насчет традиций это ты ошибаешься, Арсен. Забыл, выходит, что в преданиях рассказывается, как барымту вымогали за заложников. Пригоняли табуны лошадей, стада овец и коз — и так разрешали конфликт, так разделяли богатства.

— Рассуждать таким образом можно еще долго, Ташафган. Вчера твои мысли мне показались резонными, но соучастником в задуманном тобой я не буду.

— Твое дело, можешь думать так или по-другому, Арсен, ты этим меня не удивишь. Но с первой минуты захвата заложников дело с ними иметь будешь ты, будешь передавать им мои распоряжения, потому как из нас пятерых никто не знает ни единого слова по-английски. И это не наша вина. Мы будем стоять вокруг с оружием в руках, остальное сделаешь ты, Арсен. Мы загоним в пещеру этих любителей охоты, этих арабских принцев, прибывающих на наше счастье, а ты объявишь им, что барымта — десять миллионов долларов с носа, то есть общая сумма — двадцать миллионов.

Поскольку нас пятеро, с тобой — шестеро, то доля каждого — три миллиона триста тысяч долларов. Нам этого хватит на три жизни. А тебе уж не знаю. Может, женишься наконец и будешь жить, как все мужчины, со своей бабой? И дай тебе Бог потомства.

— Хватит небылицы плести. Уймись, Ташафган, по-хорошему и подумай. Ты так говоришь, будто я дал уже согласие и готов выполнять твои приказы. Никогда, ни за какие деньги я не пойду на такое дело. Я не террорист.

— Мы тоже не террористы. Как только двадцать миллионов окажутся у нас в руках — а для них это что для меня две копейки, — принцы свободны. И ты свободен. Только куда тебе деться будет? Но об этом потом...

— Я и сейчас свободен. И не буду шестым у тебя в банде. Все, разговор окончен. Нечего попусту языками молотить..

— Ошибаешься, ты уже не свободен. С этой минуты ты у нас шестой.

— А если я не желаю?

— Если не желаешь — отсюда не выйдешь. Могила твоя будет здесь, во дворе, за углом, сразу за общей уборной. Ломы и лопаты припасены. За пять минут зароем. И оружие у нас наготове. Недаром в Афгане мою жизнь калечили, и я немало чужих покалечил. Есть у нас даже пистолет с глушителем. Все мои подельники обучены владению разными видами оружия, даже гранатометом. Ну а я в этом деле — мастер, скажу без ложной скромности. В общем, ты отсюда не уйдешь таким, каким пришел. Не потому, что мы тебя ненавидим, сам понимаешь, другого выхода у нас нет. Ты уже повязан с нами. Мы не террористы, мы просто берем свою долю мирового капитала, и не более того.

— Хватит, надоело, я ухожу.

— Стоять! Не вынуждай меня становиться палачом своего же одноклассника.

— Да, вот и я сейчас о том же подумал. Когда мы сидели здесь на уроках, когда бегали наперегонки на переменах, разве могло прийти в голову, что через многие годы произойдет такое? — Арсен Саманчин встал, подошел к окну и распахнул створки.

— Что, душно, что ли? — спросил Ташафган.

— Да, воздуха не хватает, — ответил Арсен. Однако открыл он окно не затем, чтобы впустить свежего воздуха, а в надежде, что ласточки снова залетят, словно они могли его выручить. Но время шло, а они больше не появлялись. Стало быть, судьба пошла иным путем...

А Ташафган, еще больше набывчившись в своем упорстве, что видно было по его становящемуся все более жестким взгляду, пошел напролом:

— Ты не думай, слушай, не такие мы дураки безмозглые, мы знали, что ты не согласишься, ни за что не пойдешь на такое дело. Для тебя ведь это преступление.

— Так оно и есть! — резко вставил Арсен Саманчин. — Преступление уже в самом замысле!

— Пусть так. Думай как хочешь. Но мы все равно это сделаем. И ты пойдешь с нами — или в одном строю, или штрафником на привязи — выбирай сам!

Стукнув кулаком по столу, Арсен Саманчин чуть не выкрикнул обычную школьную присказку: “Чтоб штаны тебе на голову напялили!”, но сдержался.

— А если я не хочу никак?

— Не стучи по столу. Какой бы ты умный ни был, нас не переубедишь. Даже если сам Бог сейчас явится сюда, мы не отступим. И нечего тут рассуждать! Чтоб упустить свою с неба сваливающуюся долю, надо быть последним идиотом. Двадцать миллионов на дороге не валяются!

— На дороге не валяются. Но откуда ты, Таштанбек — такое у тебя имя было, когда ты был нормальным парнем, — откуда ты взял, что это твоя доля? Да это же прямой грабеж и бандитизм! Ты куда гребешь, подумай?

— А туда, куда и вы все, грамотеи двадцатого века, и первым в табуне — ты сам. В глобализацию такую-растакую, где каждому полагается доля от мирового богатства.

— Да ты спятил, при чем тут глобализация? Это совсем другое. Не буду объяснять, не время. Но твоя “глобализация” — что-то дикое!

— У нас свое понятие, не беспокойся.

— Ну и какое же? Любого банкира схватить за шиворот и потрянуть — почему, мол, у меня башмаки дырявые?

— Ох ты, ух ты! Банкиров под защиту берешь?

— Да я бы вас обоих в одну лодку посадил и спустил по штормовым волнам глобализации, которую вы так чтите.

— Да ты что! Не сядет он со мной в одну лодку. Зачем ему — у него собственный пароход на две тысячи пассажиров имеется. У богатых своя глобализация — заграбастать себе на корню все богатства, у нас — своя: поделить и свою долю вырвать где подвернется. И то, что мы, захватив в горах арабов, выдавим из них свою барымту, — наше право.

— Послушай, Таштанбек-афган, я же знаю, ты не дурак, ну как ты можешь говорить такое? Право! Какое право? Право на грабеж? Ничего не понимаю.

— И не надо! — бросил Ташафган в спину Арсену Саманчину, по-прежнему смотревшему в окно. А тот буркнул через плечо:

— Хватит с меня твоих комментариев. Слышать больше не могу.

— Можешь — не можешь, однако постой и подумай, без этого, Арсен, тебе уже не обойтись. Ты уже в капкане. Но ты не один, мы все в капкане. Теперь обратной дороги нет. Грабители мы, говоришь? Вспомни: наши предки, если соседи не платили им за пастбища, за воду в реках, добивались выкупа-барымты, захватывая у них заложников, и получали табуны лошадей, стада рогатого скота, отары овец и коз. А теперь масштабы иные. Называй нас как угодно — бандитами, грабителями, ворами — нам это, как говорите вы, горожане, до лампочки. Мы с тобой можем уважать или не уважать друг друга, терпеть или не терпеть — это нам тоже до лампочки. Только одно требуется от тебя — буквально с первой минуты, как появятся здесь эти охотники-миллионщики, не знающие, куда девать свои башли, ты шагу не ступишь без моего приказа. Не думай, что я буду на побегушках у шефа Бектура. У нас теперь своя охота — рыскать по зарослям и рвам, выгонять барсов под стрельбу, а пока суд да дело, пока охотники-ханзады будут прицеливаться, ловить по-снайперски хищников на мушку, мы захватим их самих, загоним в пещеру и потребуем выкуп. Кому что, как говорится... Слышишь, Арсен? Я все это не попусту болтаю, а чтобы ты знал что к чему. Такая удача и во сне не приснится, тут сам Бог велит урвать... Пойми, посочувствуй. И службу свою переводческую подлаживай так, чтобы доверие к тебе гостей было полным. Тогда, помогая им, послужишь и

нам, когда мы заманим их в пещеру — вся надежда будет на тебя. Ты слышишь, Арсен, доходит то, о чем я толкую?

Арсен не отвечал, он стоял у окна, опустив голову.

— Да ты не замыкайся, слушай. Нашей пятерке здорово повезло, что ты наш, аильский. Ты нас понимаешь, мы — тебя. И еще удача в том, что у этих принцев такие спутниковые телефоны. Когда из пещеры они будут звонить к себе домой — а это почти возле Африки, — то мы все будем знать об их переговорах через тебя и координировать свои действия. А без тебя мы ничего не сможем сделать... Дошло наконец? Что молчишь, Арсен?

— Мне нечего сказать, — ответил тот. И оба замолчали.

Дуйне ордундабы — на месте ли мир? Эта фраза, еще с детства не раз слышанная из уст односельчан по поводу самых разных жизненных ситуаций, теперь невольно всплыла в памяти. Да, внешне мир был на месте, включая школу, где он оказался столь невероятным образом. Да, окружающая среда могла оставаться такой, какая она есть, веками. Но мир внутри, в душе человеческой, в то же время, как он убедился на собственном опыте, может быть полностью сокрушен. И потому снова и снова кто-нибудь вопрошает: “Дуйне ордундабы — на месте ли мир?”

И — неожиданно в такой грозной ситуации — приходили на ум странные мысли, думалось: а где сейчас Вечная невеста, знает ли она, что “мир не на месте”? А знает ли об этом, обеспокоилась ли Айдана Самарова? Вряд ли, ей, конечно, не до этого. А знают ли горные твари, что предстоит на днях им, не подозревающим, что “мир уже не на месте”? Бродят, наверное, барсы этим солнечным днем среди сугробов и лесных лощин, куда нога человеческая не ступает, по местам своим заповедным, выгладывая очередную добычу, а самки с детенышами возлежат, должно быть, на солнцепеке, тоже не подозревая, что “мир уже не на месте”...

А над ними летают парами горные соколы, строго и бесшумно, без лишних выкриков. Что они высматривают в вышине над горами, чего ждут, что предвещают?

А то, что “мир уже не на месте” и что нагрянет такое бедствие, какого они еще не видели, и принесут его люди...

И еще одна мысль бередила его: вот в двух шагах справа стоит бывший одноклассник его, Таштанбек-Ташафган. Это он виноват, что

мир стал “не на месте”, и, казалось бы, его следует возненавидеть самым жестоким образом, но почему-то Арсен Саманчин, скорее, жалел, что тот с такой убежденностью в собственной правоте нацелился на столь преступное дело. Ему бы чем другим заняться, но поздно, судя по всему, поезд уже ушел. Магия двадцати миллионов долларов куда сильнее экстатических камланий тысячной толпы шаманов.

Будто угадывая его мысли, Таштанафган прервал паузу:

— Слушай Арсен, размышлять можно до белой бороды. Но сколько ни думай — твое положение уже бесповоротное. Ты переступил порог и теперь сохрани себя.

— Почему ты решаешь, кому жить, кому не жить? Кто дал тебе такое право?

— А потому, что ты уже в таком положении, когда есть только два выхода: или ты с нами и мы все, в том числе и ты, получим свою долю — или ты уходишь и предаешь нас. Тогда тебе, скажу прямо, — смертная месть. Мы очень хотим, чтобы ты остался жить, но решать тебе самому.

— Да что ты все про долю! Никакая это не доля, повторяю. Это грабеж и преступление.

— Все, хватит! На войне только тот побеждает, кто действует. Я побывал в Афгане и кое-чему там научился. Слушай внимательно наш план действий. Прилет, встреча и всякие там любезности по адресу знаменитых гостей-охотников нас, нашей пятерки, не касаются. Мы, как те кизячные слуги: огонь развели — и пошли вон. Однако мы конные, а на конях мы хозяева самим себе. Ты, Арсен, будешь с арабскими принцами круглые сутки. Работай добросовестно, не думай о нас, мы сами напомним о себе так, что у всех крышу снесет. Ничего не подделаешь. По-другому не получается. Но когда раздастся сигнал к атаке, а сигнальщиком буду я, ты должен быть готов, мы в одном строю. После прибытия высокие гости отдохнут малость у твоего дядьки Бектура, а на другой день переместятся на стоянку Коломто, это уже высоко в горах. До половины пути — на бектуровском джипе и на других машинах. А выше — верхом на лошадях. Все продумано, все подготовлено, лошади будут оседланы, и держать их будут наготове. Ты пойми, Арсен, рассказываю все это тебе, чтобы одинаково понимать положение. Без твоих переводов мы никто, но и

без нас дело тоже не сладится. Как, где и когда мы совершим захват? И каким способом потребуем выкуп? Ты ведь хочешь это знать? Так ведь? Что молчишь?

— Не знаю. Потом скажу.

— Ну, так вот, прежде я расскажу тебе, что у нас есть. Оружие — самое первоклассное, стрелковое — это ясно. На тигра никто не пойдет с голыми руками, а снежный барс в горах пострашнее всяких тигров и львов. Вот смотри, в любых цирках тигры, львы, волки и другие звери прыгают, танцуют под дудочку, а дрессированных барсов снежных ни в одном цирке нет. Зато шкура ценится барсовая, сам знаешь, потому и бизнес закрутили, как пишут в бумагах, “высокогорный элитный”. Спасибо барсам, что они есть! Ну, что молчишь? Ладно, помалкивай, думаешь, конечно, что я много болтаю. Может быть. Но надо знать свое дело так, чтобы ни на чем не споткнуться. Бывает, спотыкаются на муравье, а слон убегает. Не смешно тебе, Арсен?

— Пока нет.

— Теперь еще кое-что о том, как, где и когда предстоит совершить захват. Есть в этом деле одна деталь — имей в виду, для охоты в горах из Кувейта прислали партию громкоговорителей, чтобы перекликаться на расстоянии, телефоны здесь не достанут, вот и нашли выход: будем перекликаться с горы на гору — как во время демонстраций на площадях, по телевизору показывают. Какое-то еще название есть у этих громкоговорителей. Не подскажешь?

— Рупор?

— Нет, как-то еще по-другому.

— Мегафон.

— Правильно. У тебя будет свой рупор-мегафон. У нас у каждого уже есть, скачем на коне и кричим в рупор. Все разговоры и команды во время охоты будешь переводить тотчас на английский и с английского. Барсам некуда будет деваться. Оглохнут, пожалуй. Но к чему веду разговор — все будет зависеть от тебя. Как заявишь это самое, ну, как его, слово такое есть — придушу, мол, гад, если не сделаешь то-то и то-то... — Таштанафган нахмурил лоб. Арсен Саманчин понимал, что тот говорит об ультиматуме, но не хотелось подсказывать. Однако пришлось:

— Ультиматум, что ли?

— Ну, конечно. Вот на кончике языка вертелось, а вспомнить не мог. Сейчас не до шуток, но тут один наш акын молодой пел так: “Мой конь Ультиматум, на нем я скачу, пусть встречные падают ниц предо мной”. Ерунда, но “мой конь Ультиматум” мне понравился. Но это так, к слову. Так вот, главное — ультиматум, чтобы заложников сразу в нокаут. Мы их загоним в пещеру, разоружим и разуем — попробуй голыми ступнями по скалам бежать... Опять же, Арсен, хочу, чтобы ты понял: или мы выбиваем наши двадцать миллионов — или я в пещере взрываю противопехотную мину, она уже заложена там.

— Ты заложил мину в пещере?! — воскликнул пораженный Арсен Саманчин.

— Да, я этим делом занимался в Афгане. И это мой ультиматум! Присылаешь двадцать миллионов — выходишь, нет — взрыв и всему конец! Ты что так смотришь? Я нормальный человек, сам знаешь, но такой шанс лишь однажды в наших горах может представиться, больше никогда не будет. Барсы сбегут за перевал. Ладно, ближе к делу. Почему я говорю, что все будет зависеть от тебя? Потому что все команды и указания по громкоговорителю придется тебе передавать и на английском языке, и на нашем, и, конечно, на русском, который все знают — и стар, и мал. Собственно охотиться будут только два человека — принцы, ты — все время рядом с ними, наша конная пятерка — по сторонам, а вся прочая обслуга — позади. И твой дядя будет молить Бога, чтобы послал удачу. Пусть молится, а мы тем временем вместе с тобой, Арсен, по моей команде загоним принцев в пещеру, разоружим и — самое главное — поставим вопрос, чтобы выкуп за пленных, наша барымта, лег нам, как говорится, на стол в наличных купюрах в течение двадцати четырех часов. Сутки даются на выполнение ультиматума. И сразу оговорим, что продления не будет. Или деньги наличными — или головы “наличными”. Вот ты, Арсен, помалкиваешь, тебе все это не по душе, понимаю, но объясню то, что наверняка хочешь узнать. — Ташафган действительно многое угадывал. — Ты хочешь знать, как практически это можно сделать? А вот как. В их ближневосточных банках зимой и летом, днем и ночью хранятся в сейфах миллиарды наличными. Двадцать миллионов долларов для них — раз плюнуть. Деньги укладывают за пять минут пачками, по пять миллионов в четыре коробки размером шестьдесят

на восемьдесят пять. Весом каждая коробка будет ровно по двадцать килограммов, всего восемьдесят килограммов. Как перевезти? Самолетом девять часов лету. Они дают распоряжение — и все тут же исполняется. Каким способом, находясь в пещере в горах, передать такую информацию? Сам знаешь — по спутниковым телефонам, которые при них всегда и по которым можно звонить куда угодно — вплоть до космоса. Контролировать звонки будешь сам, оставайся всегда рядом, не отлучайся ни на минуту. Ты все молчишь, Арсен, не хочешь вмешиваться в это не то что скандальное, а просто-таки неслыханно преступное дело? Но я все просчитал, продумал, как видишь, и добьюсь своего. Думай как хочешь, но выполнять мои приказы, в натуре, тебе придется беспрекословно. За это получишь в итоге свою долю. А сочтешь, что для тебя это отвратительно, можешь отдать нам, мы не откажемся. Это твое личное дело. Все молчишь? Ну, чтобы у тебя не было уж вовсе никаких сомнений, что цель достижима, еще скажу, что тот момент, когда мы загоним гостей в пещеру, также продуман. В первой зоне, возле Коломто, они должны расположиться в ущелье близ пещеры таким образом, чтобы видеть местность вокруг. Наша пятерка к тому времени — думаю, удастся — подгонит поближе одного снежного барса, мы уже давно его там заметили и называем “башкастый-хвостатый”. Огромный, голова — как полная луна, хвост опрокидывается назад до загривка... Все лето бродит зверюга под перевалом Узенгилешским, как будто чего-то ожидает. Вот его и подгоним в первую очередь, а получится, так и подраним малость, чтобы не так скоро бегал. И будем наготове, чтобы этих самых крупных на Ближнем Востоке богачей загнать в пещеру, где, бывает, чабаны ночуют по пути на пастбища. Пусть посидят там немного. И вот тут, Арсен, хочешь не хочешь, но придется тебе выполнить самую ответственную задачу. Это ты объявишь наш ультиматум арабским принцам. А мы окружим пещеру с автоматами в руках и будем охранять. Ребят я подготовил, обучил, а ты скажешь ханзадам, что они обречены каждый на десять миллионов выкупа в течение двадцати четырех часов — и только в этом случае останутся живы. Потом сразу выйдешь из пещеры и прокричишь в мегафон во всю мощь сначала на английском языке, затем на нашем, что арабские принцы взяты в заложники, что им предъявлены условия выкупа — цифру вслух называть не будешь — и что объявляется чрезвычайное

положение. Никому — ни местным, ни приезжим — с места не двигаться, при малейшей попытке приблизиться к пещере будет открываться огонь на поражение, пощады никому не будет. А если в течение двадцати четырех часов условие не будет выполнено...

Невероятных усилий стоило Арсену Саманчину сдерживаться, выслушивая речь бывшего одноклассника о его роковых намерениях. Но остановить фатально запущенный механизм уже было невозможно. Осуждая Ташафгана, он — странное дело — не переставал в то же время удивляться, насколько тщательно была продумана им совсем не простая операция по захвату заложников. Сожалел, наблюдая за бурными жестами и сверкающими решимостью глазами бывшего друга своего, что такая энергия и убежденность направлены не на благое дело. Одновременно проносились в голове Арсена другие, страшные и причудливые мысли. Очень хотелось, чтобы и этот проклятый Эрташ Курчал оказался в той пещере с заложниками, и не просто оказался, а чтобы Арсен сам загнал его туда пинками под зад. Стыдно, унижительно и несерьезно было так думать, а вот думалось. И пусть бы возопил в страхе этот надменный, презренный шоу-бизнесмен, положивший бревно поперек пути Вечной невесты и Айданы Самаровой, и никакого выкупа с него, ни копейки — пусть дожидается пули в лоб... И еще нелепо подумалось мимоходом, что, значит, ласточки так неистово щебетали не зря — пытались предупредить. Вот и сбылось... Смешно и грустно... Где вы теперь, ласточки?..

Время приближалось к полудню, а Таштанафган никак не мог остановиться — возможно, то было подспудным стремлением самоутвердиться и лишний раз убедить самого себя, — теперь он затронул тему результатов захвата заложников.

— Вот ты, наверное, думаешь, Арсен, что мы только и жаждем получить добычу, а что потом, как быть, куда деваться с четырьмя коробками долларов, не знаем. Ведь когда заложники освободятся, на нас накинутся все стоящие наготове спецназовцы, это понятно. Не беспокойся, Арсен, это тоже продумано. У нас в запасе будет семь часов нейтрального времени. Хочешь знать, что такое нейтральное время и что оно дает?

— Попробуй объяснить. Хотя разговор этот для меня — как камень в печенку. Я бы хотел разговаривать с тобой совсем о других

вещах. А ты в окоп свой залез и оттуда палишь, ничего вокруг не видя.

— Если я в окопе, как ты выразился, то и ты теперь с нами в том же окопе. Будем вместе держать оборону. А про нейтральное время я тебе вот что скажу. Когда мы добьемся своей цели, когда нам доставят в ущелье Коломто, поближе к самой пещере, выкуп за арабских принцев и мы убедимся, что все в порядке, вот тогда ты выйдешь на пригорок со своим громкоговорителем-мегафоном и во всеуслышание прокричишь на английском и нашем языках, что мы объявляем нейтральное время продолжительностью в семь часов. Заложники остаются в пещере живые и здоровые, с водой и пищей, а мы уходим своим путем. Ты сообщишь, что начиная с этого момента в течение семи часов вход и выход из пещеры запрещены, она остается заминированной особыми чеченскими минами с часовыми механизмами, которые перестанут быть опасными только через семь часов. И повторишь это три раза. Это будет наше последнее слово. Пусть ждут, а мы тем временем удалимся, нагрузив по две коробки в брезентовых сумках (они у нас тоже готовы) на двух лошадей. И кони готовы — у шефа Бектура отличные кони. Это те, которых мы заберем у арабских принцев. И все мы, с вьючными конями на поводьях, быстро двинемся в сторону Узенгилешского перевала. Пути все хорошо изучены. Опасности нет. Перед самым перевалом нас будет ждать к тому часу караван наших семей, прибывших с летовок. Это тоже все оговорено. Так что не беспокойся.

Арсен Саманчин молчал. Чем больше он вникал в этот зловеющий, но отлично продуманный диверсионный план, тем больше убеждался в своей обреченности. Отмежеваться от таштанафгановской пятерки простым несогласием, личным нежеланием участвовать в их акции уже не удастся, ибо, посвятив его в свои замыслы, они самим этим фактом связали его по рукам и ногам перед совместным вхождением в ад.

— Да ты не переживай так, — заметил Таштанафган. — Риск есть, но дело того стоит. Я ведь зову тебя в это дело честно, без обмана, с полной откровенностью. Так бывает, когда в горах срывается лавина — все уходит в пропасть вместе с ней, и только несколько птиц успевают спастись, взлетев. Может, мы и будем такими птицами?

Арсен Саманчин пожал плечами:

— Я ни о чем не допытываюсь. Как скажешь. Но думаю я по-своему.

И в это время неожиданно зазвонил его мобильник. Оба встрепенулись... И то, что Арсен начал отвечать по-английски, еще больше насторожило Таштанафгана, он придвинулся поближе, точно мог что-то понять, и внимательно вглядывался в лицо Арсена, который вдруг оживился, вновь стал самим собой, и голосом, и выражением лица. Беседа длилась минут пять. Отключив телефон, он объяснил Таштанафгану, уловившему в разговоре только имя, которое называл Арсен: “Да, Боб! Хорошо, Боб!”, что звонил пресс-секретарь принца Хасана Роберт Лукас и сообщил — это будет подтверждено факсом в офис фирмы “Мерген”, — что на 15 июля намечен прилет подготовительной группы в составе трех человек, они привезут альпинистские спальные мешки новой модели для высокогорной снежной зоны и другое снаряжение охотников. И еще этим же бортом придут два кинооператора, чтобы снимать пейзажи и саму охоту для будущего фильма. Лукас просил встретить их всех.

— Ну, вот видишь, дело пошло, — деловым тоном сказал Арсен. — Придется послезавтра выезжать в Аулиеату, в аэропорт, ну, об этом еще с шефом поговорим. — Чтобы как-то завершить разговор с Таштанафганом, он прошелся по классной комнате и, оглянувшись на окно, добавил раздумчиво: — Пора, Таштан, надо мне с шефом пораньше повидаться.

— Так он же на Дасторкан уезжал, не приехал, наверное.

— Должен уже скоро прибыть, — неопределенно промолвил Арсен Саманчин. — И вообще, мне кажется, мы с тобой достаточно потолковали. Надо делом заниматься.

— Надо, надо, конечно. Но среди разных дел бывают самые важные. Чтобы у тебя не осталось никаких сомнений, скажу тебе напоследок, Арсен: все должно пойти по нашему плану, только так и никак иначе. Что у тебя на уме — дело твое, но быть готовым к исполнению моих приказов ты обязан — это как последняя минута перед смертью. И не смей думать, что я болтаю! Или что я сумасшедший! Я в здравом уме и в силе. Ты теперь с нами повязан. Я не унижаю тебя, наоборот, как человек, ты больше, значительнее меня, но момент такой — мои приказы подлежат немедленному исполнению. Выражать несогласие поздно. Мы тебя не звали сюда, в

аил, ты сам явился. И запомни: мы не бандиты, хотя для всех мы завтра станем таковыми, мы просто отбираем свою долю. Другого выхода нет.

— Хорошо, — прервал его Арсен Саманчин, — ты видишь, что я внимательно выслушал тебя. Ты принуждаешь меня, я же должен решать сам.

— Понимаю, на твоём месте я бы то же самое сказал. Но, повторяю, мы не отступим. Каждый из нас получит свою долю, и ты тоже, не раньше чем через неделю после нашего ухода, когда мы уже будем на афганской стороне Памира. Путь туда через горы караваном моя забота, я эти края знаю. Сейчас лето. Пройдем, не сомневаюсь. Потому мы и берем с собой семьи. Оставить их нельзя. Будут их наказывать за нас. Тебе легче — ты холостяк, но все еще у тебя впереди. Накануне захвата заложников, как я уже сказал, наши семьи перейдут под Узенгилешский перевал, чтобы оказаться на нашем пути. Но никто, ни одна душа из наших пяти семей не знает того, что предстоит в ущелье Коломто. Их это не касается. Мы уйдем за границу и там, среди афганских кыргызов, живущих яководством, найдем первое пристанище. А детям со временем дадим высшее образование в Китае, Индии или Пакистане — деньги теперь будут.

Снова зазвонил телефон. Это был сам шеф Бектур.

— Ты где, слушаешь? У тебя какие новости?

— Я сейчас в школе. Сюда мы с Таштанафганом решили заглянуть. Вспомнить школьные годы. И коня мне подвели. Хороший конь, я доволен, байке. Новости на этот час такие — звонил пресс-секретарь Роберт Лукас. Послезавтра прибывает подготовительная группа — три человека и два кинооператора. Сами принцы — через сутки после них. Да, я скоро подойду в офис и все решим. Не беспокойся, все будет в порядке. Все идет по графику.

То, что, разговаривая с шефом — своим дядей Бектуром, Арсен не подал вида, что с ним тут происходит, кажется, успокоило Таштанафгана. А Арсен Саманчин непринужденно сказал:

— Ну вот, шеф велит явиться, там куча дел, сам знаешь. Давай, Таштан, закругляйся. Я пойду.

— Хорошо. Значит, учти: будет один знак — в тот день я надену свою сержантскую фуражку, советскую, с козырьком и красным околышем. Если я буду в фуражке, значит, действовать во всем по

моему приказу. Ясно? И еще — слушай внимательно! — не пытайся сорвать нашу операцию. А то все кончится плохо. Мы ни перед чем не остановимся. Или мы получаем выкуп — или принцы будут убиты, на охоте или в пещере. Отсюда делай выводы. А если ты хоть словом обмолвишься дяде своему, еще хуже будет — перестреляем всех, никого не оставим. Если попытаешься сбежать и умыть руки, по дороге догоним, а нет, так в городе достанем... Очень прошу тебя, пойми, не от хорошей жизни угрожаю тебе — другого выхода нет. Все! Больше ни слова! А сейчас стой, пусть зайдут сюда мои напарники. — Он выплянул в окно и крикнул: — Эй, Култай, давай зови всех. Заходите сюда.

— А зачем? — удивился Арсен.

— Сейчас узнаешь.

Парни, так терпеливо сторожившие все это время школу и пустынный двор, тут же явились все вчетвером. Когда они вошли в класс и встали в шеренгу, Таштанафган сказал им командирским тоном, указывая на Арсена Саманчина:

— Докладываю: мы все обсудили, все вопросы решили. А теперь каждый из вас пусть подойдет и скажет что требуется.

Первым шагнул к Арсену Саксан-лохмач.

— Только так и никак иначе! — сказал он и отошел в сторону. За ним последовали остальные:

— Только так и никак иначе!

— Только так и никак иначе!

— Только так и никак иначе!

В заключение Таштанафган спросил:

— Ну, Арсен? Все ясно?

— Так точно! Как в армии — приказ превыше Бога.

— А у нас в Афганистане говорили: без приказа не живи, даже к девке не ходи. Теперь нас шестеро. За работу! У Арсена свои дела. Саксан будет со мной на связи. А вы втроем — Култай, Жылкыш, Жандос — на разведку с ночевкой, завтра чтобы к обеду вернулись. Присмотрите, в каких местах будет легче находить зверье. А того, башкастого-хвостатого, который ошивается у перевала, если заметите, пока не беспокойте. Но продумайте, как, по каким тропам удобней будет подогнать его поближе к ущелью Коломто. Оружие берите в полном комплекте для охраны коней. Главное — придумать, на каких

местах будем стоять с биноклями, когда начнется охота. А теперь — по коням. Да, не забудьте ключи отдать сторожу, где он там пьянствует, найдите.

На том они и разошлись уже в школьном дворе. Коня арсеновского увели, а сам он пошел по улице к бывшей колхозной конторе, где располагался теперь офис фирмы “Мерген” и где ожидал его шеф — Бектур-ага. Не успел Арсен Саманчин сделать и сотни шагов, как Таштанафган подскочил на коне, слез с седла и пошел рядом, держа коня в поводу. Толковал все о том же. Предупреждал: если что не так — всем каюк, из автоматов в упор. А если выкуп придет, ни у кого и волосок с головы не упадет.

VIII

Так шли они вдвоем в тот час полуденный по наклонной главной улице предгорного Туюк-Джарского аила, шли после тяжелого разговора, так и не найдя согласия, два бывших одноклассника, даже ростом одинаковые и шириной плеч, шли в сторону бывшей колхозной конторы, взаимоприговоренные к одному и тому же исходу задуманного действия, — Арсен Саманчин, так и не поддавшийся вербовке, и Таштанафган, полагавший, что ему удалось принудить Арсена войти в их заговор.

Они бы еще продолжили тот роковой разговор, если бы не появился навстречу всадник рысью на коне. Оказалось, послал его шеф Бектур за Таштанафганом, чтобы тот прибыл в офис для получения задания. Всадник — его звали Орозкулом — спешил: неудобно было сидеть верхом на коне, когда такой человек, как Арсен Саманчин, к тому же племянник самого Бектургана Саманчина, шел пешком по улице. Теперь они шагали втроем, Арсен — между двумя ездовыми конями на поводу. И это было, как он потом убедился, точно повеление судьбы — идти ему в тот час по Туюк-Джарскому аилу пешком.

Шли спокойно, переговариваясь о том о сем, здороваясь с пешими и едущими на осликах земляками, многие аильчане выглядывали из дворов, окликали и здоровались с ними. Все-таки Арсен Саманчин был для них популярной личностью, многие гордились, что он туюк-джарский. Возле одного двора старушка, сидевшая у ворот, привстала, чтобы поздороваться. Они тоже приостановились, и в это время как по заказу появилась откуда-то ловкая молодая женщина с небольшим фотоаппаратом в руках. Она была стройная и обликом очень приятная — смугловатая, живо улыбающаяся, с сияющими глазами и, пожалуй, приезжая, если судить по прическе, по джинсам и приоткрытой спортивной кофточке.

— Здравствуйте. Ой, как хорошо, как красиво вы идете втроем! Наш Арсен-ага посередине, а по бокам вы с конями! Отличная тройка! Разрешите, я сфотографирую вас, получится классная фотография!

Это я обещаю! Нет, вы не стойте, продолжайте шагать, я успею, забегу спереди! А вы знаете, у меня цифровой фотоаппарат!

— Откуда здесь цифровой? — подивился Арсен Саманчин. — Укмуш — здорово!

— Так я же челночница, а зовут меня Элес, я из соседнего Тюмен-аила, а здесь у меня сестра, приболела она. Так, так! Держитесь поплотней, а поводья держите покороче. Вот так, прекрасно! Я тоже иду в “Мерген”.

И пока она живо передвигалась, жестикулируя на ходу, ловя их в объектив, Арсен Саманчин почувствовал вдруг неожиданное облегчение, будто бы могла она прикоснуться рукой на расстоянии и исцелять душу, освобождая ее от безысходного тяжелого груза переживаний, угнетавших его после разговора с Таштанафганом. Тогда-то и дошло до него вмиг, как важно для уверенного самочувствия, чтобы “мир был на месте”. И потому ему хотелось, чтобы она фотографировала еще и еще, и потому запомнил ее имя с первого раза — Элес, — связанное с понятием воспоминаний и впечатлений. Само это имя приносило разрядку своей яркостью и краткостью.

А Элес тем временем попросила их задержаться и стала показывать на экране фотоаппарата готовые изображения. “Смотрите, великолепно — тройка джигитов!” Все были довольны. Таштанафган заметил: “Вот вам современная техника!” А Арсен Саманчин назвал ее по имени:

— Спасибо, Элес! Давай сфотографируемся все вместе, только кто будет нашим фотографом?

— Ой, как здорово! Я очень хочу сняться с вами на память, — воскликнула она и, заметив проходящего мимо молодого парня, попросила: — Слушай, Балабаш, сфотографируй нас. Нажмешь вот на эту кнопку.

Тот охотно согласился. И тогда они встали перед объективом все вместе — Арсен и Элес в середине, а те двое по бокам с конями на поводу. Стоя бок о бок, Арсен сразу уловил гибкость и ласковость ее тела и успел теснее прижаться к Элес, а она не отклонилась, тоже прильнула на секунду. Когда паренек щелкнул фотоаппаратом, Арсен поспешно сказал:

— Спасибо, Балабаш, но давай еще разок, повтори. — И опять они слились в мгновении магнетизма...

Потом они разглядывали, что получилось. Элес очень довольна была:

— Ой, как хорошо вышло, Арсен-ага, как по заказу, никогда и не мечталось о таком!

Разглядывая изображение на экранчике, Арсен спросил:

— Как насчет фотографии, Элес, можно будет получить? Где?

— Конечно, Арсен-ага, постараюсь сделать на днях. Вы еще не уезжаете?

— Пока нет, мы тут “мерген-бизнесом” занимаемся.

— Я тоже буду эти дни здесь. В “Мергене” попросили фотографии сделать для фирмы и для гостей. И еще сам шеф дал задание, чтобы для гостей, когда они вернутся с гор после большой охоты, устроить айльные песнопения. Девушки будут петь. Из Тюмен-аила прибудет акын Баялы. И я хочу спеть одну песенку. Но я пою под гитару.

— Вот как? Значит, концерт будет? Получится — так послушаем и мы.

И они пошли дальше вместе. Арсен спросил между прочим:

— Элес, а ты что, профессиональный фотограф?

— Ой, нет, не совсем. Я бывшая библиотечкара. Училась когда-то в пединституте. У нас был свой автобус, на котором мы развозили по области нужные книги, автобус свой называли библиобус. Ну а потом все прекратилось. Библиобус приватизировали. Зарплата — сами понимаете. На пятнадцать долларов в месяц не проживешь, вот и пришлось другими делами заняться.

— Понятно, — пробормотал Арсен, а Таштанафган глянул на него очень многозначительно, безусловно, желая сказать: видишь, мол, как обстоят дела? Пятнадцать долларов люди получают, а тут двадцать миллионов грядет, а ты артачишься!

Орозкул уже уехал, Арсен Саманчин удивлялся, что Таштанафган не садится на коня, чтобы побыстрее приехать к шефу Бектуру. Но тот не спешил. Ну и пусть, думалось Арсену. Не хотелось вспоминать то, что произошло между ними совсем недавно, слова не находил тому. Если в колодець упадут двое, как они выберутся оттуда, если один вниз тянет, а другой — вверх?

Неужели Элес интуитивно почувствовала нечто и появилась вдруг, чтобы облегчить, сама того не ведая, страдания его — одинокого, отверженного, обреченного, оказавшегося в этой ситуации не по своей воле? Как было избавиться ему от назойливого преследования судьбы? “Прочь, подальше отсюда и не думать”, — в отчаянии убеждал он себя, пытаясь отрешиться от терзающих душу переживаний, и еще больше проникался прибывающей верой в то, что Элес, случайно оказавшаяся рядом и ничего не подозревающая, появилась, чтобы спасти его... По дороге она охотно рассказывала ему, что занимается оптовой челночной торговлей. Ездит на поезде от Аулиеаты до Саратова, потом самолетом — до Москвы, покупает там оптом разные ходовые товары за одну цену, привозит и продает торговцам за другую. Имеет десять—пятнадцать процентов выгоды, так и перебивается. Здоровье пока позволяет. И все, что она рассказывала ему, почему-то действовало на него успокаивающе. Почему и как, что с ним вдруг произошло, объяснить себе Арсен Саманчин не мог. Почему так влекло его к ней, к этой обаятельной, неожиданно встретившейся только что женщине? Он еще ее не знал, но увидел в ней обещание любви и защиту — защиту, дарованную в момент, когда ему было остро необходимо остаться самим собой, не потерять себя из-за страха и слабости. Сейчас ему хотелось, чтобы сели они в его “Ниву” и укатили в город — как раз к полуночи, глядь, и прибыли бы. А там огни, музыка... Но пока они шли по деревенской улице, и все встречало их добром — собаки выбегали, дымились летние трубы, хозяева выплядывали из дворов, приветливо здоровались... Единственное, что успел сказать ей Арсен, пока шли они к бывшей колхозной конторе, это чтобы она обращалась к нему на “ты”: разница в возрасте не такая уж большая, потому удобней, когда оба говорят друг другу “ты”. И еще успел спросить уже перед входом в офис, долго ли она пробудет здесь. Элес ответила:

— Я буду тебя ждать, Арсен, столько, сколько надо.

А он:

— Хорошо, что ты есть...

Народу в офисе и во дворе и на улице было полным-полно. Весь аил жил предстоящим событием — ожиданием зарубежных охотников. Ажиотаж царил необыкновенный. Детвора носилась перед конторой взад-вперед. И рассказывали, что приверженец тенгрианской

религии уговаривал близких ему людей совершить молебен, обращенный к горам Узенгилешским, с тем чтобы горные ветры способствовали охоте — чтобы выгоняли из логова снежных барсов. Аильный мулла не преминул укорить тенгрианца: обращаться следует к Всевышнему, к Аллаху, а не к ветрам. Но все это, как говорится, вокруг да около. В фирме же “Мерген” во главе с шефом Бектуром проводили совещание не только по подготовке к самой охоте, но и по размещению и обслуживанию принцевых свит. Старики с удовольствием отмечали, что после колхозных собраний, в которых участвовали обычно все мужчины и женщины, но, к сожалению, канувших уже в историческое прошлое вместе с достопамятным социализмом, это первое в аиле подобное мероприятие. И шутили, что устроен такой сбор “по указанию” великих снежных барсов.

Кто-то занимался делом, а кто-то из любопытства околачивался вблизи — вдруг и он сгодится на что-нибудь. Арсену Саманчину нравилась такая атмосфера. Со многими односельчанами он давно не виделся и вот теперь встретился. Одно лишь смущало и внутренне угнетало — то, что отношение односельчан к Таштанафгану было очень радушным, он пользовался у них популярностью и авторитетом. И вел он себя соответственно: словно бы и не таил в себе ничего такого, что скоро повергнет в шок всех здесь присутствующих. И совсем не смешно было Арсену, когда ему пропели частушку, которую сочинили про Таштанафгана аильские женщины:

Эй, Афган, эй, Афган,
Подари мне караван.
С караваном я пойду,
Деток тебе нарожу,
Ни копейки не возьму,
Только дай мне на еду.
Эх, караван, эх, караван,
Эй, Афган, эй, Афган...

Да, подумалось Арсену Саманчину, хорошо бы, чтобы эти безобидные шуточки аильные не обратились для вас другими, трагическими фольклорными жанрами...

И в этой пока еще благополучной, но подспудно уже таившей в себе неслыханную для здешних мест угрозу атмосфере, “чудесное” (так он определил для себя) появление Элес и то, как влюбился он в нее, сколь ни банально это звучит, с первого взгляда, с первой минуты, воспринималось Арсеном Саманчиным как особый знак судьбы, явленный именно в тот момент, когда затянувшееся одиночество выжгло его душу, превратив ее в безжизненную пустыню. Так расценил он эту встречу, ставшую для него действительно спасительной в событиях того дня. А для его односельчан в этом эпизоде не было ничего приметного, бросающегося в глаза, они не обратили на него даже мимолетного внимания, не придали ему ни малейшего значения. Элес постоянно бывала здесь у сестры, была для них своя, из ближайшего соседнего селения — Тюмен-аил, то есть Нижний аил (не отсюда ли, подумалось ему, происходит и название Тюменского края в Сибири).

Обсуждая охотничьи дела с дядюшкой своим — бородатым шефом Бектуром, Арсен умудрялся нет-нет да и подумать всерьез, не выйти ли сейчас на улицу, не окликнуть ли Элес, не взять ли за руку, добежать до сестринского двора, сесть в “Ниву” и укатить вместе с ней через горы и долины в город, в свой мир, в свою стихию, не чуждые, судя по всему, и для нее? И еще что мельком отметил он про себя с удивлением — и Айдана, и ее зловещий шеф Курчал почему-то вмиг забылись, угасли в сознании, не до них стало... Должно быть, и кумиры меркнут, и враги уходят в тень...

Вот если бы и впрямь укатили они вместе с Элес в город, как в океане на маленькой лодке, качались бы на волнах музыки и огней, вот было бы счастье! Стоп! А как же обещание, данное дяде, родственник долг, ради которого он прибыл сюда? Нет-нет, никуда ни шагу. А тут еще Таштанафган и иностранные заложники, которым он уготовил пещеру. Пока это лишь угроза, но чем она обернется завтра? Как тут быть? И никому нет дела... Знали бы...

* * *

Было, однако, кому переживать и мучиться, исходя стонами, томясь одиночеством и страхом. То был Жаабарс под Узенгилешским

перевалом. В последние дни все чаще стали появляться здесь какие-то верховые, высматривающие что-то, поднося к глазам бинокли, и умеющие выкрикивать в трубы так, что содрогались горы вокруг. Вот и теперь прискакали трое на конях. Опять высматривают что-то, перекликаются... А он нет бы скрыться куда-нибудь — не уходит, поводя огромной головой и вскидывая на спину хвост до загривка... Знал бы Жаабарс, что конники заприметили его, называют между собой “башкастый-хвостатый”. Вон он, мол, все там же бродит...

И тогда зарычал Жаабарс глухим стоном: “Зачем, зачем, вы здесь? Что вам тут надо? Не мешайте, скоро горы рухнут, и вам тоже будет худо...”

* * *

Ближе к вечеру Арсен Саманчин все же не устоял, очень хотелось ему удалиться-уединиться с Элес. Выяснилось в разговоре с шефом, что вечер будет относительно свободным, что постоянное присутствие и переводческая работа начнутся на другой день. С утра предстояло им выезжать вместе в Аулиеатинский аэропорт для встречи подготовительной группы и кинооператоров. А еще через день — уже самих арабских принцев. Договорились по деталям, которые Арсен занес к себе в блокнот и пошел было на выход, когда его догнал Таштанафган:

— Слушай, Арсен, ты, если уходишь, запомни — завтра приведут тебе коня твоего, чтобы во дворе у сестры твоей находился. В любое время под седлом...

— Хорошо, пусть приводят. Я уже поездил на нем верхом.

— А когда тебе оружие привезти? Винтовка полагается, и еще о пистолете ты спрашивал, тоже будет, автомат тоже выдадим. И еще тот самый громкоговоритель, репродуктор, о котором мы уже говорили.

— Пусть лучше не сегодня, а завтра привезут. К вечеру, часам примерно к шести, когда мы вернемся с шефом из Аулиеаты. И чтобы оружие лично мне в руки передали.

— Ну, конечно, лично в руки. По распоряжению шефа, под расписку. А ты как думал? Да, Арсен, и еще вот самое главное. Давай-

ка отойдем в сторону.

Они зашли за угол и стали медленно прохаживаться там взад и вперед.

— Так вот, самое главное, — начал Таштанафган, — сейчас мы разойдемся и увидимся, пожалуй, уже в горах, на Молоташе. Ты туда с принцами прибудешь, а мы уже там обоснуемся. Надо побродить, полазить по скалам, где на конях, где пешком. Но как только я надену свою военную фуражку с красным околышем — она у меня еще с Афганистана осталась, я уже говорил тебе о ней, — тогда выполняй все, как будет приказано. Не забудь: фуражка на голове — это приказ.

У Арсена Саманчина в ушах зазвенело, кровь прилила к голове:

— Слушай, ты подумай: что ты устроишь! Остановись, пока не поздно.

— Ты что! Тебе жалко двадцати миллионов этих мировых паразитов для наших пастухов?

— Распределение должно не так происходить.

— Ну да, через революции, через реформы, и тоже — кто сколько нахапает. Буду я ждать!

— А то, что ты хочешь устроить, — это теракт! Пойми наконец!

— Ну и пусть! Мы берем свою долю.

— Не будем сейчас дискутировать. То, что ты задумал, — полная катастрофа для всех нас. У них свои охранники, кровопролития не избежать.

— Не беспокойся, в любом случае тебя мы не тронем, если ты переведешь на английский то, что мы скажем.

— Я не о себе. Скажу — не скажу. Послушай! Ну, не на дуэль же мне тебя вызывать.

— На дуэль — так на дуэль! Ты готов лишиться нас нашей доли от этого глобализма?

— Опять! Оставь ты глобализм в покое, даже если ты прав по своему.

— Ну что ж, если так, Арсен, подумай о своем, а я подумаю о своем. Время еще есть. Целых три дня. Фуражка моя приготовлена. Пока, до встречи. — И, уже уходя, Таштанафган добавил еще, обернувшись и теребя волосы на затылке: — Я знаю, как ты чувствуешь себя, вот если бы мы сейчас обматерили друг друга, чтобы на всю округу слышать, может, полегче бы стало. Но подумай и обо

мне, что со мной происходит. Утопиться хочется, а жить надо. А уж если жить, то жить безбедно, хватит, черт возьми, этим дьяволам измываться над нами! Детям в школу не в чем ходить, нищета, мы пастухами бродим, как те, кого вы в городе бомжами называете. Так пусть знают гады, которым вы в газетах зады лижете, пусть зарубят себе на носу: мы теперь будем их, богачей, за плотку хватать!

— И ты полагаешь, что в фуражке придешь — и айда, все схватишь-заладишь? Да проблем от этого только прибавится... Не тем глазом смотришь на мир.

— Ну и хрен с ними, с глазом, с проблемами... А фуражка будет на моей голове!

— Подумай, прежде чем надеть.

— Сам подумай. Ну, пока.

С тем и разошлись, еще больше озабоченные и раздраженные, так и не найдя взаимопонимания и согласия между собой. Однако интуитивно осознавали они взаимную обреченность свою, предчувствовали, каким будет исход того, чему предстояло произойти там, в глубине Тянь-Шанских гор, где обитали в ущельях, балках и лощинах те самые снежные барсы, которые тоже могли оказаться невольными сопричастными акции захвата. Но откуда было знать об этом снежным барсам, даже если бы дано было им думать и судить?..

Впрочем, не думалось ни о чем подобном в тот момент и Арсену Саманчину. Возможно, поддавшись мимолетной иллюзии, оставшись один, он облегченно вздохнул, глубоко и отрадно, точно бы вырвался в то мгновение на поверхность с опасной глубины, и ощутил упоение новых страстей. Но разве любовь может возникнуть так внезапно, без предыстории, нахлынуть в одночасье? Или это скорая помощь судьбы для души его, над которой нависла дикая угроза соучастия в теракте?

А Элес как знала, что с ним творится, ждала его, сама окликнула в окошко:

— Я здесь, Арсен!

Оказалось, только это ему и требовалось. С полуслова поняв друг друга, они сразу решили, что она сейчас пойдет в сестринский дом, а Арсен сядет в “Ниву” и подъедет ко двору и отправятся они вместе куда-нибудь далеко, куда глаза глядят, погулять, побыть вместе. Что самое радостное — она разделяла его настрой. Когда Арсен подъехал

ко двору, Элес была уже готова, вышла улыбающаяся, с рюкзачком за спиной, а в руках держала еще гитару и плюшевое одеяло на плече.

И они поехали, сидя рядом, и всякий раз, взглядывая друг на друга, испытывали прилив счастья. Верная “Нива” несла их на счастливых колесах по счастливой дороге, и весь мир, оставаясь прежним, стал иным, недоступным для обыденного восприятия. А они любовались и восхищались им. В нем, в этом изменившемся мире, все представало в другом освещении, как если бы живописную картину подсветили с разных точек таким образом, что изображение на ней ожило.

Опьяненные нахлынувшим счастьем, они с восторгом смотрели вокруг, точно были детьми, а не взрослыми людьми — ей за двадцать пять, ему хорошо за тридцать, — уже повидавшими много и добра, и зла, прошедшими через свадьбы, скандалы и разводы, а теперь освободившимися от прошлого и возродившимися к новой жизни. Как наивные юнцы, они не ведали сейчас ничего, кроме охватившей их любовной страсти. Это была не иллюзия, не самообман, а то, что дается судьбой однажды как озарение духа и плоти. И потому все видимое, поблизости и в отдалении, хребты и просторы, солнце и река и счастливо стелившаяся под колесами дорога были в тот час и велики, и уютны для них лишь потому, что катили они вместе куда глаза глядят. И оттого, что Элес сидела рядом, излучая нежность, Арсен Саманчин приходил к выводу, что если любовь обоюдна, то высшая справедливость жизни, бдящая за судьбами людскими, состоит именно в ней. Считается, что романтизм без трагедии наивен и потому обманчив. Ничего подобного, у романтизма иной тип восприятия: иное солнце, иное небо, быть может, оно и есть “седьмое небо”, даже бабочки, счастливо порхающие вокруг, иные. Но прозреть этот иной мир дано лишь тем, кому даровано любить. Не зря сказано, что любовь — это озарение души.

Словно тяжкий груз упал с плеч Арсена, и сам он удивлялся тому, как это могло случиться. Так страдать, так бичевать себя, так исходить ненавистью к этому дьяволу Эрташу Курчалу из-за Айданы... Оказаться обреченным заложником дерзкого и зловещего замысла Ташафгана... И вдруг забыть все, что было в жизни до того, с Элес, которая в одночасье стала неотъемлемой частью его самого. Видать, послана она была ему во спасение, чтобы отвести от края пропасти.

Безоговорочно разделяя его поэтический настрой, захмелев от счастья и нисколько этим не смущаясь, Элес сказала:

— Смотри, Арсен, эти горы ждали любви моей, и потому я так часто приезжала сюда. И тоже ждала, хотя не могла поверить, что так будет... Ведь здесь, у нас в аилах, существует поверье, что в горах этих та самая Вечная невеста бродит.

— Не говори, Элес, а то расплачусь!

— Ой, руль держи покрепче! — рассмеялась она. — Как хорошо мы едем!

Если влюбленные счастливы, то совершенно неважно, что было в их жизни до того. Все аннулируется и сдается в архив закрытых дел, ибо жизнь начинается заново, с новой точки отсчета, — так думал Арсен. Только бы не сплзнуть!

Однако как ни упивался он подобным идеализмом, нет-нет да и закрадывалась мысль, что за счастьем неустанно наблюдает недремлющее око трагедии. И выходит, что безмятежного счастья не бывает. Вот и теперь то и дело возвращалось к нему нешуточное беспокойство: что будет с арабскими принцами? А если на самом деле возьмет их в заложники Таштанафган? Попробую еще отговорить, а нет — что делать? Встать на защиту с автоматом (шеф Бектур обещал давеча вручить и ему автомат)? Перестрелять похитителей и самому быть пристреленным? Во все времена бедные, а их в миллионы раз больше, не приемлют богатых, ненавидят их. Но вот парадокс — все хотят при этом быть миллиардерами. Впрочем, думать можно что угодно, но что делать, как быть? Мы все повязаны одним арканом. Людям Ташафгана терять нечего, настроились они по-бандитски. На все пойдут ради денег сумасшедших. Озверели. Но у зверей добыча от природы. А у таких, как они, — от преступлений. Как говорит Таштанафган, не жди, хватай, пока не поздно! Эх, черт возьми, бывший дружок-одноклассник озверел от Афгана, а теперь ненавидит глобализацию, готов кого угодно угробить. Тьфу ты! Забудь, наплевать на все!.. Другая жизнь внезапно вошла в оборот, став для него в тот день новой реальностью.

Поначалу они побывали на единственной местной бензоколонке, располагавшейся на окраине аила, где жила ее другая сестра и куда Элес часто навещалась в периоды челночных передвижений. Подзаправили “Ниву” и дальше покатали. Выезжая на дорогу, Арсен

Саманчин вдруг повернул машину так, как если бы собирались они ехать между гор в направлении городской трассы. Притормозил, остановился на минуту и призадумался молча.

— Что случилось, Арсен? — поинтересовалась Элес. — Мы едем в ту сторону?

Он промолчал, потом помотал головой, улыбнулся и, глядя ей прямо в глаза, произнес то ли в шутку, то ли всерьез:

— Если ты не против, Элес, я хочу увезти тебя в город!

— Вот как?

— Да, похитить тебя хочу, как в старые времена. Что думаешь?

— А зачем?

— Хочу, чтобы мы были вместе.

— Журналист-похититель! Выходит, я уже похищена вместе со своей гитарой? — засмеялась радостно Элес. — Здорово! Мечта! Тогда рули давай! А то машина не знает, куда ей путь держать!

— Значит, договорились? Но пока что побудем здесь, в горах, как хотели. — И с этими словами Арсен Саманчин лихо развернул “Ниву” в сторону ближайшего ущелья, к роще у реки.

А дальше все напоминало мелькание кинокадров. Так быстро прибыли они на благословенное место. Так быстро расположились, не забыв гитару захватить из машины. Солнце тем временем начинало клониться к предвечерью, сиреневые тона зарождались между горами, обещая первую прохладу. Лето вступило в пору уверенной в себе зрелости. Горная река стремительно бежала по обкатанным веками валунам... Они быстро разожгли небольшой костерок из сухих веток кустарниковых. Элес была очень ловкая. Все у нее спорилось. Почти у самого берега под зелеными зарослями расстелили прихваченное ею одеяло и, вмиг скинув одежды, утонули друг в друге, вместе, обнявшись, взмыли в чистое небо, которое льнуло к ним и любовалось ими. А они были уже не здесь, а в самом космосе, головокружительном и бесконечном, потом разом вновь возвращались на землю, где все, что их окружало в природе, каждая травинка и каждый лист, находились в движении вместе с ними: ветки над головами то склонялись к ним, то поднимались, цветы вокруг то опрокидывались навзничь порывистым ветром, то замирали, умиряясь в тихой гармонии... Природа была соучастницей их любви. Особенно созвучной ей казалась симфония горной реки, бурно

сбегавшей по сверкающим камням крутого русла. Река шумела, бурлила, ухала, стонала, замирала вдруг всем течением на мгновение и снова в эротическом экстазе смыкалась с берегами. А солнце все еще сияло в вышине, озаряя пламенеющим светом горные хребты. Птицы застывали в полете, умолкая, и даже пробежавшие мимо суслики останавливались, крутили головками и, наострив ушки, восхищенно смотрели посверкивающими глазками. А влюбленные, наслаждаясь отпущенным им мигом в раю, время от времени отрывались друг от друга, взявшись за руки, подбегали к речке, окунались в ее бурное течение, обрызгивали друг друга живой водой, и так прекрасны были они телами, так веселы лицами! Потом снова опускались на свое райское ложе под сенью деревьев, и солнце тоже словно бы присаживалось на краю гор...

А Вечная невеста, сердцем учуяв их счастье, бежала к ним, перелетая с горы на гору, и, услышав, как Элес запела под свою гитару, приостановилась на вершине, заслушалась и заплакала, приговаривая шепотом: “Я тоже мечтала об этом... Где ты, где ты, мой охотник? Когда же я найду тебя?”

Утомившись, они присели и о многом поговорили всерьез, не касаясь при этом ничего из прошлой своей жизни. Для них отныне время отсчитывалось с этого дня, с этого часа. Начали с шутки.

— А знаешь, — сказал Арсен, — я хочу, чтобы это ущелье теперь называлось Ущельем Элес! Как ты на это смотришь? Я сделаю такое предложение географическому ведомству.

— Попробуй, Арсен, посмотрим, чья возьмет, потому как я тоже собираюсь сделать предложение назвать это ущелье Ущельем Арсен! Мы с тобой сегодня как дети. А давай я буду звать тебя Арсенбек, а ты меня — Элесгуль, так меня звали прежде, в детстве.

О многом успели они потолковать, даже о политике, какой бы неуместной ни казалась эта тема в столь интимной обстановке. Но вездесущая политика сегодня никого не обходит стороной, и сам собой возник разговор о том, что нет нынче спроса на продукцию полеводства и животноводства, а потому в сельской местности бедность, безработица, а раз безработица — всякие дурные дела: и воровство, и пьянство, и наркотиками стали баловаться. От такой безысходности и ухватились люди за бизнес охотничьей фирмы “Мерген” — здесь работа, здесь оплата. Многим на руку. Радуются

земляки, что богатые охотники-иностранцы прибывают. Возражать — значит огорчать своих, говорила Элес: скажут, сама шмотничает, челночничает, что-то зарабатывает, а нам что, немного заработать нельзя? Дядя твой большой, деловой человек, скольким людям добро делает. Только вот, что будет завтра?

— Я хоть и сама прискакала сюда, как только позвали, но душа болит, Арсен, — продолжала она. — На, поддержи гитару, так бы и пела тебе всю жизнь, — говорила она перед тем, как они собрались возвращаться в Туюк-Джар. — Мы ведь так любим говорить об экологии, а сами...

— Да, ты права, Элес, понимаю тебя, сам переживаю, — согласился с ней Арсен. — Столько об этом талдычим — эпос можно сложить, а как только деньгами запахнет, готовы на все, какая уж тут экология. Ты-то напрасно себя коришь, ты тут ни при чем, ты же не в охоте самой, а в увеселениях только поучаствуешь с гитарой. А мне напрямую придется включиться в это охотничье дело, слово дал нашему шефу Бектуру, потому как родственный долг — отступить некуда.

— Понимаю тебя, Арсен, милый. Обними меня, мне так хорошо! — Они снова стали целоваться. — Но ведь даже если бы ты отказался, не приехал сюда в горы, все равно... Казан варился бы и без тебя.

— Постой-постой! Бог с ним, с “мергеновским” бизнесом, но я-то, выходит, догадывался, знал, что встречу тебя! Получается, я прибыл ради тебя, Элес.

— Ох, как я ждала, что ты это скажешь! Я тоже оказалась здесь ради тебя, Арсен! Так получается.

— Да, и тут как раз поговорка “нет худа без добра” справедлива. А благодарить надо, если уж на то пошло, наших снежных барсов, это они собрали нас здесь, — рассмеялся он.

— И впрямь — барсам спасибо! — Они снова обнялись и начали целоваться. — Слушай, Арсен, а знаешь, ты ведь барс, а я — барсиха!

— А что? Так оно и есть!

И тут его внезапно пронзила страшная мысль, от которой он замер на миг в ужасе: “Так что же с нами будет, если и мы барсы?”

Шуточная фраза Элес послужила толчком к весьма важному разговору. В последние дни Элес была очень озабочена в душе, хотя

ни с кем не разговаривала о том, что охотничий бизнес стал в горном аиле чуть ли не главным способом существования. Производство сельхозпродукции уже не имело для жителей такого значения, как охота на диких животных. Если так пойдет и дальше, за несколько лет охотничьего бизнеса вся живность исчезнет в горах, до последней куропатки. На кого же будут охотиться тогда люди, уничтожив всех, в том числе и в первую очередь снежных барсов, и не наладив в новых рыночных условиях местного товарного производства?

— Я очень переживаю, Арсен, но сказать об этом никому не смею. Даже, знаешь, хотела выйти к приезду арабских охотников с плакатами: “Руки прочь от наших снежных барсов! Оставьте барсов в покое! Барсы живут сами по себе, не трогайте наших зверей!” Но и думать об этом нельзя — свои же всем аилом забросают камнями, не позволят срывать такой бизнес! Ведь кроме организации охоты для иностранцев у них ничего не осталось! Нет, не поймут они и не пощадят. Правда, Арсен?

— Да, сейчас это так, согласен. Но в следующий раз отважиться на такое дело стоит. Должен же быть противовес этой бизнес-охоте. Даже в Афганистане ищут теперь альтернативные агрокультуры, чтобы вытеснить наркоплантации. Об этом сейчас много пишут.

— Арсен, ты прости, что я завела такой разговор, неуместный, наверное, когда ты открыл для меня дверь в счастье и мы так сошлись душами. Но понимаешь, я ведь по делам своим челночным бываю в разных местах и вижу, что все как-то приспособляются к рыночной экономике, но не так варварски, как мы здесь у себя в горах. Ну, пожнем мы сегодня свой урожай за счет иностранцев, а дальше что? Будем только охотиться, перестанем трудиться — окажемся скоро в пустоте, среди мертвой природы. Извини... Заговорила. Я тебя люблю... Ты веришь?

— Верю! И не за что тебе извиняться, Элес. Разговор стоящий, и я еще многое мог бы добавить, но отложим пока... Поехали, уже вечерет. О деле еще поговорим. А то, что мы любим друг друга, теперь это вновь зазвучавшая музыка моей жизни.

— А давай, Арсен, я сяду сзади с гитарой, чтобы не мешать тебе рулить, и буду наигрывать негромко разные мелодии, старинные и новые. Идет?

— Еще как! Пусть это будет концерт для меня одного. Буду слушать, думать и... благодарить судьбу.

— За что?

— За тебя, Элес!..

Ах, если бы она знала, что тут — не подмости, если бы ведала, чего стоило ему, Арсену Саманчину, сдержаться, не рассказать ей о том, какой страшный замысел созрел у барсовых загонщиков, о том, что фанатичный антиглобалист Таштанафган уже изготовился надеть свою военную фуражку и тем самым дать сигнал-приказ о захвате заложников, о том, чем все это может обернуться на деле и чем кончиться... И о том, в какой ловушке оказался он сам. Вряд ли капкан разомкнется... Проклятый охотничий бизнес! Повязал всех — и людей, и зверей — в один узел не на жизнь, а на смерть. Но даже в пылу любовных откровений не посмел он поведать об этом...

А день клонился к исходу. И если правда, что природа благоволит влюбленным, то они ощутили это на себе. На обратном пути в награду за любовь им сопутствовала вся благодать окружающего мира.

Предвечерние горы встречали завершение дня в безмятежном покое и величии, неуловимо обволакиваясь ранними сумерками, постепенно смягчаясь в очертаниях, умеряя резкость и строгость скалистых выступов. А над хребтами в чистом небе клубились в завораживающей неге белые-белые облака. Не было в тот день ни ветра, ни дождя, ни чрезмерной жары. Поистине чудесный, неповторимый день выдался им на счастье.

Спустившись в низину, “Нива” катилась без поспешности, торопиться не следовало — очарованной паре хотелось продлить прогулку, оказавшуюся для нее не просто вольным времяпрепровождением, а ниспосланным небесами свиданием, настолько желанным для обоих и настолько значимым, что все бывшее враз выпало из контекста их жизни, — нынешний день знаменовал начало новой. К добру ли это было? И что предстояло им впереди, буквально с завтрашнего дня? Но об этом они пока не думали — в любовной своей эйфории перед близким расставанием они вообще не могли думать ни о чем, кроме внезапно обретенного счастья.

Элес негромко наигрывала на гитаре, сидя на заднем сиденье, а Арсен, слушая знакомые мелодии, вел свою “Ниву” по дороге, множество раз езженной, но казавшейся сейчас незнакомой, потому

как ехал он по ней новым человеком, впервые вместе с возлюбленной, и, возможно, поэтому не хотелось ему отвлекаться и вдаваться в серьезные размышления. Время от времени они перебрасывались шутками, прекрасно понимая друг друга с полуслова.

— А что если я поверну машину, и мы уедем в город? Ты как? — спросил Арсен, на секунду обернувшись.

Элес придвинулась ближе и негромко ответила, почти прошептала:

— На любом километре!

В этом благостном настроении Арсен Саманчин удивился одному странному обстоятельству: неотступно преследовавшие его злонамеренные мысли о мщении постепенно отступили, ему захотелось — от греха подальше — забыть о них навсегда. “Пошел он этот Курчал! Могу, могу я прожить и без нее, без Айданы зазвездившейся. Каким же ничтожным сумасбродом я был. Все! Точка! Есть у жизни другие радости”, — подумалось ему. И еще: “А вот Вечная невеста все равно не забудется. Но теперь, пожалуй, я смогу с новыми силами взяться за дело...”

Серьезно и основательно задумывался Арсен Саманчин и о том, чтобы жениться на Элес. Судя по всему, они подходили друг другу характерами и взглядами на жизнь. Она женщина достаточно начитанная, тактичная и собой хороша; надо полагать, очень энергичная, если промышляет челночеством. Тут не рассядешься как купчиха за самоваром. И, кстати, избавился бы от упреков и недовольства родственников. Особенно порадовались бы шеф Бектур-ага — “дядюшка Черчилль”, как иногда называли его в аиле, — братец Ардак и другие двоюродные и троюродные родичи. Но самое, разумеется, главное — насколько она сама, Элес, готова к такому повороту судьбы. Ведь у нее могут быть свои проблемы. Первое слово за ним, как за мужчиной. Он должен просить руки...

Конечно, можно было бы обмолвиться об этом — не в шутку, как давеча, а всерьез — уже сейчас, пока они остаются здесь по делам фирмы “Мерген”, размышлял он, прислушиваясь к наигрышам Элес. Однако жизнь, всегда требующая мзды за счастье, выставляла свой шлагбаум на пути его намерений. Как ни старался Арсен Саманчин запретить себе думать о том, что готовилось Таштанафганом и его подельниками, напрочь отрешиться от этих мыслей не удавалось, хотя

и пытался он убедить себя, что Таштанафган опомнится, не посмеет решиться на такую неслыханную авантюру, несмотря на маячащую впереди многомиллионную добычу, сумеет превозмочь желание воспользоваться шансом, пусть выпадающим лишь раз в жизни, и осознает не только то, какие беды навлечет на родное селение, но и то, как пострадает репутация его страны.

Звучит банально, но каждый раз, когда приходится решать сложные личные проблемы, убеждаешься: как все-таки странно устроен наш мир. От сотворения спеленатый противоречиями, он путается в них вечно.

Таштанафган представляет себя антиглобалистом. Но антиглобализм для него — способ террора. Нашел себе, видишь ли, оправдание. Марксисты его поддержали бы. Не зря он как-то сказал, что в горах должен появиться свой Че Гевара. Но куда ему до Че Гевары! И попробуй переубеди, когда долларовой сель готов снести на своем пути любые идеи и принципы. Запутались бедолаги. Понятно, кому хочется весь век прозябать в нищете!

Ну, все, хватит! Плюнуть на все и исчезнуть! А куда? Свою шкуру спасешь, а как быть другим? И приходили в голову самые невероятные идеи. Чтобы повеселить Элес, он, притормозив машину, с притворной серьезностью произнес:

— А что бы ты сказала, если бы по каким-то причинам я остался жить в горах, отшельником в пещере?

Элес не растерялась и, прижавшись сзади к его плечу, ответила:

— Если вместе — я готова!

— Это очень серьезно, Элес. Переходи сюда, ко мне, поговорим, пока осталось еще километров десять.

Он остановил “Ниву”, Элес быстро выскочила, пересела на переднее сиденье, и сразу стало еще теплей у него на душе.

— А что, ты вправду мечтаешь пожить в пещере?

— Кто его знает? Лучше скажи, как ты сразу отважилась поселиться там вместе со мной? Первобытного житья не боишься?

— А ты разве не замечаешь, Арсен, что я очень-очень хочу тебе понравиться?

— А я — тебе.

— Ну а раз так, будем жить в горах, как только что возле речки, любовью заниматься, купаться в ручьях... Но ты мне все же скажи, в

пещере когда заживем, чем ты будешь заниматься?

— Медитацией. Лекции тебе стану читать. Есть такое учение — тенгрианство. Его приверженцы поклоняются небу.

— Вот узнают об этом муллы здешние — придут и завалят тебе выход из пещеры. И что тогда? Но один ты там не останешься, я буду рядом.

— Ну, тогда беспокоиться не о чем. А у мулл своих дел по горло. Какое им дело до какого-то отшельника, у них заботы вселенские.

— А моя забота будет только о тебе. Выходит, ты — моя Вселенная!

— И в чем же будет выражаться твоя забота?

— Я очень хочу, чтобы у нас был ребенок. Мальчик, которого я буду водить за ручку. На лекции твои пещерные, чтобы с детства слышал.

— Готов. И буду просить небо, чтобы так было. Ты прости меня, Элес, может, не к месту, но я хотел бы знать — у тебя были до этого дети?

Элес нисколько не смутилась — коротко ответила:

— Нет. Удавалось избегать.

— Больше не избегай.

— Не буду. Наоборот, тоже буду молить небо, чтобы послало нам славненького мальчугана.

— А если будет девочка, я обрадуюсь не меньше!

— Я тоже! Девочки с детства умнее бывают.

— Ну, ясное дело! Итак, все вопросы согласованы и, как говорят в таких случаях, осталось только подписать протокол о намерениях, — пошутил он.

— О замечательных намерениях! — подхватила она.

— Будем готовить протокол.

Вдали завиднелись окраины села. Уже стемнело, и повсюду светились огоньки. И тут вдруг раздался телефонный звонок.

— Ой, это мне! — встрепелась Элес и, перегнувшись на заднее сиденье, где лежала ее куртка, достала из кармана мобильник.

— Да? Это ты, Зейнеп? А, понимаешь, я была в горах, в таком месте, куда сигнал не проходит, а сейчас уже в Туюк-Джаре. Да, слушаю. Да-да, я ждала ответа на свой факс, и что там? На

девятнадцатое число? Так срочно? Хорошо, я подумаю и перезвоню. Да-да, обязательно, часа через два. Пока, Зейнеп.

Положив мобильник обратно в карман, Элес объяснила, что звонила из Чулгана, пригорода Аулиеаты, ее подруга по челночному бизнесу. Их четверо, Элес у них старшая, вроде бы как когда-то пионервожатая. В Саратове есть центр мелкооптовой торговли, куда предстоит им ехать. У них там контракт на закупку разных товаров, которые они развозят потом по здешним лавкам и мелким базарам.

— И что, надо ехать? — спросил он ее озабоченно. — Хочешь, я отвезу тебя?

— Да нет, не беспокойся. Мы поедем на поезде из Аулиеаты. Вот только я думала, что нас позовут в Саратов через неделю, а получается уже завтра надо выезжать.

Они замолчали. Арсен приостановил машину. В их краткую райскую жизнь-сказку внезапно вторглась повседневность. Казалось бы, что тут особенного, у каждого свои дела, свои заботы. Но они почувствовали себя так, будто рухнули с неба на землю. Впрочем, длилось это не больше минуты. Элес проявила деловитость:

— Я позвоню, Арсен, и уговорю своих партнерш, чтобы в этот раз они поехали в Саратов без меня.

Но Арсен не хотел создавать ей лишние сложности.

— Я не знаю всех деталей, Элес, но мне кажется, не стоит срывать договоренности.

— Арсен, — сказала она, коснувшись его плеча. — Ради нас я могу на все пойти.

Они уже понимали друг друга, как пара чаек над морем — по голосам, по малейшим движениям крыльев. И все-таки Арсен ощутил необходимость, прежде чем высадить ее у сестриного дома, сказать, вернее, намекнуть, что дальнейшую жизнь свою он уже без нее не мыслит. Но как только он выключил мотор, снова раздался телефонный звонок. На сей раз звонил мобильник Арсена. Оказалось — сам шеф. Поинтересовался, где он находится, и сообщил, что в Туюк-Джар прибыл сам аким Джаньшбаев — глава администрации района — в связи с подготовкой к встрече их высочеств, поскольку по протоколу полагается, чтобы таких знатных гостей встречал и приветствовал глава региона. И потому шеф требовал, чтобы Арсен

Саманчин прибыл без промедления в офис. Предстояло обговорить с самим акимом детали утренней поездки в Аулиеатинский аэропорт.

Так повседневность еще раз по-хозяйски вторглась в их очарованный мир. Пришлось поторапливаться. Договорились, что будут постоянно на телефонной связи. Арсен для проверки тут же набрал ее номер, и мобильник Элес зазвонил.

— Уважаемая Элес Батыровна, — произнес он подчеркнуто уважительно, — извините за беспокойство. Это некто Арсен Саманчин. Он будет вам постоянно названивать, поскольку без этого нет ему жизни. Что скажете, Элес Батыровна?

Элес Батыровна тихо рассмеялась в ответ:

— Да, уважаемый Арсен Саманчин, я сама буду вам названивать, буду жить от звонка к звонку. Спасибо, Мухабат Мухабатович — Любимый Любимович.

Отключив телефоны, они посмотрели друг другу в глаза, как если бы расставались навеки.

— Я буду ждать! — сказал на прощание Арсен Саманчин.

— И я буду ждать! — ответила Элес.

Он успел обежать машину и открыть ей дверцу, они оказались опять лицом к лицу в полутьме на краю двора. И в этот миг он окончательно убедился, что жить без нее уже не сможет. А она сказала:

— Мне так не хочется уезжать. Попробую уговорить подруг.

— Смотри, Элес. Если получится. А нет — я потерплю три-четыре дня. И без тебя отсюда не уеду.

— А может, мне прямо из Саратова в Бишкек приехать?

— Буду ждать на вокзале. Ты только звони. Если охота быстро завершится, это одно, если затянется — другое.

— Да, понимаю.

И они обнялись на прощание. Крепко и нежно.

И пока “Нива” Арсена Саманчина не скрылась из виду, Элес махала ей вслед рукой. А он не отрывал взгляда от бокового зеркала, в котором ее фигурка все уменьшалась, превращаясь в тень.

И лишь отъехав подальше, он вспомнил разом — и как в пропасть рухнул: а что же станется, если заложники будут-таки захвачены?! И ведь не скажешь никому, даже ей... Скажешь — сокрушающая лавина

сметет все на своем пути, от фирмы “Мерген” не останется и пылинки. Не скажешь — еще хуже... Как быть?

Когда Арсен Саманчин приехал в офис и направился в кабинет шефа, то в приемной среди помощников увидел и Таштанафгана. Тот поздоровался первым:

— Привет, Арсен, прибыл? Пошли, а то шеф заждался. — И как ни в чем не бывало взял его за руку. Перед дверью спросил: — Как звать акима знаешь? Имя, отчество?

— Нет, я с ним мало знаком.

— Корчубек Алтаевич. Джанышбаев Корчубек Алтаевич. Запомнил? И еще, слушай, оказывается, аким приготовил двух беркутов — принцам в подарок от акимата.

— Понятно. А ты как здесь оказался?

— Ну, как же, я ведь не просто загонщик, шеф всегда приглашает меня, когда такие важные дела.

— Ясно.

— Ну, как покатался с Элес?

— А твое какое дело?

— Да брось ты! Она девка хорошая, как раз для тебя.

С тем и вошли в кабинет. Как полагается, вначале Арсен Саманчин поздоровался с акимом — представительным полноватым мужчиной в костюме и при галстукe, с виду лет сорока с небольшим. Припомнилось, что прежде раза два где-то виделись они на каких-то конференциях. Потом поприветствовал дядюшку Бектура. Разговор начал сам аким:

— А мы тут поджидаем тебя, Арсен. Кое о чем потолковать надо.

— Я готов, Корчубек Алтаевич. Мое дело — главным образом переводческое. Синхронистом буду.

— Знаю-знаю. Без переводчика тут никак не обойтись. Однако ты для нас не только переводчик, Арсен. У тебя такой родственник — Бектурган-ага, Черчилль-ага! Гордись! Наш беке в прошлом и колхоз держал крепко, и теперь вся охота в его руках: от архаров до барсов. А от прессы ты и сам из ханов!

Все посмеялись шутке, потом пошел серьезный разговор. Высказывался главным образом аким.

Поначалу он решил посоветоваться — как лучше устроить церемонию дарения беркутов (арабские богатеи обожают орлов и

соколов горных и с удовольствием увозят узенгилешских ловчих птиц в свои края). Дарение совершается в торжественной обстановке: орел с кожаным капюшоном на голове преподносится на протянутой руке к руке гостя, одетой в кожаную рукавицу, чтобы, не дай бог, когтями не поцарапала птица почетного гостя. Вопрос состоял в том, как лучше — преподнести беркутов гостям при их прибытии в Туяк-Джар или при их отъезде после охоты? Таштанафган поспешил высказать мысль, что лучше не отвлекать принцев от главного, от охоты, а вручить подарок в конце, перед их отъездом, соблюдая все церемонии. Его поддержали и сам шеф Бектур, и все остальные. Аким Джанышбаев тоже согласился с этим доводом. Воодушевившись, Таштанафган разговорился — мол, дарение надо проводить по старинному обычаю, чтобы в момент передачи присутствовал шаман, который исполнит охотничьи заклинания.

— Есть у нас такие шаманы — камлать будут и про беркутов исполнят заклинания. Принцам наверняка захочется узнать, про что в них говорится, вот ты, Арсен, и переведешь на английский. Может, тебе заранее послушать какого-нибудь шамана, чтобы не запутаться в шаманской дребедени?

— Ладно, подумаю, — не без раздражения ответил Арсен Саманчин, не понимая, что происходит с Таштанафганом. “Неужто передумал? Вот была бы радость! А что если за нос водит?”

А Таштанафган словно чувствовал его смятение, еще больше сбивал с толку, стал рассказывать байку про одного несусветного шамана по прозвищу Шамалбаш — Ветреная голова.

— У нас в Туяк-Джаре, Корчубек Алтаевич, есть один шаман — другого такого нигде не сыскать. Бектур-ага, вы-то знаете про Шамалбаша. — Тот, улыбаясь, кивнул. — Да и ты, Арсен, слышал, наверное? В аиле все его знают, от мала до велика. Уж если он разойдется — спасу нет! Как начнет камлать! Пляшет, прыгает, хрипит, вопит:

Разве вы не видите,
Как падают горы?
Разве вы не видите,
Как валятся деревья?
Разве вы не видите,

Как вспять течет река?
Это я все делаю, я вершу,
И всех вас стадом погоню
И, как овец, в сараи загоню!
Мне в ноги падайте, валитесь,
А если нет, то не сердитесь.
Я — Шамалбаш, я все могу!
Я — Шамалбаш, я все могу!

Все засмеялись. Райаким Джанышбаев весело спросил:

— Так ты думаешь, что этого Шамалбаша их высочествам представить можно?

Но шеф Бектурган отреагировал решительно:

— И думать нечего! Ближко допускать нельзя! Шамалбаш будет дергаться, кричать, пугать, его бредни переводить придется. Как ты думаешь, Арсен, нужно такой сумбур устраивать?

— Перевести — не проблема. Но вручение беркутов — торжественная церемония, отвлекаться не стоит. Беркуты серьезные птицы, не попугаи же...

Все опять расхохотались. Ну а потом перешли непосредственно к делам. За окном уже спустилась ночь. Шеф Бектур, попыхивая “почерчилльски” сигарой, изложил к тому времени райакиму весь план, названный им почему-то “План Жаабарс”. Все записали себе в блокноты — “План Жаабарс”, отмечая пункт за пунктом: встреча гостей в аэропорту; сопровождение их в Туюк-Джар; ночевка в гостевых комнатах — охране предоставлялся на ночь кабинет, где они сейчас заседали; утренний подъем и подготовка к выезду в горы. А в горах готов уже небольшой лагерь — для принцев установлены особые палатки, предусмотрено все, что требуется для их удобства. Для продвижения до ущелья приготовлены автомашины, включая американский суперджип “Хаммер”, который будет доставлен из Катара на борту грузового самолета. Дальше, там, где дорога в горах для автомашин непроходима, все поедут верхом, кони уже готовы и соответствующим образом подкованы. Ну а на последнем этапе предстояло передвигаться пешком, лазать по скалам и укрытиям, но это было уже делом самих охотников-любителей. Всех

присутствовавших на встрече с райакимом очень порадовала информация, что предусмотрена оплата по всем статьям “Плана Жаабарс”, учтены все виды расходов, включая стоимость горючего, аренды лошадей, седел, сбруи, даже дров для костра. Это был настоящий бизнес-план, который произвел сильное впечатление на туюкджарцев. Теперь и они поняли, что значит рынок. Ни шагу без оплаты.

Настроение у всех сделалось приподнятое. А райаким Джанышбаев поинтересовался из любопытства у шефа Бектура:

— Беке аксакал, план получился очень продуманный, а откуда такое название — “Жаабарс”?

Попыхивая сигарой, шеф Бектур улыбнулся:

— Да песня такая есть насчет жаабарса, у нас тут все ее знают. Ты, Арсен, по-моему, даже в какой-то статье писал о ней?

— Да, беке, было дело, о фольклоре речь шла.

— Ну, так вот, дорогой Корчубек Алтаевич, припомнились такие слова из нее, сейчас попробую воспроизвести:

Летит Жаабарс в прыжке на гору,
Хватает Жаабарс добычу свою,
Добычей доволен всегда Жаабарс,
Природа дала ему силы запас.
Такую же мощь пожелаю для вас,
Пусть будет средь наших людей —
Свой Жаабарс, баатыр Жаабарс...

Райаким похлопал в ладоши:

— Вон, значит, откуда пошло! Очень занимательно! Так выходит, аксакал беке, вы сами и есть батыр Жаабарс?

Шеф Бектурган пожал плечами:

— Ну, это как сказать. Если по бизнесу, то, может, в наших краях что-то и удастся мне. Но настоящие Жаабарс-батыры — это молодежь. Вот наш Таштанафган — если снежных барсов отыщет и подгонит, то он и будет Жаабарс-батыром!

— Спасибо, спасибо! — бормотал довольный Таштанафган.

— А еще один наш Жаабарс-батыр — это вот, грамотей по всем языкам, Арсен! Мой племянник!

— Какой я Жаабарс! Я ассистент-переводчик на несколько дней, а переводчики батырами не бывают, — пытался отшутиться Арсен Саманчин.

Посмеялись. Атмосфера радушия и дружеской искренности свидетельствовала, что охота на снежных барсов уже в преддверии своем складывалась благоприятно. Оставался только выход на сцену главных действующих лиц — их высочеств, арабских принцев, двоюродных братьев Хасана и Мисира. А дальше видно будет, улыбнется ли им удача, ведь это тоже — как судьба распорядится, причем не только судьба охотников, но и судьба тех, на кого пойдет охота. Пока что все складывалось дельно.

Райаким Джанышбаев уезжал в благодушном настроении. Он решил, что приедет на встречу высоких гостей прямо в аэропорт, поприветствует там принцев от имени местного акимата, а торжественную церемонию вручения беркутов будет согласовывать по ходу, как он выразился, — неизвестно ведь, сколько дней займет охота.

— Что же касается ответной благодарности принцев, то это их дело, как сочтут нужным, гости есть гости, — учтиво пояснил шеф Бектур.

Все присутствовавшие вышли провожать акима. А тот сказал на прощание:

— Спасибо. Чай попили, поговорили, мне пора, уже девятый час. — Он глянул на часы. — Быстро пролетело время, потому что очень интересно и полезно было посоветоваться с вами. А ваш “План Жаабарс” — это, можно сказать, целая стратегия. Ну, пока, Бектур-аксакал, до встречи в аэропорту. Успехов вам!

Прощались, обнимаясь и пожимая друг другу руки. Дивился радушию своих земляков Арсен Саманчин, думалось, что бизнес и здесь играет свою роль. Ведь помимо прочего надеялись на щедрость гостей — нефтяных магнатов — и потому инстинктивно старались обозначить свою сопричастность делу все, включая и плаву местной администрации.

Но это в конце концов нормальная житейская ситуация. А вот поведение Таштанафгана удивляло. Он был настолько заинтересован, активен и почтителен, что никому бы и в голову не пришло, какую

авантюру он задумал — тоже “рыночную” в некотором роде. Уж не заговорила ли в нем совесть? “Дай Бог, чтобы все обернулось к добру”, — с надеждой подумал Арсен Саманчин. Однако тревога не покидала его, хотелось получить подтверждение, задать вопрос напрямую, но пока не получалось. К тому же беспокоился за Элес, собирався позвонить ей, но прежде надо было все же поговорить с Таштанафганом. Попрощавшись с райакимом и шефом Бектуром, Таштанафган направился к коновязи, где стоял и его конь. Арсен Саманчин подошел к нему в тот момент, когда он, отвязав лошадь, намеревался сесть в седло.

— Слушай, — остановил он его, — так что там насчет твоей военной фуражки? Будешь напяливать?

— Не беспокойся. Все будет как надо.

— А что значит — как надо?

— Я же тебе сказал: не беспокойся! Все! Я тороплюсь.

И Таштанафган отъехал, оставив своего одноклассника в недоумении. Как же следовало все это понимать? Ведь только что казалось, что он раскаялся, пал на колени, как говорится, перед небом, — настолько был любезен и учтив; и вот — не захотел даже поговорить. Отчасти, пожалуй, можно понять: нелегко ему дался отказ от взлелеянного плана, больших усилий воли это потребовало, так что сорвался малость. Ну, Бог с ним! Только бы одумался, пусть лучше станет Жаабарс-батыром на охоте.

Трудно было и самому Арсену Саманчину, неуютно чувствовал он себя, примиряясь с реальностью. Ведь никто даже не намекнул на вред, какой наносит подобный охотничий бизнес экологии. Плевать было всем. И сам он скромно помалкивал, будучи повязан близким родством с владельцем уникального и столь успешного бизнеса. Рыночная экономика ловит в свои сети не только самих людей, но и души их. Вот давеча шеф Бектурган рассказал им такую историю. Среди многих односельчан, приходивших днем поинтересоваться делами, побывал один местный чудак с парадоксальной идеей. Дескать, охота на снежных барсов — это мелочи. Давайте подумаем о другом, ведь можно и снег продавать в горах. Шеф Бектур подивился, что за галиматъя такая, а тот доказывает: все в нынешнем мире продается и покупается. Наш снег в горах — это вода в реках. Вся Центральная Азия зависит от наших вечных снегов. А ведь горы —

наши и снега, ледники — наши. Все поливы на равнинах, все урожаи, водопой не с неба же свалились! Все от нас! А раз так, давайте требовать плату за воду. Почему нефть, газ, разная там энергия продаются по таким бешеным ценам, и никому нет никаких поблажек, а мы за просто так отдаем свою воду, без которой не будет жизни в долинах, и никто даже спасибо не скажет? Они там, внизу, нас, горцев, за людей не считают. Так зачем за барсами гоняться? Пусть фирма “Мерген” не только охотничьими услугами, но и водой торгует, и нам всем будет от того прибыль. Вот такую, тоже ведь рыночную, идею излагал горячо и страстно этот человек. Пришлось успокаивать его и убеждать, что вода — божья благодать, всем предназначенная...

Случай этот был бы анекдотичен, если бы не имел в основе своей рыночные стандарты современности...

Размышляя так, Арсен Саманчин сел за руль и, не включая мотора, стал набирать номер Элес. Ее телефон был занят, значит, все еще переговаривалась с подругами по делам их челночным. Хотелось услышать ее голос. Думая о “Плане Жаабарс”, он отметил, что Элес была единственной из тех, с кем он общался в тот день, кому пришла в голову мысль выступить против варварской охоты на барсов. Правда, сама же она понимала, что односельчане не поймут ее, поскольку она посягала на их возможные заработки. И все же тот факт, что нашелся хоть один небезразличный человек, приносил облегчение. Арсену хотелось услышать ее и быть ею услышанным, он звонил, но не мог дозвониться.

Пора было возвращаться в сестрин дом, там его ждут. А завтра с утра — выезд с шефом Бектурганом в аэропорт, потом подготовка к прибытию главных персон, затем выдвижение в горы, сначала на колесах, дальше на конях, еще дальше пешее восхождение по кручам, щелям, сугробам к барсовым местам и, наконец — сама охота, отслеживание зверей с оружием в руках. Шеф Бектур отлично понимал все это и потому очень одобрительно относился к участию в деле Арсена. “Не каждый переводчик пригоден карабкаться по горам, а ты как раз в самой силе. В роду нашем джигиты всегда были крепкие. Дай Бог...” Пожалуй, он прав. Арсен был ровесником арабских принцев. Они, правда, натренированные альпинисты, ну ничего, посмотрим... “В общем, процесс пошел”, — припомнил

Арсен Саманчин горбачевскую фразу, подъезжая ко двору, и улыбнулся. А ведь любовь — тоже процесс. Стремительно начавшись, он находил свое продолжение в тревогах и переживаниях Элес.

Уговорить подруг по челночному бизнесу ехать без нее Элес не удалось. Отложить поездку в Саратов — тоже. Страдала Элес, не отлучаясь от телефона, без конца ставила его на подзарядку, боялась, что он отключится и лишит ее связи с любимым, ведь назавтра предстояло-таки отправляться в Саратов. Сколько же пришлось ей помотаться по свету! Сколько перетаскала она на себе битком набитых дешевым барахлом тяжелых баулов! Какие тяготы вынуждена была переносить, чтобы выжить в пути. Менты и таможенники буквально вырывали в поездах и на блокпостах последние копейки от выручки! И тем не менее никогда еще душа ее так не противилась очередному отъезду. Приходило в голову даже совершенно немислимое желание — к барсам в горы уйти, встретить там среди охотников своего возлюбленного и сказать ему, выступив навстречу, что ждала его и готова идти с ним хоть на край света. Однако в реальности она должна была исполнять свой долг перед подругами-напарницами. Они повсюду ездили вчетвером — Зейнеп и еще две женщины из соседних селений, только такой компанией они могли уберечься от бандитов: поодиночке немало челночниц пропадало. К тому же только у нее, у Элес, имелся официальный документ — пропуск через контрольные пункты, подруги значились ее помощницами. Так что не поехать она никак не могла.

Элес тихо плакала той ночью и молила Бога не лишать ее дарованного ей счастья...

И лишь когда раздался долгожданный звонок, когда снова окунулись они в стихию чувств, когда он рассказал ей о своих делах, а она ему — о своих и когда пообещали они друг другу скорую встречу, легче стало на душе...

* * *

Той ночью над горами светила полная луна. Именно к ней, к огромной луне, окруженной мириадами мелких звездочек в чистом небе, обращался громким рыком изгой Жаабарс. Жаловался луне на

тоску свою, но луна молчала в ответ. Ему бы уйти куда-нибудь, поближе к другим барсам прибиться, так нет же, все торчал он под Узенгилеш-Стремянным перевалом как зачарованный. И даже то, что уже второй день появлялись в окрестностях все те же три всадника, не смущало хмурого Жаабарса. Пусть себе топчутся, ему какое дело. А напрасно, потому что именно его, “башкастого-хвостатого”, высматривали они в свои бинокли...

IX

Бектуровский “План Жаабарс” обеспечивал по существу бесперебойный ход работы по графику. Следовало отдать должное организаторам, план действительно был хорошо продуман и просчитан, и потому никаких неувязок не возникало. Можно сказать, весь Туук-Джарский аил был вовлечен в мероприятия по подготовке и проведению охоты. В эти дни сельчане от мала до велика жили ожиданием триумфального завершения охоты на снежных барсов и сказочных барышей. Ажиотаж царил в аиле. И все желали принцам большой удачи. И только сами барсы не подозревали, что ожидало их вскоре.

Зато для фирмы “Мерген” все складывалось удачно, и все переговоры с гостями осуществлялись почти круглые сутки через посредничество Арсена Саманчина. Сам шеф Бектур убедился, что без Арсена такого плодотворного взаимопонимания не было бы, и потому не упускал случая поблагодарить племянника: “Еще раз скажу, Арсен, наш дорогой, когда ты с приезжими говоришь, они оживают, как цветы после дождя. Хотя я не понимаю ни слова, но вижу это по их глазам”.

И на самом деле, кажется, так и было. С первых приветствий и дальше, по пути из аэропорта, в беседах на всякие житейские и прочие, более серьезные темы арабские принцы и их помощники высказывались охотно, с благонамеренным любопытством. В свою очередь, и Арсену Саманчину, несмотря на тяжелую нагрузку — ведь ему едва ли не круглосуточно приходилось переводить на английский, русский и киргизский языки, — было по-своему интересно. Первый этап — прибытие подготовительной группы, а следом и самих принцев — был осуществлен во многом благодаря ему организованно и цивилизованно, без излишней экзотики.

Оба принца оказались общительными молодыми людьми, скорее всего ровесниками, современно мыслящими, спортивными, с умными лицами; один окончил Кембридж, другой — Оксфорд. Принц Хасан носил черные плотные усики. Принц Мисир был чисто выбрит. Судя

по всему, охота на хищных зверей была для них не столько средством героизации, сколько экстремальным видом спорта.

Для начала этих сведений и наблюдений было вполне достаточно. В свою очередь, Арсен рассказал гостям о стране, об этом горном крае, о климате высокогорья, о местном населении, о традициях и обычаях народных.

Прибывали в Туук-Джар кортежем — впереди шеф Бектурган на своем джипе, за ним на “Хаммере”, габаритами напоминающем танк, — их высочества и с ними Арсен Саманчин в качестве переводчика и постоянного сопровождающего-консультанта, следом — машины с охраной, обслуживаемые телерепортерами.

Все туукджарцы вывалили на улицы, дружелюбно приветствуя гостей. Мальчишки, ошеломленные видом “Хаммера”, бежали рядом по обочинам дороги, сопровождаемые собачьей сворой. Такую машину они видели впервые, и не верилось им, что такое чудо движется по их аилу. Не только мальчишки, но и кое-кто из взрослых тоже был удивлен: они ожидали увидеть коронованных особ, а увидели обычных парней в спортивных костюмах.

День уже клонился к предвечерью. Гостей по прибытии разместили в специально подготовленных комнатах. После небольшого отдыха устроили ужин, предлагали водку, но принцы отказались, шутливо объяснив свое воздержание тем, что могут позволить себе такое удовольствие только по окончании охоты, когда шкуры снежных барсов, столь высоко ценимые на Востоке, станут их трофеями.

К слову пришлось, и в ходе беседы Арсен Саманчин рассказал арабским принцам легенду о Вечной невесте. Думал лишь упомянуть, но сам не заметил, как разволновался и гостей разволновал. Очень сострадали они трагедии невесты и жениха, произошедшей по причине извечных в роду людском зависти и ненависти. И очень близко к сердцу приняли тот факт, что жених был выдающимся охотником, что как самый ценный дар преподнес он родителям невесты шкуры снежных барсов, а ведь в те времена и огнестрельного оружия еще не было. Расспрашивали, существует ли поныне обычай дарить шкуры снежных барсов? Стало быть, барсовый мех — природная ценность высшего класса, так же как мех леопардов и тигров? Арсен Саманчин находил в их общительности не только

проявление любопытства, но и располагающую искренность. Попутно принцы поинтересовались, бывал ли он в арабских странах, и, узнав, что, кроме Египта, он пока еще нигде не был, пригласили посетить их государства, вручили свои визитные карточки, заверив, что ему будет оказан почетный прием и — по дружбе — даже организовано посещение бедуинских селений. Естественно, Арсен поблагодарил от души и, учитывая их экзотические увлечения — да и шеф загодя просил о том, — не стал затрагивать в разговоре злободневных социальных и политических вопросов, хотя ему, как журналисту, очень хотелось послушать их высказывания на актуальные темы. Вполне могло быть, что у столь избранных особ есть своя концепция миропонимания. Однако существуют общемировые проблемы, не зависящие от общественных и политических умозрений. Например, экологические. Подчас они кажутся сугубо локальными — где-то что-то, мол, происходит, но нас это не касается, между тем как по сути любой экологический сдвиг в конечном счете сказывается на природе всей Земли. О многом хотелось бы Арсену поговорить с принцами, однако, как утверждал дядюшка Бектур, “в нашем бизнесе прежде всего важно гостеприимство — а это этикет и корректность”. Правила этикета преступать не следует. Пусть гостю будет приятно, спокойно и комфортно.

Ладно бы так, но сидела в душе Арсена Саманчина заноза, то и дело дававшая о себе знать, — одержимый Таштанафган. Вроде бы раскаялся, вроде бы утихомирился... По тому, как он вел себя, было это видно, но...

Перед тем как отправиться спать, гости вышли во двор подышать. Всмотривались в ночную панораму — полная луна, мерцающие звезды, чистое небо, а под ним — гигантские горбящиеся затаившиеся снежные хребты.

Указывая на них рукой, принц Хасан спросил:

— Господин Арсен, наверное, вон в тех горах и охотился жених-охотник?

— Да, ваше высочество, там он жил и там охотился, — ответил Арсен Саманчин.

А принц Мисир спросил в свою очередь:

— А Вечная невеста тоже там бродила и плакала?

— Да, ваше высочество, она и по сей день ищет и кличет своего жениха-охотника.

— Бедная! — грустно вздохнул принц Хасан. А принц Мисир высказал интересную мысль:

— А может, она нужна миру именно такая, как есть? Если бы удалось заснять с высоты на телекамеру бегущую по горам девушку, актрису, она могла бы стать символической фигурой.

— Красивая идея! — поддержал его Хасан. — Сейчас такие романтические клипы в моде. И объявить ее, Вечную невесту, на весь мир хранительницей любви и верности. И каждому она будет близка. Ведь трагедия любви всегда рядом. А вы что думаете по этому поводу, господин Арсен?

— Я давно мечтаю об опере “Вечная невеста”. Классической опере. Если бы удалось... Ваши мысли меня еще больше вдохновляют. Очень тронут совпадением.

Вот так неожиданно возникла снова идея “Вечной невесты”. Решили потолковать об этом после охоты, спокойно и обстоятельно.

Потом попрощались:

— Доброй ночи!

— До утра!

Вернувшись к сестриному дому, он еще походил по двору. Рассуждения гостей произвели на Арсена Саманчина большое впечатление. Не ожидал. Сказывалось европейское образование. И в то же время удивлялся — как могут они совмещать в себе высокие материи и охотничьи страсти? Непросто их понять, но на то они и принцы.

Однако пора было спать.

* * *

И все живые твари в горах засыпали в тот час, погружаясь в покой ночного мира. Только Жаабарс под Узенгилеш-Стремянным перевалом не находил себе места, рычал на луну, покусывал лапу и предчувствовал что-то тревожное, сам того не понимая... И все тот же голос доносился издали. И ей не спалось, Вечной невесте...

А кому-то думалось в ту ночь о земной возлюбленной. Как там Элес? Пospела ли с подругами на поезд в Саратов? Если нет, придется ждать сутки. Поезда нынче ходят редко. Все переключились на самолеты. Элес звонила утром, больше поговорить не удалось. Ни минуты не было. И вспоминалось вновь то незабываемое, что было между ними в ущелье у реки, где им было так хорошо вдвоем, и хотелось, чтобы повторялся еще и еще тот благословенный миг счастья...

Ночь минула. Погода к утру принахмурилась. Невесть откуда тучи набежали над горами. Ветерок задувал то с той, то с другой стороны. А ведь такая благодать, такое летнее спокойствие царили в последние дни, что казалось, так будет всегда. Впрочем, и сейчас не было повода для беспокойства. Легкая пасмурность могла исчезнуть так же неожиданно, как и появилась. Не следовало воспринимать это как предвестие дождя или — того хуже — грозы.

С раннего утра дела завертелись — только успевай, надо было организовать выезд на “оперативное охотничье мероприятие”, как было сказано в официальных документах фирмы “Мерген”.

Перед выездом — на джипах, на подсобных грузовичках, на бронированном “Хаммере” гостей — Арсен Саманчин еще раз проверил, не забыто ли случайно что: оружие снайперское, оружие автоматическое, бинокли, мегафоны-громкоговорители, дыхательные маски на случай, если у кого-то возникнет одышка на большой высоте, и прочее...

До конной стоянки добрались нормально, проехав на колесах километров 30 со скоростью не более 40–50 километров в час. Конники ждали наготове. Все лошади были подкованы и оседланы.

Тут пришлось вещи навьючивать на лошадей. Сам шеф Бектурган контролировал ход работы.

Принцы оказались неплохими наездниками. Ездить верхом в горах — не то что на беговых дорожках ипподромов. Горный всадник должен все время балансировать в седле и следить за поступью коня, когда со склонов то справа, то слева оползает грунт и осыпаются камни.

Двигались гуськом. Впереди ехал проводником местный чабан, за ним шеф Бектур, дальше — оба принца, следом Арсен Саманчин. Пока что можно было переговариваться напрямую, но у каждого имелся мегафон, чтобы не терять связь и на больших расстояниях друг от друга. Охранники и помощники следовали в некотором отдалении.

Горы сходились все тесней, скалы высились отвесными уступами, склоны были покрыты сыпучими мелкими камнями, которые осложняли проход, но кони пока шли.

Между тем животный мир высокогорья уже начинал являть себя — несколько раз мелькали по сторонам небольшие стада пугливо скачущих горных коз — теке и рогатых баранов — архаров. Парнокопытные, вечные кормильцы хищников, передвигались куда-то по своим нуждам. Наблюдая за ними в бинокль, восхищаясь их грациозными ловкими прыжками, принц Хасан приостановил коня и с едва заметной одышкой произнес:

— Мне сейчас подумалось, друзья, что если бы эти прекрасные животные собрались и дружно ушли в другие края, барсы перегрызли бы с голоду друг друга, не так ли?

— Ума не хватает! — насмешливо подхватил принц Мисир. — А то бы сбежали.

— А может быть, наоборот, так умно устроена природа? — вставил Арсен Саманчин.

Оба принца заулыбались.

— Верно! Следует преклоняться перед мудростью природы!

— Удачи барсам — значит, удачи и нам! Не так ли?

Этот шуточный обмен репликами невольно создавал атмосферу взаимной симпатии, и это было весьма кстати. Арсену Саманчину того и хотелось, чтобы гости были максимально благорасположены, поскольку прибыли они сюда не только ради охоты. Человеческие отношения в таких случаях не менее важны.

— Ну вот, уважаемые принцы, — говорил он, — глава нашей фирмы шеф Бектурган просил сообщить вам, что за вон тем утесом будет отдых, там палаточная стоянка. И там мы оставим лошадей, дальше — только пешком.

— Мы готовы.

— Охота есть охота...

Был уже полдень. Спасибо шефу Бектуру — устроил небольшую передышку, посидели в палатках, попили горного кумыса. Высокогорье давало о себе знать — дышалось с трудом. Стали примерять рюкзаки, навешивали на себя оружие, мегафоны, иное снаряжение.

Когда гости после трудного пути расположились в палатках отдохнуть, для Арсена настал удобный момент уединиться. Шеф Бектур, поддерживаемый под руки двумя помощниками, слез с коня и, тяжело отдышавшись, хватаясь за бороду, счел нужным предупредить принцев и их сопровождающих, что придется подождать, возможно, и не скоро удастся выйти за добычей, ибо от загонщиков пока нет никаких вестей. Принцы отнеслись с пониманием.

На таких горных высотах, как утверждают альпинисты и геологи, как правило, происходит “вахтенная смена души”, что-то вроде перезарядки, обновление настроения и восприятия окружающего мира. В горах лучше думается, свидетельством тому — горное местоположение храмов и монастырей, принадлежащих медитативным конфессиям. Говорят, что мыслится в горах раскованней и эмоциональней, чем на низинных равнинах. Высокогорье обладает феноменальной аурой. Вот почти осязаемое небо прямо над головой, рукой дотянуться до облаков, вот неизбежно впалялись твердью в земную кору на веки вечные скалы, вот снега и льды в своей непреходящей кристальной чистоте — тоже рукой подать, прозрачная вода плещет в реке сверкающей голубизной, и воздух, ненасытный для дыхания, входит в грудь и выходит настолько ощутимо, как если бы ты только что выжал тяжелую штангу.

Возможно, это в природе вещей, возможно, в высокогорной стихии действительно возникает некое особое, космическое состояние человеческого духа, когда и мысли, и чувства, и воображение становятся под стать снежным вершинам и пронзительным ветрам упругой горной сферы. Именно такое состояние испытывал в тот момент Арсен Саманчин. Уйдя в себя, отрешившись от всех насущных забот, он словно бы пребывал в каком-то ином мире. Мысленно он находился в то мгновение не здесь, на стоянке, а где-то в далекой степи. Ему слышался как наяву долгий оглушительный паровозный гудок, ритмичный грохот пассажирского состава, а сам он бежал рядом с поездом и, на бегу заглядывая в окно, кричал: “Элес!

Эй, эй, Элес, это я, я люблю тебя! Эй, красавица моя! Ты едешь в Саратов, а я в горах, но я с тобой. Я не могу без тебя!” всю свою студенческую жизнь он ездил по этой дороге в Саратов и дальше в Москву, он любил Саратов на Волге! Сары-тау по-казахски! Теперь туда направлялась Элес, а он мысленно просил у нее прощения за то, что так привязался к ней и не давал спокойно уехать. Но он действительно больше не мог без нее. Потому и сходил с ума, снова и снова прокручивал мысленно свою эпопею, погружался в воображаемые события так глубоко, что иллюзии, мечтания становились равнозначны реальности.

Никто в ближайшем окружении Арсена не предполагал, что с ним происходило, что творилось в его душе. И только Элес слышала и видела его, она стояла в тамбуре, высунувшись в открытую дверь вагона, и, держась одной рукой за поручень, другую протягивала навстречу Арсену Саманчину:

— Арсен! Арсен! Я тебя слышу, я тебя вижу, я тебя люблю! Догоняй, прыгай, я тебя подхвачу!

Чего только не пригрезится на вольных ветрах мечтаний! И он приложил все силы, чтобы догнать уходящий поезд. И догнал, потому что страстно желали того влюбленные, а любовная страсть обладает мощностью вселенской стихии, ей подвластны вечность и бессмертие, ибо она — зов к продолжению рода.

Так повелела судьба, и он добежал до вагона, Элес протянула ему руку, он успел прыгнуть на подножку, и они обнялись...

— Пойдем посидим, поговорим, — сказал Арсен Саманчин, отдышавшись наконец. — У меня серьезный разговор.

— Куда ты торопишься? Ты же устал, отдохни...

— Времени нет. Мы готовим охоту в горах, мне торопиться надо. Вот, в этой папке моя рукопись...

— Рукопись? Да ты что, Арсен? Это из-за рукописи ты бежал за поездом?

— Я хочу рассказать тебе. Пойдем.

Они сидели в купе у окна, напротив друг друга, и вот о чем говорил Арсен Саманчин:

— Кстати, Элес, в этой рукописи мой саратовский рассказ, почитай по пути — история из времен Второй мировой войны, когда нас с тобой еще не было на свете, а наши будущие родители бежали

босоногими подростками. И вот через столько лет — век успел смениться — эта история дала о себе знать ностальгией по минувшим годам, напоминая то, чего никогда не следует забывать: все войны — это прежде всего нескончаемые взаимные убийства, и каждый убитый, кем бы он ни был — генералом или рядовым, — наверняка раскаивается, переходя в мир вечного безмолвия. Я написал о том времени грустный рассказ под названием “Убить — не убить”. В нынешние времена убить — все равно что окурок отшвырнуть, стреляют налево и направо, я и сам чуть было не оказался у того порога, но этот рассказ — не пустая интрига, не виньетка для криминального сюжета. У меня такое ощущение, будто я вынырнул с этим рассказом со дна океана и пошел на кладбище, где похоронены миллионы убитых и убивавших, чтобы в тиши прочесть его себе и им. Ты извини, Элес, что я вдаюсь в свои роци и чащи, но ведь ты профессиональная библиотечка, ты-то знаешь и понимаешь что к чему, и я очень доволен, что ты как надо прочитываешь мои сумбурные мысли. Спасибо, Элес, ты киваешь головой. Так вот, минувшей зимой я поехал поездом в Байконур, на космодром, мне позвонил прямо из космоса, с орбиты, космонавт-“долгосрочник” Салиджан, мы с ним друзья. Я собирался написать эссе о человеке, в помыслах которого найти — пока что это фантастика, но так будет когда-нибудь — каждому человеку место существования в космосе. Опять потянуло меня в утопию. Извини. Ну вот, минувшей зимой для меня наступила пора ностальгии — давно уже не ездил я по железной дороге и по пути вспоминал, как это бывало в мои студенческие годы. Из Байконура я поехал дальше на поезде через Саратов в Москву и вдруг, когда стоял у окна и всматривался в окружающие пейзажи — а я очень люблю ехать и любоваться видами из окна, такой уж я сентиментальный, что поделаешь, — прошлое накатило прибоем морским на берег моего сердца. Оказывается, все это время жило во мне и ждало своего часа то, что нахлынуло теперь на душу. Что было и что происходит на этой железной дороге, в тех же поездах, идущих по тем же местам, по степям через Казахстан, через Саратов в Москву? — думалось мне с тоской. Дорога все та же, поезда встречные и попутные все те же, направление движения все то же: Запад — Восток. А что случилось здесь с людьми, какие метаморфозы претерпели человеческие судьбы? И привиделись мне события

минувших лет, будто фильм смотрел, снятый из космоса: Аральское море погубили, душа стонет, зато обустроили Байконурский космодром... А между ними столько всего! Вот тогда я дал себе слово написать то, что довелось мне услышать в далекие теперь годы в пути от инвалида, прошедшего штрафбат, таких теперь называют инвалидами ВОВ — Великой Отечественной войны, от Сергея Николаевича. В рассказе он юноша Сергей, а я был тогда его попутчиком-студентом, по обычаям нашим, с почтительностью относившимся к старшим, он мне годился в деды. Опять я разговорился, а времени в обрез. От Саратова, где Сергей Николаевич сел в наш вагон, до Москвы двое суток пути, рассказ получился длинным. Потом, в Москве, я помог ему добраться до клиники. Но написать “Убить — не убить” я задумал только через десять лет, Сергея Николаевича, то есть Сергия, уже в живых нет, узнал, справки навел. Жаль очень. А когда сочинил, вернее, пересказал то, о чем попытался поведать мне Сергей Николаевич, понял, что эту вещь надо читать на фронтовых кладбищах. Знаешь, Элес, ведь ты тоже имеешь некоторое отношение к этой истории. Удивлена? А суть в том, что и я, и ты, и эта история — все это происходит на одной дороге, связующей Запад и Восток, на пути через Саратов в Москву. Сергей уезжал по этой дороге на фронт, я постоянно ездил на учебу в великие российские города Москву и Ленинград, а ты теперь челночница, мотающаяся по этой дороге, на этом же поезде, и нас всех что-то связывает... Ой, останови, останови меня, Элес. Время! Но главное, что я хочу тебе объяснить, ради чего бросился догонять тебя — мог бы, казалось, повременить и в следующий раз спокойно поведать, но не могу ждать, — связано с тобой, Элес, с нашей встречей. Сразу скажу: ты меня спасла. Не зная, что со мной творится, ты спасла мою душу. Весной этого года собирался я опубликовать рассказ “Убить — не убить”, мне хотелось сказать свое слово о вечной природе войны и вечной природе человека. Любая война — дело рук человеческих и любая война — трагедия для каждого, кто в ней познает эту простую первоистину... Об этом и пытался я поведать в своем рассказе, но тут произошло в моей жизни такое, что я сам, уже в теперешние наши дни, собирался совершить жестокое и неотвратимое убийство. И это было бы не просто еще одно в череде бесчисленных убийств, а неслыханное кощунство со стороны автора такого рассказа,

богохульство: в писаниях своих утверждать одно, а делать совершенно другое... И потому я отложил, спрятал “Убить — не убить”, чтобы не мучила меня совесть. Теперь мне стыдно. Убийством своим я опроверг бы собственную идею. Но вот — судьба милovala! — ты, Элес, избавила меня от намерения совершить убийство, потому что наша любовь стала для меня откровением. Я вновь свободен и честен перед собой, и это освобождение принесла мне ты. Никогда не пойду я теперь на то, что вчера еще с одержимостью считал справедливым и неотвратимым мщением.

Вот об этом мне и хотелось тебе рассказать, насколько успею. И еще: переворот во мне совершился после нашей встречи. И вот подумалось: как же не хватает нам подчас духовного общения, интимного выражения того, что накопилось на душе, что пытался, например, я высказать в “Убить — не убить”. Эту исповедь юного Сергия надо читать в тиши и покое, вне суеты повседневности, чтобы души умерших слышали и убеждались в том, что не всегда дается познать при жизни. Более того. У каждого человека должна быть своя сокровенная молитва. Моя молитва — в тексте этого рассказа. Если окажется она тебе близка — присоединяйся, разделим общее переживание. А это главное в любви... Я уже записал в свою записную книжку — мне хотелось бы, чтобы первые чтения состоялись на знаменитом Волоколамском кладбище Подмосковья и под Брестской крепостью, а потом и во многих других местах, в том числе в Европе.

Извини, Элес, я многословен, но коротко бывает мгновение счастья, а любовь — это исключительное открытие для двоих перед зовом вечности. Вот я сейчас в горах, скоро двинемся на охоту, а ты на вокзале, то ли отправляешься в путь, то ли ждешь поезда, ты говорила, что расписание вроде изменилось... Но при всем при этом я разговариваю с тобой так, будто мы сидим вместе, в одном купе. Иллюзия, конечно, и вот тому подтверждение — к нашей стоянке едет всадник, должно быть, от загонщиков таштанафгановских... Ну что ж, пора за дело. До встречи, Элес, до встречи...

Всадником оказался Лохмач из группы загонщиков. Он покивал гостям косматой головой в знак приветствия и обратился к шефу Бектуру: Таштанафган послал его и просил передать, что снежные барсы выслежены, две семейные стаи, их можно увидеть в бинокли, а

один крупный барс, “башкастый-хвостатый”, мол, даже находится под контролем, его можно заставить идти в нужном направлении. Но главная просьба Таштанафгана заключалась в том, чтобы переводчик Арсен вначале подъехал к нему, он хочет объяснить ему, как действовать безопасно, чтобы с нужного места пристрелить большого барса, находящегося в зарослях. На словах это трудно объяснить, пусть подъедет и увидит на месте, а потом сориентирует гостей-охотников. Шеф Бектур согласился.

— Слушай, Арсен, объясни гостям, что ты сейчас встретишься с загонщиками перед началом охоты. Зверь коварный, одинокий, может наброситься и сбежать по кустам. Пусть на месте покажут, откуда и как заходить.

Принцы охотно согласились подождать.

Лохмач поехал впереди, Арсен Саманчин, тоже верхом, — за ним. Дорога среди кустарников между скальными глыбами оказалась очень сложной, с трудом въехали в расщелину. Наверху кружили стайей какие-то птицы. Вокруг полная тишина. Лохмач взял в руки мегафон и прокричал:

— Таштанафган! Мы на месте! Слышишь? Мы уже здесь!

Тот ответил, тоже по мегафону:

— Я тоже здесь! Сейчас!

Арсен хотел было спешиться, чтобы передохнуть. Но Лохмач остановил его:

— Сиди, зачем? Вон он, Таштанафган, уже здесь.

Из-за кустов сбоку появился на коне Таштанафган с громкоговорителем, болтающимся на шее, с автоматом на плече и — о ужас! — в плотно напяленной на голову военной фуражке! Арсен онемел. А Таштанафган, поправив фуражку, сказал:

— Не пялься! Мы все наготове! Все впятером, все с автоматами! Или передают нам в руки выкуп, двадцать миллионов, — или всем конец! Всем, кто здесь есть! Никому не жить. Никого не пощадим. Ну, что молчишь?

— А что мне говорить? — с трудом произнес Арсен Саманчин. — Ведь ты же говорил: не беспокойся, все будет в порядке.

— А это и есть наш порядок. Так что давай выполнять. Повернись туда, глянь — вон она, та самая пещера Молоташ, о которой я говорил. Она заминирована. Сюда загоним богатеев. Ты им переведешь на

английский все, что я скажу, каждое слово. Глобализация для всех одина, пусть не думают — не только им причитается. Мы возьмем свое. Вот тут, смотри, вход в пещеру, слась с седла, заходи. Места много, заложники отсидают ровно сутки, не будет выкупа — ни малейшей пощады. Что молчишь? Обалдел? Так ведь я тебя предупреждал. А ты хотел, чтобы я растаял, как конфета? Не жди! Ну, что молчишь? Я спрашиваю, будешь или не будешь выполнять немедленно мой приказ?!

Арсен Саманчин, уже было спешившийся, снова поставил ногу в стремя. Таштанафган одернул его:

— Стой! Вначале выслушай — ты приведешь их сюда, мы разоружим их и загоним в пещеру. Разговор будет крутой. С автоматом впритык к затылку. По моему приказу ты им велишь звонить по их спутникам в их банки дубайские, эмиратские или какие там еще, чтобы немедленно направили сюда самолетом наш выкуп. Каждое слово ультиматума чтобы впечаталось им в головы! И все, что они будут говорить, каждое слово, мне передашь. Ясно?! Если нет, ты — наш пленник. Тебе и им конец!

— Не торопись, — наконец проговорил Арсен Саманчин, понимая, что переубеждать озверевшего человека бессмысленно. — Если ты так решил, знай: прольется хоть капля крови — я ни перед чем не остановлюсь!

— Не угрожай! Я сам не хочу крови. Двадцать миллионов — и уйдут живыми! Мое слово! Выполняй! Даю максимум двадцать минут! Ни секунды больше! Веди их сюда как бы на встречу с загонщиками. Чуть что — стреляем на поражение. Нам терять нечего! И запомни: с тобой — только они, двое принцев, якобы для отстрела барса. Скажи — он тут, в загоне, есть и еще выслеженные, но они — потом. Все остальные пусть ждут там. Ясно? Выполняй!

— Сейчас, — невнятно пробормотал Арсен Саманчин, плюнул мельком на фуражку Таштанафгана, будто бы, не будь ее на голове бывшего одноклассника, все обернулось бы иначе, тяжело вздохнул, молча сел на коня и двинулся в обратную сторону, туда, откуда только что прибыл.

Наступила мертвящая пауза. Не оборачиваясь, молча отъезжал согбенный, поникший в седле Арсен Саманчин, чтобы привести к пещере принцев-охотников, сдать их и самому сдать. Слышалось

только журчание сбегających вниз ручьев. Какие-то птицы беззвучно пронесли над головой. Конь осторожно ступал по завалам, направляясь к палаточной стоянке. Оставалось совсем недалеко, когда Арсен резко остановил коня в кустах за скалой, привстал в стремях и огляделся вокруг. Сдернул мегафон, что висел на правом плече, положил на луку седла автомат-“калаш” и, судя по всему, к чему-то приготовился. Несколько секунд спустя над горами разнесся усиленный мегафоном отчаянный голос Арсена Саманчина. Он кричал яростно и грозно попеременно на английском, русском и киргизском:

— Слушайте, слушайте мой приказ, пришлые зарубежные охотники! Будьте вы прокляты! — Громкоговоритель раскатывал его слова по горам многократным эхом. — Руки прочь от наших снежных барсов! Немедленно убирайтесь вон отсюда! Я не дам вам уничтожить наших зверей! Мотайте в свои дубай и кувейты, прочь с наших священных гор! Чтоб ноги вашей больше здесь не было! Убирайтесь немедленно, иначе вам конец! Всех перестреляю! — Он подкрепил свои слова очередью в воздух из автомата. В горах загремело. С какого-то склона посыпались камни. И тотчас в ответ поднялась стрельба с разных сторон. Беспорядочная пальба всполошила коня под Арсеном. Конь рванулся и тут же грохнулся, смертельно раненный. Арсен Саманчин едва успел выкарабкаться из-под лошадиного крупа, выворачивая себе ноги. Стрельба усиливалась — стреляли все как сумасшедшие, и таштанафгановцы, и охранники принцев, и люди Бектура. Арсен так и не узнал, что в этой суматохе принцы, вскочив в седла, уже неслись прочь.

Лежа рядом с убитым конем, Арсен осознал, что получил сразу несколько ранений. Плечо, грудь, поясницу свело чудовищной болью. Из последних сил он старался не скатиться вниз по склону, отодвинуться подальше от края, когда вдруг метнулся перед ним огромный барс, весь в крови. То был Жаабарс. Зверь рыкнул и, пригибаясь к земле, волоча ногу, устремился дальше. Солнце раскачивалось над головой Арсена, горы колыхались, и ветер удущающе стискивал горло. Он отшвырнул мегафон, автомат и попытался отползти в ту же сторону, куда ушел раненый зверь. Он не видел и не знал, что творилось вокруг: как орал и материл его взбесившийся Таштанафган — “Сволочь! Предатель! Чтоб ты сдох,

чтоб подавился своей завистью!”, как старик Бектурган, упав на землю, рвал бороду, истошно вопя: “Позор! Позор на наши головы! Чтоб тебя прокляли боги и предки!” Что кричали по-арабски убегающие восвояси принцы-охотники, в здешних горах не понял никто.

Постепенно шальная стрельба утихла, смолкли вскоре и крики.

Знал бы Арсен Саманчин, что натворил он в одно мгновение с людьми и со зверями... Но теперь ему было не до того. Ранения оказались серьезными, он это чувствовал. Особенно давило в груди, вся одежда пропиталась кровью. Он понимал, что долго не протянет, и хотел где-нибудь укрыться. Брел, шатаясь, падал, вставал, задыхался. Хорошо, что запомнил, в какой стороне находилась та самая пещера Молоташ. Туда-то и добрался наконец Арсен Саманчин и заполз на коленях внутрь. И тут увидел он медленно гаснущие глаза огромного снежного барса. То был Жаабарс. Зверь не шевельнулся. Не попытался даже поднять голову с протянутых вперед лап. Как лежал, опустив на них голову, так и остался лежать, тяжело и хрипло дыша.

— И ты здесь? — сказал почему-то Арсен зверю, точно бы они были знакомы.

Жаабарс истекал кровью.

Та же участь постигала и человека.

Волею судеб очутились они — человек и зверь — в свой последний час в одном схроне поднебесном, в пещере, рядом, бок о бок... И словно в недоумении стал погрохатывать над горами гром, раскатывался эхом, будто спрашивая: что же это такое? И так же удивленно вспыхивали в облаках молнии...

Когда, пересев с коней в машины и срочно прикатив в аил, принцы-охотники тут же, ни с кем не попрощавшись, отбыли на своем “Хаммере” в сопровождении кортежа в Аулиеатинский аэропорт, где стоял под парами их самолет, все стало ясно.

Так в одночасье рухнул в пропасть международный охотничий бизнес фирмы “Мерген”, и никому не верилось, что учинил этот провал “бизнес-проекта” племянник самого Бектура-аги.

Туюкджарцы, сбегаясь со дворов, собрались гудящей толпой, из которой слышались выкрики:

— Позор, проклятие на наши головы!

— Арсена повесить мало! Спалить его, сжечь!

— Угробил такое дело! Не дал нам заработать хотя бы малость!

— Ему звери дороже, чем люди, — так пусть растерзают его сами барсы!

Стихийная истерика разгоралась все больше, и тогда двинулась разъяренная толпа к дому сестры Арсена Саманчина, в злобе и ярости стала крушить во дворе все, что попадало под руки и под ноги, расколотила стекла и фары арсеновской “Нивы”, разорвала в клочья его рубашки и куртку, сушившиеся на веревке... Сестра, старавшаяся уберечь ноутбук брата, получила побои, муж-кузнец, прибежавший с работы и кинувшийся ее защищать, тоже оказался избитым...

И лишь внезапно хлынувший дождь и разразившаяся гроза остановили хаос и заставили толпу разбежаться.

А гром сотрясал окрестности, молнии одна за другой пронзали небо, и все прибывающий дождь захлестывал горные расщелины и пещеры.

Как чувствовала, Элес позвонила ближе к вечеру с вокзала сестре в Туюк-Джар. Она оставила ей свой мобильный телефон — пусть, мол, будет у тебя, а я буду звонить с подружкиных. Никогда прежде так не делала, а в этот раз почему-то захотела обеспечить себе связь. И вот за полчаса до отъезда решила узнать, как они там поживают, а заодно — есть ли какие вести с гор. Но не успела она и слова сказать, как сестра в истерике закричала:

— Весь аил на ногах, вот что твой Арсен учинил, кричал там, в горах, через громкоговоритель: “Руки прочь от наших барсов! Убирайтесь к чертовой матери!”, гнал приезжих в шею, мало того, открыл по ним стрельбу. И все вокруг принялись стрелять в ответ. А Бектур-ага бился головой о камни. И весь аил громит теперь двор Арсеновой сестры. А сам Арсен исчез куда-то, говорят, то ли его пристрелили, то ли сам застрелился. Ты слышишь меня, Элес? Ты что молчишь? Что с тобой? Да отвечай же!

И тут сестра подняла вой:

— Ой, несчастье какое на наши головы! Элес онемела! Что же теперь будет? Так полюбила она этого Арсена — и что же теперь? — и в истерике стала рвать на себе волосы.

— Да прекрати ты! — стал успокаивать ее муж. — Подумай, что толку так орать? Когда Элес приедет, я повезу ее в горы, на Молоташ.

А хочешь — поедем вместе. Пусть она своими глазами увидит и поймет что к чему. Только не травми себя.

— Ой, что же мне делать! Сестра любимая, Богом данная, что с ней будет?.. А дети как, коли поедем в Молоташ?

— Ничего. Подростки уже. Пару дней обойдутся. Скот обиходят. Соседи за ними присмотрят...

Напарницы Элес были ошарашены, когда она схватила рывком свой рюкзак и, вскинув его на плечи, сказала, чеканя каждое слово:

— Езжайте сами. Вот вам мои документы для Саратова. Я срочно возвращаюсь в аил.

— Что, умер кто-то?

— Балким — возможно.

— А когда мы вернемся, увидимся?

— Балким — возможно.

— А что нам сказать? Ты приедешь за своим товаром?

— Балким — возможно.

— Да что с тобой? Что ты все балким да балким? Тебе сказать нечего?

— Отстаньте! Я свое сказала! Езжайте без меня. Все!

И с этими словами Элес кинулась бежать, расталкивая встречных. Люди шарахались от нее. Знали бы они...

* * *

Знали бы... Кому было знать, кто мог бы представить себе, что горе ее, перехлестывая через пространства, изливалось в те мгновения вместе с грозвым ливнем на горы Узенгилеш-Стремянные, где исчез ее возлюбленный, что бежала она теперь по горам вместе с Вечной невестой... “Помоги мне, родная, скажи, если ты видела его!”

А в тех глубинных горах до самого вечера не унималась гроза, раскатываясь вокруг громыханием эха, ослепительно озаря молниями ущелья и долины. Утяжеляясь под дождем, постепенно сгущались сумерки. Давно не бывало тем летом такого затяжного дождя. И в пещере Молоташ становилось от него все темней и холодней.

Но это уже ничего не значило для тех, кто волею случая ли, судьбы ли оказался в той пещере. Их было двое в этом их последнем пристанище — умирающий человек и зверь дикий, рядом умирающий. Оба одинаково заканчивали свой земной путь, израненные то ли шальными, то ли прицельными пулями — кому было теперь разбираться, кто в кого стрелял и почему? Все это сейчас, за считанные минуты до их ухода в бесследную вечность, не имело уже никакого значения.

Жаабарс задыхался, истекая кровью, сочившейся из ран медленно и необратимо. Он лежал все в той же обессиленной позе, опустив огромную голову на обмякшие лапы, его знаменитый хвост валялся на земле как ненужная, выкинутая вещь...

Арсен Саманчин лежал рядом, привалившись боком к туловищу подышающего барса, так было удобней. “Вот и встретились напоследок...”

У Арсена Саманчина все больше намокало под боком, кровь впитывалась в каменистую почву. Сам он был пока еще в сознании и пытался удержать, сколько мог, последнее достояние жизни — мысль. И думалось ему о том, насколько был повинен он сам во всем случившемся, но прежде всего он прощался с ней, с Элес. Сколько было отпущено им счастья и любви, столько и уходило.

— Прощай, Элес. Прости за несбывшиеся мечты... Кланяюсь... Прощай, прощай... Не успел... Плачу... Повинен я...

Угрызения совести терзали его, когда он мысленно обращался к оскорбленным им арабским принцам:

— Повинен я, поносите меня последними словами и проклиняйте, но не было другого выхода, только так мог я уберечь вас от опасности. Простите, если сможете...

С еще большим страданием и покаянием истовым обращался он к брату отцовскому:

— Бектур-ага, байке, прокляни меня! Прокляни беспощадно! Опозорил я наш род, погубил твоё дело, как мне объяснить теперь, что другого выхода не было? Понимаю, какой позор обрушил я на твою голову, сколько горя причинил. Но прости, не из злых побуждений так поступил, не из плузости и зависти... Живи долго, дядюшка, а брату твоему, отцу моему покойному, я все объясню на том свете...

Припоминал он и родственников, сестру Кадичу и ее мужа-кузнеца:

— Какое бедствие учинил я вам. Повинен, простите... Не поминайте лихом...

Вспомнил напоследок и брата Ардака:

— Ардак, я умираю. Не страдай за меня, хватит у тебя и других забот. Расти детей, а я ухажу бездетным. И это тоже наказание Божье...

Винился Арсен Саманчин и перед Айданой:

— Прости, Айдана, что осуждал и презирал тебя за пошлую звездность твою. Это твое дело. Как хотелось мне, чтобы на оперной сцене ты явилась Вечной невестой. Теперь судьба избавляет тебя от моей назойливости, а этому Эрташу Курчалу не говори ни слова, я ему сам все скажу напоследок. Эрташ, повинен я был до последних дней, замышлял тебя убить, настолько ненавидел и презирал, и были на то причины. Но раскаялся. Не думай обо мне дурного, прости, если можешь.

Однако тяжелей и мучительней всего было умирающему Арсену Саманчину обращаться к однокласснику своему Таштанафгану. Что тут было сказать? Обвинить, проклясть?

— Пусть буду я жертвой, тобой принесенной, и никто не узнает о том, на что ты готов был в преступном озверении своем. Я сам повинен — перед собой, не перед тобой. Так пусть стану я твоей жертвой и твоим искуплением, Бог с тобой!

Простите меня и вы, земляки, лишил я вас заработка, пусть и мелкой деньги. Так случилось... Не топчите мою память, не от добра я пошел на такое дело, но об этом никто не узнает... Прощайте.

Снежный барс был уже мертв. Человек испустил последнее дыхание следом...

Но, умирая, в последние мгновения жизни, услышал он далекий голос Вечной невесты: “Где ты, где ты, охотник мой?” И прошептал, запинаясь: “Прощай, теперь мы с тобой никогда не увидимся...”

Луна путалась в облаках ночных, ветер рвался и томился в скалах, и не слышно было ничего иного...

А наутро, ближе к полудню на том месте близ пещеры Молоташ, где накануне произошла чудовищная трагедия, появились три всадника — мужчина, ехал он впереди, и две женщины. То были Элес и ее сестра с мужем. Они привезли ее сюда, чтобы увидела она собственными глазами и убедилась: ее горе необратимо, и примириться с утратой придется неизбежно.

Сестрин муж Джоро хорошо знал эти места. В бытность свою заведующим колхозной овцеводческой фермой не раз заглядывал сюда по пути на пастбища, знал и пещеру Молоташ, поэтому быстро провел Элес и сестру ее к пещере. Вначале увидели они на тропе пристреленного сивого коня, пролежавшего здесь почти сутки под дождем и оттого разбухшего так, что копыта разметались по четырем сторонам, а подпруги седла лопнули от напряжения, и седло свалилось на сторону. Тут же валялись Арсеновы мегафон и автомат. Джоро спрыгнул с седла и молча поднял с земли то и другое. Брошенное оружие, убитый конь свидетельствовали о том, что Арсена в живых быть не может.

В пещеру входили с мрачным предчувствием. Элес дрожала и плакала, сестра держала ее под руку. То, что предстало их взорам, поразило их немотой: в застывшей луже крови лежали бездыханные человек и дикий зверь, огромный снежный барс. Голова Арсена Саманчина покоилась на груди Жаабарса.

Элес упала на колени и рыдала, поглаживая омертвевшую руку Арсена.

Женщины долго плакали. Сестра накинула на голову Элес черный траурный платок. Джоро то выходил из пещеры, то заходил снова, ждал, когда женщины успокоятся.

Элес, всхлипывая, говорила рядом сидящей сестре:

— Кумар, ты мне как мать, не буду скрывать от тебя, я ведь по глупости наговорила Арсену, что хотела выйти с плакатами: “Руки прочь от наших барсов!”, хотя сама же понимала, что в нашем аиле такое невозможно. Арсен ничего не сказал тогда, но, конечно, душой воспринял мои слова, и вот случилось... Зачем я это сделала?!

— Успокойся, Элес, между собой близкие люди о чем только не говорят. Так судьба распорядилась. Ты лучше подумай, как похоронить несчастного. Ведь родственники и слышать не хотят о его

погребении после всего, что случилось. Не оставлять же покойника здесь навечно вместе с убитым зверем.

— Ты права. Но как я буду жить без Арсена? Мы точно бы весь свой век прожили вместе. Говорят, есть в России монастыри женские, слышала в челночных поездках. Разузнаю, уйду и буду там Богу молиться за него днем и ночью, хотя никогда в Бога не верила. Только в одном случае не решусь — если пошлет мне судьба счастье, если родится дитя...

— Дай-то Бог! А ты уверена?

— Почему-то жду. Снилось мне... А если нет, то схоронюсь в монастыре навсегда.

В это время над горами послышался громкий нарастающий гул. Они вышли из пещеры и стояли втроем, наблюдая за вертолетом. Он летел вдоль ущелья между высокими вершинами. Лошади на привязи стали волноваться. Джоро пришлось взять их за поводья, чтобы успокоить. Вертолет покружил-покружил и удалился. Когда шум стих, Джоро задумчиво сказал:

— Думаю, вертолет не случайно прилетал сюда. В горах-то летать небезопасно. Наверное, и до райцентра дошла весть о том, что здесь случилось.

А жена его добавила:

— Это их дело. А у нас свои заботы. Мы тут думали с Элес, как похоронить Арсена. Ты, Джоро, что скажешь?

— Что скажу? Тут и думать нечего, хоронить требуется, и как можно скорей. Но вот пока никто из родственников и соседей даже слова не промолвил о похоронах. Ругают, кричат, проклинают — это да. Но сколько можно? Доставить по горным тропам тело покойного на большое аильное кладбище — непростая задача. Потребуется местами нести труп на носилках, для этого несколько человек должно быть.

Джоро приходил к выводу, что надо так или иначе решать вопрос с близкими родственниками. Да, все страшно возмущены случившимся по вине Арсена Саманчина, но ведь хоронят даже отпетых преступников.

— Надо думать, — продолжал размышлять Джоро, — а пока пройдем внутрь, я хочу прочесть молитву за упокой души Арсена. Я не мулла, но — как сумею.

И снова вошли они втроем в пещеру, сели возле усопшего, замолчали. Раскрыв ладони, Джоро стал произносить молитву, что-то невнятно бормотал по-арабски, хотя, как и все местные, ни слова не знал на этом ритуальном языке. Но обычай есть обычай...

Во время этой самодеятельной молитвы Элес думала: хорошо, что сестра ее с мужем проявили такое понимание и сочувствие, не то не оказалось бы рядом ни души, умерший лежал бы тут в полном одиночестве и забвении. И как бы в ответ на ее горькие раздумья снаружи послышались топот копыт и людские голоса.

В пещеру вошли пять человек. То были Таштанафган и его напарники. Они не сели, как полагалось, а молча стояли, мрачно ожидая завершения молитвы. Как только молитва окончилась, Таштанафган жестко промолвил:

— Мы должны сказать вам, что пещера Молоташ заминирована. Вам следует покинуть ее сейчас же, потому что она будет взорвана. Поторапливайтесь.

Джоро, однако, возразил:

— Зачем взрывать? Тут же находится убиенный Арсен Саманчин, его полагается похоронить.

— Это не наше дело. Мы должны взорвать пещеру, и труп останется под завалом — значит, будет похоронен.

— Это не похороны, — возмущенно воскликнула Кумар. — Я, как женщина, вам говорю: подумайте о похоронах, а потом о взрывах. Все мы смертны, и всем людям, вам в том числе, полагается в свой срок быть погребенными по обычаям людским.

— Не учи! Пещера Молоташ будет взорвана по заданию. Для этого мы и прибыли. Даем вам полчаса.

И тут, отведя от лица черный платок, подала голос сама Элес:

— Не смейте так поступать! Не смейте издеваться над человеческой смертью. Такое кощунство не пройдет вам даром. Я не позволю! Вы не имеете права уничтожить тело убиенного человека, лишить его права упокоиться в земле.

— А кто ты такая? — вскричал в злой досаде едва сдерживавшийся до поры Таштанафган. Откуда было знать Элес, какое сокрушительное поражение постигло его здесь вчера и что теперь одержим он был садистским желанием свершить лютую месть над бездыханным телом одноклассника своего.

— Кто я такая? Не сейчас бы мне отвечать! Вот лежит убитый человек у ног ваших, а я та, которая готова погибнуть хоть сейчас. Убейте меня — и тогда взрывайте. Я готова, взрывайте, взрывайте прямо теперь, чтобы остались мы с ним под завалом вместе навек!

Трудно сказать, чем закончилась бы эта дикая сцена, если бы не удалось найти выход благодаря здравомыслию Джоро:

— Таштанафган, послушай меня, не стоит так разговаривать с женщинами, когда они в глубоком горе. Опять же при покойнике так спорить не годится, пошли наружу, поговорим, посоветуемся, как быть. Взорвать пещеру всегда успеется.

Они вышли и долго шумели и спорили снаружи.

Когда женщины снова остались одни возле убиенных, Кумар, поправляя черный платок на голове сестры, приговаривала:

— Не плачь, Элес, дух усопших все слышит. Ты сказала свое. Дух покойного будет доволен, а что станется дальше, пусть мужчины решают. Ох, горе-горе...

Элес отвечала:

— Спасибо, Кумар, сестра родная, ты и впрямь для меня как мать. Я вот сейчас думаю, отчего так круто изменилась судьба Арсена, ведь он умнейший был человек и справедливый. С девичества еще читала все, что он писал в газетах, и в телевизионных передачах слушала его. А какая была любовь между нами! На две жизни хватило бы! И вот такой конец, погиб рядом с диким барсом в пещере, и хотят люди жестокие стереть с лица земли даже память о нем обвалом взрывным. Так что же это значит? Возвышает это его или унижает?.. Но для меня он теперь святой. Только бы родилось у нас дитя — мальчик ли, девочка ли — фамилию его увековечить бы в потомстве.

Джоро появился вскоре очень озабоченный и стал объяснять, что убедить Таштанафгана так и не удалось. Тот дал время до утра, посоветуюсь, говорит, с шефом Бектурганом. Ждите, мол, прибуду утром, тогда и решим окончательно...

Ночью, сидя у костра, думала Элес все о том же: суждено ли будет ей ходить в памятные дни на кладбище, к его могиле, ведя за руку их чадо?

А когда донеслись до ее слуха из горной дали выклики Вечной невесты: “Где ты, где ты, отзовись, охотник мой!”, она ответила ей шепотом: “Слышу, слышу тебя, Вечная невеста, теперь и я такая же,

как ты. Стала я, незамужняя, вдовой и молю Бога, чтобы ниспослал он мне утешение ходить на кладбище с нашим чадом”.

Утром события повернулись к лучшему. Должно быть, раскаяние приходит не сразу, труден его путь через вечное преодоление зла в себе, нелегко услышать несовершенному человеку вселенский призыв всех времен к добру.

Таштанафгановцы прибыли с носилками и пеленами для тела покойного. Предстояло нести его до конца ущелья, где ожидали джип Бектура и другие машины. Стало быть, взрыв пещеры Молоташ откладывался или отменялся. Шеф Бектур дал указание труп барса закопать там же, в горах.

Самозванная вдова Элес шла в черном покрывале вслед за носилками. За ней — сестра Кумар с мужем Джоро, державшим их верховых лошадей в поводу.

И никому не ведомо было, что происходило с Таштанафганом. Он тоже шел в трауре следом. Говорят, шел в слезах. А потом вдруг сдернул с головы свою военную фуражку, так им ценимую, и швырнул с размаха под откос.

Элес же мысленно повторяла на ходу: “Слышу, слышу тебя, Вечная невеста. Я еще вернусь, найду тебя, и поплачем мы вместе, и я расскажу тебе о своем горе. Жди, я скоро приду...”

И еще небылица одна ходила в те дни, в которую трудно было поверить. Сказывали, что, когда вернулись в пещеру Молоташ двое парней таштанафгановских, чтобы выволочь оттуда застреленного “башкастого-хвостатого” и закопать его где-нибудь там же, Жаабарса в пещере не оказалось. Исчез куда-то Жаабарс. Исчез бесследно... А позже говорили, что скитается он тенью по горам. Самого его никто не видел, но следы его на снегу — по-прежнему мощные — замечали многие. Все так же любит Жаабарс бродить по сугробам. Таким уродился...

Вместо эпилога

Арсен Саманчин

(Публикация Элес Жаабарсовой)

УБИТЬ — НЕ УБИТЬ...

Рассказ

И только солнце останется не забрызганным кровью... и конь ускачет без седока...

(Предсказание цыганки)

Выводя самолет из зоны активного зенитного огня, летчик плянул вниз, чтобы удостовериться, насколько успел он удалиться от обстрела. Внизу космато расстилался густой буро-зеленый лес, который как бы кренился набок вместе с ним на вираже, казалось, лес постепенно опрокидывался, грозя свалиться в некую бездну. В следующую минуту истребитель выправился в полете, и лес разом вернулся на свое устойчивое место, слился с дымчатым горизонтом вдали. Мир обрел свои привычные очертания. Летчик едва перевел дух, и в это мгновение перед самолетом возникло нечто неожиданное, возникло настолько внезапно, что пилот не успел сообразить, с чем он столкнулся в воздухе, — какая-то бесформенная масса тяжело врезалась с ходу в самолет живым плотным телом. Машину резко тряхнуло от удара, и на долю секунды летчик полностью утратил видимость...

То была огромная стая ошалело несущихся птиц, точно бы ослепших на лету...

Пилот облился холодным потом. Едва удерживая штурвал, чтобы не провалиться в штопор, он судорожно передернулся в отвращении от кровавого месива, размазанного по стеклам кабины.

Птицы первыми покидали эти края, не дожидаясь осени. Они улетали в самый разгар лета стаями и врозь, ночью и днем, улетали, бросая гнезда с невысиженными яйцами, улетали от беспомощно тянущих шеи птенцов, еще кормившихся с клюва. Последними исчезли куда-то болотные совы, перестав ухать по ночам...

Разбегалось зверье...

И повсюду горели окутанные на многие версты едким клубящимся дымом лесные чащи, рушился вековой лес, огромные сосны валялись с треском, как в буреломе. И содрогалась земля, извергаясь сплошными взрывами от шквальных артобстрелов и разорвавшихся мин, от бомб, падающих с неба, от танковых штурмов, от встречного огня по танкам... Растерзанные взрывами речки растекались, выходя из берегов, заливая низины и овраги. Один танк навечно завалился в глубокий ров с водой, задрав среди поля дуло пушки круто в небо...

И все это неотвратимо происходило изо дня в день и не могло быть остановлено по той причине, что на данном рубеже, выражаясь военным языком, шла война фронтов. Фронт на фронт. Каждой стороне требовалось сломить оборону противника, развернуть решительное наступление, разгромить фланги и тылы врага, уничтожить живую силу. И каждая сторона считала своей задачей первой осуществить прорыв, первой начать наступление...

Но покуда эта задача никому не удавалась. И поэтому тянулась позиционная война, изо дня в день, изо дня в день...

А время шло своим ходом. И почти до самой осени на этом пространстве, именуемом театром военных действий, орудия не смолкали ни днем, ни ночью, ни в дождь, ни в ведро... Птицы в тот год так и не вернулись к своим

гнездовьям, потоптанные травы так и не смогли отцвести и осемениться.

Прифронтовые штабы, нацеленные на взаиморазгром, тем временем поспешно разрабатывали новые оперативные планы, доносили секретные сведения о потерях, о количестве убитых и раненых — и тот, и другой штабы доказывали в один голос необходимость наращивания ударного потенциала и потому одинаково просили у своих Верховных главнокомандующих еще и еще подкреплений в живой силе, в технике, в боеприпасах: один ради идеи завоевания новых жизненных пространств, другой — ради защиты тех же пространств. Но как бы то ни было, и в том, и в другом случае резервы шли, силы снова убывали в боях и снова шли...

Искромсанное войною лето между тем уже склонялось к исходу, и для каждой из воюющих сторон наступил последний срок готовности, последний предел, за которым должен был грянуть прорыв, когда покатится по земле неудержимая сила — лавина наступления...

К этому великому действию, когда из всего сущего только солнце останется не забрызганным кровью, в края, покинутые птицами, судьба сгоняла в ту пору многих людей, быть может, родившихся на свет именно для этого рокового события.

Один из них следовал сюда в воинском эшелоне из города Саратова, из жаркой приволжской Предазии. В эшелоне все понимали, что едут на войну, но куда именно — на какой фронт, на какой участок, — это могло знать только высшее командование, солдатское же дело — куда погонят... Однако поговаривали, что везут их в Москву, а дальше, ясное дело, — на фронт... Так оно и было. Предсказать такое движение оказалось совсем не трудно.

Отъезжали из Саратова на склоне дня, а через ночь душного пути, после осточертевших за лето, повыжженных зноем приволжских степей пошли, пошли проглядывать по сторонам, то вблизи, то на отлете от железной дороги, зеленые рощи да хвойные леса, любо было глядеть — как

писанные на старинных картинах. И даже прохладой заметно повеяло в раскрытые двери теплушек, набитых солдатами и стрелковым оружием. А вскоре леса подступили вплотную.

— Глянь — какие леса побежали! Россия пошла, Россия-матушка! — переговаривались солдаты, точно бы сами были не из России, а из каких-то иных пределов.

Среди них находился один совсем молоденький, долговязый, солдатская одежда висела на нем как отцовская — Сергей Воронцов, или, как прозвали его во взводе, — Сергей, инок, а то и вовсе отец Сергей. К слову случилось, упомянул парень о Боге, что Бог не икона, а явление, а какое такое явление, толкований его никто не понял, этого, однако, оказалось достаточно, чтобы зубоскалы принялись насмешливо величать его по-церковному — Сергием да иноком. Удовольствие получали — Воронцову было всего девятнадцать лет от роду, почему бы и не посмеяться над умником. А он не обижался. Этот Сергей часами стоял у косяка, у поперечной перекладины вагонных дверей, больше всех торчал там в проеме. Другие играли в карты, у кого-то сохранилось даже что выпить после вчерашних проводов при посадке на вокзале, и, как водится, от вынужденного безделья в пути всякие разговоры велись галдежные в шуме и грохоте движения, иные же песни пели — себя слушали на дорожном досуге, а его, Сергия, все к дверям тянуло — поглядеть на новые места, проносящиеся мимо. Больше всех глазел, любопытствовал по-мальчишески — в эту сторону исконно российскую Сергей ехал впервые, хотя и мечтал по окончании школы попасть на учебу в Москву, но теперь все это отпало, поезд мчал его на войну. А куда жизнь шла в эшелоне, в движении, в выбегании с жестяным чайником на станциях за кипятком, в поедании солдатских паек да в смене путевых впечатлений после трех месяцев муштры в армейском лагере на Волге. И всякий раз, завидев нечто необыкновенное, невиданное, подчас для других — бывалых — вовсе и не занятное, дергал Сергей кого-нибудь из рядом стоящих за рукав, погляди, мол! А там какая-нибудь срубная деревенька, прильнувшая к железной дороге, озерцо

укромное в камышах, какой-то чудака почему-то верхом на корове — вот это да, вот это кавалерист; высоченная труба в чистом поле близ завода с горящим нефтяным факелом. Сергей все это объяснял, рассказывал, что факел в небе горит сам для себя, для сброса лишнего газа; у них, у отца на нефтепромысле, тоже была такая же труба с факелом. В темную зимнюю ночь, когда снег падает, очень красиво: снежинки кружат, а в небе — живой огонь. На Новый год, бывало, с матерью, с сестрами ходили любоваться факелом, по снегу шли, взявшись за руки. А когда возвращались домой, тепло, светло было в доме, стишки читали, мать пирожками угощала, отец — всегда строгий бухгалтер — и тот веселился. Чудака-инок, иные посмеивались, вспомнил стишки, пирожки... И это ему-то на фронт!

А на одной узловой станции — поезд как раз шел медленно, и было уже сумеречно — Сергей привлек общее внимание к сгоревшему от бомбежек и поэтому, должно быть, доставленному на запасные пути составу с изувеченным паровозом и такими же побитыми вагонами. Никто не обмолвился ни словом, но конечно же каждому подумалось: как под бомбежкой загорелся поезд, как самолеты фашистские налетали, что происходило в этих вагонах? Скольких побил, которые выпрыгнули, сколько погорели? То была первая мета войны, представшая взору. Тихо встретились, как на кладбище, и тихо разминулись в сумерках. Многие молчали, задумчиво дымя махорочными сигарками.

Но был и забавный случай по пути, поохотали над парнем, когда Сергей опять кого-то дернул за рукав:

— Посмотри! Колодцы какие здесь, вон видишь? Колодец под козырьком, как крыльцо резное-расписное! Красота!

На что услышал ехидную реплику:

— А ты не на колодец смотри, крыльцо резное-расписное! Ты на деваху смотри, вон, которая берет воду из колодца. Смотри, какая загорелая, а задок! А ты — колодец!

Эх, инок, прыгнул бы сейчас вместо тебя с эшелона, да в дезертиры запишут!

Смеху было!

Надо сказать, и в самом деле люди как-то уж очень быстро распознавали, что он именно таков — лопух, инок, юнец зеленый, — не туда смотрит, куда следует, хотя и ростом бог не обидел, и в плечах не такой уж щуплый, и суждением тоже смышлен, но правда и то, что во многом Сергей оставался еще подростком, застенчивым и даже странноватым. Сергей и сам подчас думал об этом не без горечи, глядя на сверстников, на зависть быстро преодолевших угловатость, которые, не говоря уж обо всем другом, с женщинами обращались запросто. А он! Приключилась было одна история с намеком на любовь и как-то нелепо кончилась.

Вот опять же вчера на вокзале при посадке на поезд случай произошел странный, возможно, смешной, а, возможно, и нет... Из головы не шел всю дорогу. И все оттого, что люди с первого взгляда узнают, кто он таков — бесхитростный инок, да и только...

А дело было в том, что отправку их части объявили неожиданно, как по тревоге, ранним утром. Трудно сказать, почему столь срочно, но такова была команда. Война шла, и этим объяснялось все. Приказ есть приказ. Сборы шли в спешном порядке. И вскоре выступили они из пригородного лагеря всей пехотой, рота за ротой, и двинулись по окраинным улицам Саратова в направлении станции... Многие в тех колоннах были саратовцами, мобилизованными в армию. Проходя по улицам, иные шли мимо своих окон в общежитиях и домах, мимо ворот фабрики, где недавно еще работали. Как тут было молча миновать? Отсюда и закрутилась вся история. Никто, конечно, не помышлял выбегать из строя, такого командир не потерпели бы, но были такие, что кричали на ходу в раскрытые по-летнему окна, чтобы попрощаться с родными. Или окликали прохожих, передавали приветы. И детвора дворовая набежала тут как тут с разных сторон, одни

увлекая других: “Солдаты идут! Красноармейцы идут на войну!” А тут еще женщины — жены, сестры, соседки! И все увязались, точно бы только этого и ждали, да еще кто в чем успел выскочить — какая бежала в тапочках, а какая и вовсе босиком, да вприпрыжку, какая с полотенцем мокрым на волосах — как мыла голову, так и подалась, — кто в драной юбке. Бежали они рядом с шагавшими строем в солдатских сапогах, напутствовали их, уходящих на войну, на прощание, препоручая всех до единого самому Господу Богу; все до единого были для них в тот час одинаково родными, кровными. Бежали да все наказывали наперебой поскорее возвращаться с победой домой, в Саратов, на Волгу, в родную сторонку, а одна горемычная кликуша плакала да все выкрикивала: “Сталину слава! Сталину слава!” А потом, уже ближе к станции, спохватились, запричитали бабы перед разлукой, вспомнили о себе, о своей горькой доле, ибо было им о чем убиваться, расставаясь навсегда с уходящими на фронт, — вся их жизнь отныне становилась жертвоприношением войне с вытекающей отсюда почти неизбежно вдовьей участью до скончания века...

— А ну-ка, женщины, не кричать! Не мешать движению! Разойдись!

Но никакие увещевания и строгие окрики командиров не действовали на них. Так они и шли — солдаты в строю, а рядом поспешавшие женщины и дети — по кривым улицам саратовским, то на подъем, то вниз по спуску. И все дальше и дальше от Волги...

Не предполагал Сергей, что так тяжело будет переживать расставание, первый раз в жизни прощался на миру. Душа истерзалась, хотя, как и другие шагавшие рядом, пытался он приободряться, улыбался всем, с кем встречался глазами, рукой махал — ничего, мол, все выдюжим. Как иначе? А про себя очень переживал еще и потому, что не удалось попрощаться со своими — родители его уже были престарелыми людьми, он у них самым младшим родился. Одна сестра, старшая, жила в Казахстане, где-то на границе

с Китаем, на пограничной заставе. Вторая, Вероника, здесь же, в Саратове, муж ее находился на фронте, жив или не жив — неизвестно. А у нее ребеночек, сама на работу, а малыша оставляла постаревшей как-то сразу в последнее время матери для присмотра, отец же — Воронцов Николай Иванович, всю жизнь проработавший на волжских нефтепромыслах бухгалтером, в ту пору лежал в больнице, давно болел. Об этом обо всем написала Вероника в их пригородный лагерь, на полевую почту воинской части, где днем и ночью обучали их воинскому делу. Посещения родным не разрешались, и в этих письмах Вероника описывала все, что они переживали и как ей трудно всюду поспевать — и на работе, и дома, и в больницу к отцу ходить. Она всегда была беспокойная душа, за всех переживала. Любил он свою сестрицу и за то, что Вероника была открытой и очень откровенной, все писала как есть. Однако на последнее письмо сестры Сергей не ответил и не знал, будет ли отвечать, очень неприятно оно подействовало на него. Странное, неловкое ощущение оставило на душе. Вероника писала — только откуда она все это узнала? — про Наташку, его бывшую одноклассницу, которую в школе называли “коминтеркой”, потому что Наташка еще в седьмом классе сочинила стихи о Коминтерне, о том, как в Испании сражались коминтерновские бригады за счастье рабочих и крестьян всех стран, и послала их в Москву, а оттуда ей прибыло письмо с благодарностью, и это было событием в школе, она всем давала читать то письмо. Шустрая, бойкая, Наташка-коминтерка потом стала активисткой, выступала на всех собраниях, ее все знали, и она всех знала. И был случай весной, как раз перед самой войной. Однажды он танцевал с ней на школьном вечере. Она сама его потащила танцевать, он стоял у окна, глядя на вальсирующие пары, когда она подошла вдруг, оставив своего партнера, и уверенно взяла его под руку: “Пошли, Сережа, больше всех с тобой хочу потанцевать!” И он повиновался ей, как пионер — вожатой, хотя она была всего лишь по плечо ему. И откуда в ней было столько

решительности? А он будто бы этого только и ждал, в жар бросило. И они включились в танцующую толпу. С того и началось.

Небывалые терзания испытывал Сергей — так головокружительно было среди множества танцующих, точно бы незримый огонь исходил от вальсирующих, распаяя плоть и дыхание, так желанно отдаваться влекущей страсти. И в то же время тяготился он многолюдьем, хотелось убежать из толпы, взлететь в небо с Наташкой, чтобы никто их не видел, и лететь, лететь все выше и выше, прижимая ее к себе. А Наташка-коминтерка была как резина — и упруга, и податлива, он же поразился еще тому, что сковывавшая его поначалу неловкость отпустила и возникло ощущение особой близости, очень быстро нараставшей между ними, — сердце колотилось все сильнее, невозможно было унять. И это притяжение все больше овладевало им, однако лица ее, находясь столь близко, что явственно ощущалось ее разгоряченное дыхание, лица ее он почти не различал и от волнения не понимал, что с ним происходит. И только когда она вдруг сказала: “Я знаю, Сережка, ты меня любишь, ты мечтаешь обо мне!” — он увидел ее дерзко смеющиеся глаза и намеренно приближенное, с внушающим выражением лицо.

Сергей сильно смутился, такого он не ожидал и не был к тому готов, хорошо еще не потерял темпа, продолжал кружиться. Хотел что-то сказать в ответ, что-нибудь эдакое, лихое, уличное, как это здорово получается у других ребят: как скажут — аж дыхание перехватит, у него же получалось все всерьез. Он хотел сказать ей, что, мол, не думал, любит он ее или нет, хотя она ему вроде нравится, даже очень нравится. Однако Наташка как знала опередила, перехватила, переиначила его намерение. “Не отвечай, Сережа, не отвечай, не старайся! Я же пошутила, — заговорила она, кружась и покачивая в такт музыке головой. — Но, понимаешь, я же вижу тебя насквозь, могу сказать за тебя. — Наташка приостановилась на краю зала, чтобы слышнее были ее слова. — Я всех вижу насквозь, кто

о чем думает. В райкоме говорят, что я прозорливая комсомолка-пропагандистка. И тебя вижу. Ты любишь меня и скоро мне об этом скажешь! Ты ведь у нас не такой, как другие. Тугодум, ой тугодум! Пока соберешься... Я все знаю. Ты ведь с девчонками еще никогда ничего! Так ведь? Да, ясное дело! Ну, не скрывай! Я же вижу по глазам! Но скоро на тебя будут все вешаться! А ты смотри у меня! Я первая! И ты будешь со мной! — Они снова закружились в танце. Наташка не умолкала: — Будем всюду вместе ходить. Я буду выступать на собраниях, а ты — записывать для газеты, журналистом станешь. Ты хорошо пишешь, я знаю. Понимаешь, я боевая, я здорово речи толкаю, а ты зато умник, мне как раз такой и нужен. Соображаешь?”

Вот такой случился разговор, то ли в шутку, то ли всерьез, надо ли было думать об этом или напрочь забыть, но в ту ночь Сергей не уснул, промаялся до утра, точно бы его ударило электрическим током. И решил он после этого написать ей письмо, но потом порвал его. Всерьез писать показалось не совсем уместным, а просто так, ради забавы, как бы прилаживаясь к ней, Сергию было неинтересно.

Со временем успокоился. Потом, уже после окончания школы, когда он поступал в пединститут — война началась в то лето, — они виделись раза два мимоходом, но о любви уже не говорили. Каждый раз Сергей ожидал, что они вернуться к тому разговору, но сам не намекал и от нее не дождался. Вернее всего, надо было забыть эту историю, но когда пришла повестка в армию, как-то получилось все наоборот. Сергей не сумел удержаться, пошел к тому дому многоэтажному, где она жила, и слонялся возле него, томясь, волнуясь и раздираясь между желанием уйти и желанием остаться. И дождался — она возвращалась домой. Но все получилось как-то очень буднично. Так бывает, когда угасает костер. Надо найти сухих веток, чтобы он ожил. Сергей сказал ей, что уходит в армию и пришел попрощаться. Она восприняла это совершенно спокойно, сказала, что теперь всех берут на фронт, мобилизация, что сейчас очень спешит, у нее дела, но пообещала писать.

Пусть придет поскорее адрес полевой почты. Сергия это очень обрадовало, будто бы для этого он только и пришел — чтобы условиться о переписке, потому что в письме можно сказать гораздо больше, чем с глазу на глаз. В письме можно сказать то, на что подчас не хватает духу. Однако на свои письма, а он отправил ей подряд три, обещанных ответов от нее он так и не получил, ни одного, хотя очень ждал, вынашивал в уме разные фразы и возможные ответы. И когда уже надежда угасла среди будней солдатских, вдруг в последнем письме сестрица Вероника — откуда она все разузнала? — пишет, что Наташа-коминтерка выходит, как говорят знающие люди, замуж за человека намного старше ее, у которого год назад умерла жена и который имеет бронь от призыва на фронт. И далее Вероника писала: “Сережа, милый братец, не смей переживать из-за этого. Я же знаю тебя, ты начитался разных романов и на все смотришь со страниц книг, ты будешь переживать. Но ты не делай этого. Понимаешь, ты совсем другой. У вас разные натуры. И не осуждай ее в душе, это ее дело, если решила выходить замуж. Вы совсем не пара. Поверь мне. И только бы вернулся ты домой живой и здоровый, только бы быстрее кончилась война, а в том, что ты будешь счастливым и что какая-нибудь девушка станет с тобой очень счастливой, я не сомневаюсь, Сережа! Только ты вовсе не переживай, братец дорогой. И поскорее возвращайся к нам... Скорей бы кончилась война, скорей бы...” Вот такое письмо. Да ведь, по правде говоря, ничего между ним и Наташкой-коминтеркой и не было, чтобы переживать. Но сестра решила все-таки успокоить его.

Теперь эта незадавшаяся история с Наташкой оставалась для него в прошлом, как полузабытый сон, как минувший урок в минувшем отрезке его девятнадцатилетней жизни. С тем он уходил на фронт, уходил, сам себя не понимая, со сложным чувством и огорчения, и освобождения от того, чему ненароком готова была поверить его неопытная душа. Он уходил из города своего детства напрямиком на войну в походном марше,

провожаемый бегущими по улице женщинами и детьми. Сожалел при этом очень, что не было среди них сестрицы его Вероники, которая, зная она об их срочной отправке, конечно же прибежала бы во что бы то ни стало повидаться напоследок.

Но во все времена говорят — мир не без чудес. Возможно, то был именно такой случай. Судьбе угодно было возместить отсутствие его сестры совершенно неожиданным образом. Об этом он подумал уже в пути, успокоившись немного после посадки по вагонам.

Когда они еще направлялись к вокзалу, среди женщин в толпе оказалась вдруг одна цыганка. Откуда она взялась, одному Богу ведомо, хотя в Саратове цыган в летнюю пору всегда полно. Цыганка бросалась в глаза и смуглым ликом своим, и медными висячими серьгами, которые отчаянно раскачивались на бегу, и яркой изодранной шалью, сбившейся на плече, и длиннополой, почти до земли, юбкой. Ну, цыганка и есть цыганка! Увлеченная, должно быть, уличным многолюдьем и движением, она тоже поспешала сбоку колонны, что-то выкрикивала, жестикулировала и, казалось, кого-то высматривала в строю. Солдаты в ответ недоуменно перемигивались, подталкивали друг друга в бок — плянь, мол, не тебя ли выискивает цыганка? А один даже сам объявился:

— Эй, цыганочка, эй, бедовая, я здесь! Слышишь? Да это же я! Ты меня ищешь погадать? — И очень был удивлен, услышав в ответ, что когда-нибудь она погадает и ему, а сейчас сама найдет того, кто ей нужен. И точно — как сказала, так и получилось.

Вскоре она опознала на бегу, возможно, интуицией, данной ей свыше, возможно, по прихоти своей, того, кого искала. К удивлению шагавших в строю, им оказался Сергей. Почему именно он? Почему именно к нему, к Сергию, обратилась цыганка, попевая рядом:

— Слушай, парень! Слушай, молоденький, эй, ты, чернобровый, выдь на край, дай руку, я тебе погадаю на дорогу, поворожу на счастье!

Сергий шел в шеренге третьим с краю. Но дело было даже не в этом, а в том, что он не знал, как ему быть в эдакой невероятной для него ситуации. Никогда до этого ему не гадали, не ворожили, в семье все были далеки от разных магий — отец ни в какие карты не верил, мать тоже не очень верила приметам, а тут вдруг такая нелепица.

— Не надо! Я не хочу! — громко сказал он ей, улыбаясь и пожимая плечами, смущаясь своим отказом, понимая, что следовало бы извиниться, но как и за что? А тут еще свои подтрунивать начали — вот, мол, цыганка как знала кому гадать, инока нашего облюбовала. А кого же еще? Он, кажись, в Бога верит, вот и в самый раз!

Цыганка, однако, не отвязалась:

— Слушай, парень, не отказывайся — это судьба!

Кто-то подсказал ей:

— Его Сергием зовут.

— Сергей? Эй, Сергей, дорогой, эй, чернобровый! Я тебе говорю — это судьба, не отказывайся, Сергей, ты совсем еще молоденький, судьбу твою расскажу! Погадаю от чистого сердца. Все скажу как есть!

Но тут какие-то идиоты на нее зашумели:

— А ну, не мешай, цыганка! Видишь — идем.

— А я не помешаю, я только пляну на руку, на ходу!

— Отвяжись, надоела, не мешай, тебе говорят!

Цыганка была не молодая, но и не старая. И в лице ее, как показалось Сергию, не было обычного плутовства, наоборот — открытость, участливость, как у сестры его Вероники. Веронике всегда хочется что-то доброе сделать кому-нибудь, и нет ей оттого покою. Да, очень она походила на Веронику. Или так показалось ему оттого, что та крикнула: “Я тебе как сестра скажу! Как своему брату!”

И когда цыганка где-то затерялась в толпе, Сергию стало даже жалко, и в душе упрекнул он себя — следовало бы откликнуться, что же он такой стеснительный? Нехорошо получилось.

Тем временем они подошли уже к станции, прибыли всем строем, рота за ротой, взвод за взводом, и загудела,

зашумела саратовская толпа, прихлынувшая вслед за войском. Эшелон уже стоял на путях с распаханутыми для посадки товарными вагонами. Длиннющий состав, конца-края не видно.

И началась предотъездная суэта. Распределяли, какому взводу какой вагон, шумно передвигались вдоль состава, а тут женщины, дети путаются под ногами, и никакими силами не отогнать их.

Погрузка длилась довольно долго. Жарко было и тесно на перроне. В ожидании своей очереди на посадку Сергей совсем забыл о цыганке той, как вдруг она снова возникла в толпе. Нашла-таки, вот ведь какая настырная оказалась.

— Эй, Сергей! Я за тобой! Не отказывайся, парень, послушай меня, цыганку. Судьба велит тебе погадать на дорогу. Не отказывайся, на войну идешь, судьбу узнаешь.

Сергей даже обрадовался:

— Хорошо. Гадай, если так надо. — Положив вещмешок у ног, повесив автомат на шею, он с готовностью протянул ей руку.

Вот так у вагона перед посадкой, в окружении товарищей по взводу и состоялось гадание. Цыганка внимательно разглядывала линии руки, шептала что-то, шевеля губами, покачивала головой.

— Ой, битва будет великая, невиданная и неслыханная. Ой, судьба, судьба! И только солнце останется не забрызганным кровью, и конь ускачет без седока, — приговаривала она, не обращая ни к кому конкретно, а потом добавила, глянув Сергею в глаза: — Была у тебя любовь непонятная. И печаль принесла она тебе, да напрасную. И чистый ты, как бумага неисписанная.

Тут раздалась сразу солдатские смешки:

— Ясное дело, втюрился наш чистый — да не вышло!

— Не вышло! — заступился с наигранным укором другой. — Вам бы только зубы поскалить. Инок-то наш пострадал, выходит, да ни за что, а она, стало быть, хвостом вильнула — и была такова! А он как был чистый, так и остался!

— Ты не слушай их, парень, ты меня слушай, — отмахнулась цыганка. — Теперь дай другую руку и слушай только меня.

Разглядывая левую ладонь Сергея, цыганка напряглась, примолкла на мгновение и затем торжествующе воскликнула:

— Ты бессмертный! Сердце мне подсказало. Вот видишь — ты бессмертный! У тебя звезда такая! Я как знала! Потому и шла за тобой!

Все зашевелились вокруг. Сергей глупо заулыбался, не зная, как быть — то ли радоваться, то ли посмеяться да благодарственно поклониться для потехи, — и хотел было убрать руку, но тут вмешался один солдат. Кузьмин. Был такой зануда, вьедливый мужик, ко всем придирался, если кто не так что-нибудь скажет. Поучать очень любил.

— Пстой, пстой, цыганка, ты что это, дорогая? — решительно покачал он головой. — Ты что-то не в ту степь поскакала. Что значит — бессмертный? Да разве может быть кто-нибудь бессмертным? Где это слыхано? Все на земле смертные — и только он один бессмертный? А мы, между прочим, не куда-нибудь, а на войну едем, и кто знает, кому как придется — кому пуля, кому — нет? Да на фронте сейчас смерть не разбирает, кому что нагадано. Подряд косит. Зачем же нас дурить?

— Я не дую, я судьбу узнаю. А у него звезда бессмертная! На роду так написано, — не сдавалась цыганка. И добавила то, что устроило многих, хотя и было не совсем понятно: — А судьба выше смерти. От судьбы судьба ведется, а от смерти ничего не идет. У парня этого звезда бессмертная от судьбы!..

Кузьмин еще долго что-то ворчал, руками размахивал, как на митинге, доказывая нелепость цыганского гадания, и хотя он был прав, солдаты, однако, поверили почему-то гадалке. А когда надо было расходиться по вагонам, многие попрощались с ней за руку, и она не уходила с перрона до самой отправки и, когда поезд тронулся, бежала среди

прочих женщин и детей за вагоном и махала Сергию рукой...

Жарко было. Не спалось в ту ночь. Колеса стучали во мраке, паровоз давал затяжные гудки, сердце сжимала ноющая тоска и тревога. Всякое думалось Сергию, уносимому волной истории на мировую войну. И среди прочего припоминал он то и дело цыганку ту. Запомнилась фраза: “И только солнце останется не забрызганным кровью... и конь ускачет без седока...” Что это могло значить? Непонятно и загадочно. Что же должно произойти, чтобы только солнце осталось не забрызганным кровью? И чтобы конь ускакал без седока? А звезда бессмертная? Какая такая звезда? И где она? Скорее всего все это байки. Ну какое отношение звезда имеет к человеку? Где звезды — а где человек. Но ведь есть судьба. И судьба с судьбой связана. А что такое судьба? И как может судьба вестись от судьбы?

Колеса стучали по рельсам. Солдаты лежали вповалку, храпели. Луна то появлялась в проеме дверей, то исчезала, звезды мелькали на бегу поезда...

Но вот что странно — как могла цыганка угадать про Наташку-коминтерку, про то, что письма ей писал, что ничего не вышло? Как она сказала, цыганка эта? Напрасная печаль? Значит, и печаль может быть напрасной. А что впереди? Как оно будет на фронте? Страшно, конечно. Раненые, прибывавшие в Саратов с фронта, рассказывали о войне. А теперь придется самому увидеть, какая она...

Сон не шел. И опять подумалось ему, что есть какая-то сила над всеми и над каждым, которая называется судьбой. И никто не властен остановить ее или объяснить. Наверное, от судьбы — война, от судьбы — жить или не жить, победить или не победить. Вот ведь едут они все на фронт — судьба велит. И потому они сейчас в эшелоне на нарах, и поезд мчит их на всех парах туда, где война с фашистами бушует. А там как будет? Опять же судьба! Убьют или не убьют? И от этого зависит, кто кого победит. Да, от того, кто кого убьет. Всем хочется, чтобы война поскорее закончилась, чтобы голод отступил. Об этом женщины и даже дети

кричали в толпе, когда они шли по улице. А для этого надо воевать, надо убивать, надо победить. Выходит так. Дома отец с матерью спорят из-за этого. Когда пришла ему повестка и стали они обсуждать что к чему, готовить его, собирать, мать вдруг сказала с мольбой, присев на краешек стула и прижав руку к груди: “Сереженька, только не убивай никого, не проливай крови!”

С чего это она? Случайно или долго думала? И никогда уже не забудется, на всю жизнь запомнилось, как мать произнесла эти слова, глядя ему в лицо так, точно бы только что вернулась откуда-то издали, только что перешагнула порог и сказала то, о чем думала всю дорогу. И он сам словно бы впервые в жизни увидел свою мать, увидел, какие у нее глаза, уже утратившие былой золотистый блеск, какая она морщинистая лицом, какая старенькая в стареньком своем сатиновом халате, с платком пуховым на плечах. И странное открытие сделал он для себя — значит, все эти годы их скитальческой жизни по приволжским нефтепромыслам, когда он еще бегал босоногим мальчишкой, а она, мать, была крупной статной женщиной с косами русоволосыми, венцом уложенными на голове, озабоченной всегдашними делами по дому, детьми, школой да мужниным диабетом, все эти годы она, оказывается, готовилась, чтобы сказать ему то, что сказала, собирая его в армию. То, что мать взывала никого не убивать на войне, не проливать крови, очень смутило его тогда, и он неопределенно пробормотал:

— Ну что ты, мам! К чему об этом? Я же в армии буду. — И чтобы уклониться от разговора, стал перебирать в шкафчике учебники и книги. — Мам, у меня тут книги из библиотеки. Я их отложу, пусть Вероника отнесет и сдаст.

Но разговору тому суждено было продолжиться, потому что отец вмешался. Да, Николай Иванович всегда был прям и резок, вспыльчив даже, чуть что — спорил до ярости, возможно, оттого и с начальством не ладил, и печенью болел.

— Что значит — не убивай? — воскликнул он почти возмущенно. — Как это — не убивай, крови не проливай? Вот те на! А куда он уходит-то? Никак на войну. Ну, ты, мать, скажешь так скажешь, — и стал шарить по комнате в поисках курева. Мать прятала, он всегда хотел курить, когда волновался. Мать утверждала, что это от курева он такой худой и дерганый.

— Только не кури, Коля, — взмолилась она, — пожалей себя.

— Ну да, как тут не закуришь после того, что ты сказала Сергею. А ему на фронт завтра. И что он там будет делать?

— Вот потому и говорю. Пусть Бог рассудит. Все только и твердят — убей, убей! Враги нам смерть несут, мы им — смерть! А как потом жить на свете? Одни убийцы останутся на земле? Я, думаешь, не понимаю: ты не убьешь, так тебя убьют? А убьешь — все равно убийца. А что с Анатолием, зятем нашим? То ли жив, то ли нет, то ли убили его, то ли он убивал? И Веронике сказать боюсь. Так я уж сыну выскажу, что на сердце, — и заплакала молча, подавляя рыдания, не находя ответа и не в силах переубедить себя.

— Во-во, — продолжал отец с укоризной, — да тебя за такую агитацию во враги народа и в Сибирь упекут. Тут война идет мировая, кто кого осилит, или мы, или нас, а ты — не убий! Думаешь, мне собственного сына не жалко? Или Анатолия нашего? Только как же иначе? Солдат землю свою защищает, у него приказ. И если солдат уничтожит врага, то есть убьет, то по приказу, по долгу, и в этом его геройство!

Мать молчала, занятая латанием вещмешка для сына, а отец пустился в воспоминания молодости, когда он девятнадцати лет от роду, такой же, как сейчас Сергей, плавал в Первую мировую моряком-подводником. И рассуждения его сводились к тому, что уничтожение вражеской живой силы — это главное дело на войне. Вот, к примеру, они на подлодке своей потопили военнотранспортное судно с войском в Балтийском море. Вначале долго шли следом под водой. А потом торпедировали. И оба

снаряда в цель, попадание в борт по ватерлинии. Корабль загорелся, стал тонуть. Они на подлодке ушли вглубь, переждали час, затем снова поднялись и стали наблюдать в перископ за происходящим на поверхности. Задрав носовую часть к небу, огромный корабль уже наполовину ушел под воду, а вокруг множество людей еще отчаянно пытались выплыть.

В перископ смотрели, конечно, командир да старшие офицеры, с их слов связисты каждую минуту рапортовали в ставку, в Кронштадт, выстукивали азбукой Морзе сводку об успешном выполнении боевого задания, а задание — это приказ. Приказ уничтожить врага — и все!

Вначале только в перископ подсматривали, как тонут люди. А потом, когда вражеский корабль затонул, убедившись, что вокруг нет никакой опасности для подводной лодки, полностью всплыли на поверхность. И дан был приказ — всем наверх, и весь экипаж вышел на палубу и построился перед командиром выслушать объявление благодарности. А враги тонули вокруг, их осталось уже совсем мало. Иные пытались доплыть до подлодки и не могли, а иных, доплывших, расстреливали из наганов, с вытянутой руки.

Вот она, война. На войне побеждает тот, кто убивает, а кто побеждает — тот прав. Всегда так было и так будет.

Мать не стала ни спорить, ни возражать. Только головой покачала. Потом заглянули попрощаться соседи, тетка с племянниками пришла. Вероника прибежала с работы, стала помогать матери по дому. И другие уже разговоры пошли до самой полуночи.

Жалко было теперь родителей — и мать, и отца. Мать хотела, чтобы он никого не убивал, а отец, чтобы его не убили, а потому требовал убивать врагов. Все то, что прежде казалось обыденным, домашним, обрело в пути самооценку и щемящую боль утраты. Прошлое с каждой минутой удалялось, оставалось позади. Вспоминалась Волга под саратовским нагорьем. Любимые летние места, зеленые островки и сияющая, магическая речная ширь, а на ней

паруса. Но больше всего в детстве тянуло Сергея к большому железнодорожному мосту над рекой. Мост был высоченный, надо было голову задирать, чтобы, находясь внизу, на берегу, часами любоваться проходящими по нему поездами, прислушиваться к грохоту колес. Металлические пролеты моста гудели и дрожали, и он завидовал в такие минуты тем, кто куда-то ехал по мосту через Волгу, в какие-то прекрасные страны, описанные в книгах...

И еще припомнилось из детства, как в новогоднюю ночь ходили всей семьей в валенках через снежное поле к высоченной трубе с полыхающим факелом. Живой огонь, живой снег, нескончаемо падающий в зареве огня. Огонь безмолвно пожирает снежинки, а снег все идет и идет, любя огонь, не в силах отстраниться, густо валит... И огонь не гаснет, и снегу нет конца...

С годами многое ушло, изменилось. И вот теперь война — необходимость убивать или быть убитым. И иного выхода нет, только так. Сергей беззвучно заплакал во тьме, вспомнив мать, отца, сестру Веронику, плакал потаенно, среди спящих солдат. Как хотелось снова, взявшись за руки, брести по снежному полю к полыхающему в небе ночному огню.

А колеса стучали на рельсах, вагон раскачивался на бегу. Проносились стороной какие-то полустанки, подслеповато мелькнув в ночи огоньками. Эшелон, набитый солдатами и оружием, поспешал туда, где предстояло убивать или быть убитым. Быть убитым не зависело от твоей воли, никто не жаждет быть убитым и никто не знает, быть ли именно ему убитым. Убивать — дело воли, а на войне — обязательное, безусловное дело. И однако же, как скажешь себе: убить — не убить?

...И стучали колеса на стыках: убить — не убить, убить — не убить, убить — не убить...

Постепенно задремывая со слезами на ресницах, Сергей пытался представить себе войну, бои, то, как и кого придется убивать — выстрелом или рукопашную, этому его обучали все лето на берегу Волги. Пытался представить и то,

кто будет делать то же самое, чтобы убить его. Старался вообразить себе того врага — немца, фашиста... И ничего не получалось — трудно было представить его так же, как трудно было представить по отцовскому рассказу тех, кто тонул возле подводной лодки. Волны захлестывали лица. Их было не разглядеть. А кто приближался, того расстреливали в воде... И он исчезал в пучине безмолвно и бесследно.

“Убить — не убить”, — стучали колеса. Сергей попытался припомнить немецкие слова, которые учил в школе, но тоже не уверен был, как могли звучать они на немецком: убить — не убить, убить — не убить, убить — не убить...

И мчался поезд во тьме...

P.S.

Текст рассказа “Убить — не убить” мне удалось найти в бумагах Арсена Саманчина. Я сожалею, что автору не было суждено увидеть свое произведение опубликованным.

Но читатели остаются всегда, как при жизни автора, так и — еще больше — после его смерти. И, как указано в записной книжке Арсена Саманчина, я буду читать вслух “Убить — не убить” на фронтовых кладбищах.

И слышу я зов Вечной невесты, о которой так много рассказывал покойный Арсен Саманчин! И я с ней...

Элес

Февраль 2006

Брюссель

Примечания

1

Муж старшей сестры (*кирг.*).

Ровесники (*кирг.*).